

В.И. ГОЛДИН

ИНТЕРВЕНЦИЯ И АНТИ- БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ 1918-1920

Издательство
Московского университета

В. И. ГОЛДИН

**ИНТЕРВЕНЦИЯ
И АНТИ-
БОЛЬШЕВИСТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ
НА РУССКОМ
СЕВЕРЕ
1918-1920**

Издательство
Московского университета • 1993

Р е ц е н з е н г ы:

доктор исторических наук К. В. Гусев,
кандидат исторических наук М. Е. Найденов,
кандидат исторических наук Ю. А. Щетинов.

Голдин В. И.

Г 60 Интервенция и антибольшевистское движение
на Русском Севере. 1918—1920. М.: Изд-во МГУ,
1993. — 200 с.

ISBN 5—211—02939—9

В монографии на основе новых документальных источников исследуются многие малоизвестные ранее события и факты гражданской войны в северном регионе страны, версии и реальности так называемой «интервенции по приглашению», столкновения противоборствующих внешних и внутривнутриполитических сил и интересов, характер взаимоотношений дипломатов и командования северного экспедиционного корпуса Антанты и местных антибольшевистских группировок, роль и значение белого Севера в российской гражданской войне и причины его падения.

Для специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов, учителей, всех интересующихся историей гражданской войны в России.

ВВЕДЕНИЕ

Страницы истории российской гражданской войны, трагического разлома общества, страшного лихолетья, унесшего миллионы человеческих жизней и уничтожившего накопленные веками материальные и культурные ценности, неизменно волновали и притягивали к себе пристальное внимание наших сограждан. С течением времени гражданская война в России все явственнее предстает как крупнейшая социальная драма не только отечественной, но и всей мировой истории первой четверти XX в. Осмысление ее уроков представляется весьма полезным в наше сложное время.

За семь десятилетий, минувших после окончания гражданской войны, в нашей стране издано более 15 тысяч книг, посвященных ее истории¹. Но изучался главным образом советский лагерь и постепенно создавалась апологетическая история победителей, которым с помощью официальной пропаганды придавался идеализированный, героико-романтический облик. В то же время несравненно меньшее внимание уделялось освещению антибольшевистского движения, причем доминирующей в отечественной историографии многие годы была тенденция не к объективному исследованию, а к разоблачению противников Советской власти, и вследствие этого у современников складывались весьма смутные и обычно искаженные представления об их реальных целях и задачах борьбы. Вместе с тем совершенно очевидно, что глубокое познание истории гражданской войны невозможно без изучения всех политических сил, участвовавших в ней, без вдумчивого анализа альтернатив, предлагаемых противниками большевиков, и реальной политики, проводимой ими на контролируемых территориях.

Гражданская война полыхала на огромных пространствах России и в каждом из районов она имела свои особенности, из которых и складывалась ее совокупная, многогранная и многоплановая картина. Северный фронт антибольшевистской борьбы не относился к числу главных, где решался исход гражданской

войны. И вместе с тем события и общественно-политические процессы на Севере России выходили далеко за рамки чисто локальных.

Именно Русский Север стал первым плацдармом и своего рода испытательным полигоном военно-политического союза держав Антанты и антибольшевистских сил. Причем начало союзной интервенции и сам процесс складывания антисоветского фронта происходили чрезвычайно своеобразно и эти события многие годы вызывают различные суждения и дискуссии как в нашей стране, так и за рубежом. Противоборство интересов и устремлений держав Антанты и Германии в отношении Северной России в условиях мировой войны, территориальные претензии и попытки военной экспансии Финляндии, сложная диалектика и коллизии отношений союзного командования и правительства Северной области, запутанные интриги внутривнутриполитической борьбы, попытки создания особой северной модели антисоветского движения — все эти проблемы важны для понимания истории международной интервенции и антибольшевистской борьбы в России.

Изучение истории интервенции и гражданской войны на Севере России имеет давнюю традицию не только в нашей стране, но и за рубежом. Уже в 20-30-е годы появилось значительное число публикаций, посвященных этой теме. Особый интерес представляют изданные за рубежом работы видных западных политиков и военных, принимавших непосредственное участие в разработке и осуществлении планов интервенции в Северную Россию: бывшего британского премьера Д. Ллойд Джорджа и военного министра У. Черчилля, союзных дипломатов в России Д. Фрэнсиса, Ж. Нуланса, Р. Локкарта, военных руководителей экспедиции генералов У. Айронсайда, Ч. Мейнарда, У. Ричардсона и др.²

Богатый фактический материал, интересные личные наблюдения и размышления содержатся в книгах и статьях бывших солдат и офицеров северного экспедиционного корпуса Антанты³, а также журналистов и сотрудников невоенных организаций, находившихся в 1918—19 гг. на Севере России⁴.

Наиболее активно тема минувшей войны обсуждалась в США. В 1920 г. в Детройте было основано издательство, а в 1922 г. создана ассоциация «Полярных медведей» — участников экспедиции в Северной России. Ими было издано немало работ о той войне. «Многие ветераны этой кампании стали ее страстными историками, — писал один из них, Дж. Турмен, — читая и жадно поглощая все написанное о ней, с тем, чтобы в конце

концов найти истинное объяснение тому, за что они воевали и умирали там»⁵.

История русского антибольшевистского движения в северном крае нашла широкое освещение и осмысление в мемуарах видных политических и военных деятелей северной контрреволюции — С. Н. Городецкого, Б. Ф. Соколова, П. А. Сорокина, генералов Е. К. Миллера, В. В. Марушевского, И. А. Данилова, С. Ц. Добровольского, капитана 1 ранга Г. Е. Чаплина и др.⁶ В 1924 г. генералом Е. К. Миллером в Париже было основано «Общество северян» — организация по типу землячества, объединившая бывших участников антисоветской борьбы в Северной России. Отделения этой организации возникли в ряде европейских столиц. К числу главных задач «Общества северян» относились сбор материалов и подготовка «Очерка истории Северной области» — истории белого движения на Русском Севере. Председателем редколлегии этого издания стал Е. К. Миллер, а членами — бывший заместитель главы северного правительства П. Ю. Зубов и член этого правительства С. Н. Городецкий (страстный собиратель материалов и летописец истории антибольшевистской борьбы на Севере).

Принципиальная оценка роли и значения Северного фронта в белом движении была дана в обобщающих работах видных политических и военных деятелей российской контрреволюции, ставших ее историками, — П. Н. Милюкова, С. П. Мельгунова, генералов А. И. Деникина и Н. Н. Головина⁷. Особо выделим книгу С. П. Мельгунова, посвященную одному из лидеров демократического крыла антибольшевистского движения в России, — главе северного правительства Н. В. Чайковскому, подготовленную на материалах личного архива последнего.

История интервенции и антибольшевистского движения в России, в том числе в ее северном регионе, отражена в ряде работ профессиональных историков Запада в 20—30-е годы⁸. Первыми обобщающими трудами по этой теме стали исследования Л. И. Страховского, в прошлом сотрудника Мурманского Совета, солдата французского легиона в Архангельске, а в дальнейшем профессора ряда ведущих университетов США и Канады. Изданные им в 1937 и 1944 гг. монографии⁹ базировались на широком круге источников, включая также практически все изданные к тому времени документальные сборники и работы советских авторов. Труды Л. И. Страховского заложили основу исследования истории международной интервенции и антибольшевистского движения в Северной России в зарубежной историографии.

В 20-х — начале 30-х годов проблемы интервенции и внутренней контрреволюции на Севере довольно плодотворно изуча-

лись и в советской историографии¹⁰. Следует особо выделить монографию И. И. Минца «Английская интервенция и северная контрреволюция» (М.-Л., 1931) и первый том предполагаемого (но не состоявшегося) трехтомного издания М. Ю. Левидова «К истории союзной интервенции в России» (Л., 1925). Книга Минца и до настоящего времени остается наиболее обстоятельным исследованием этой темы. К сожалению, в ней не получили освещения такие сложные и дискутируемые проблемы, как события в Мурманском крае весной—летом 1918 г., начало международной интервенции, зарождение антибольшевистского фронта, политическая эволюция Мурманского Совета и причины его разрыва с Москвой. Следует признать, что Минцу, в недавнем прошлом красному комиссару, было трудно объективно и непредвзято относиться к вчерашним противникам, что и сказалось на его работе.

Вышеназванная монография М. Ю. Левидова, выполненная в основном на зарубежных источниках, посвящена проблемам генезиса и начального этапа союзной интервенции, и в ней была подробно рассмотрена мурманская тема. Автор проанализировал существовавшие альтернативы отношений держав Антанты и органов Советской власти, реальности их мурманского сотрудничества и причины разрыва Советского правительства и союзников, следствием чего стала эскалация военных действий на Севере. Заметим, что, определяя задачи исследования, Левидов, оговаривался, что его труд не преследует «агитационно-публицистических целей»¹¹.

В целом как в нашей стране, так и за рубежом период, наступивший после окончания гражданской войны и интервенции, стал временем усиленного осмысления ее итогов и уроков, накопления и издания материалов по ее истории. Но авторам работ, в большинстве своем участникам этих событий, было сложно быть объективными: кипение былых страстей еще не улеглось. Добавим к этому и относительно узкий круг ставших достоянием исследователей официальных источников. Все это следует иметь в виду, оценивая литературу тех лет.

Традиция исследования истории контрреволюции в России была искусственно прервана в нашей стране в 30-е годы. Причина заключалась в сталинском постулате: «врага надо не изучать, а бить». Большинство из ранее изданных работ по этой тематике было на несколько десятилетий упрятано в «спецхраны», а многие авторы репрессированы. Концепция гражданской войны создавалась в соответствии со сталинскими «теоретическими установками».

Лишь в конце 50-х годов началось постепенное возвращение

к проблемам антибольшевистского движения, и наиболее активно в последующие десятилетия изучалась история политических партий. Однако рассмотрение этой тематики через призму коммунистической партийности и непогрешимости большевиков не способствовало ее объективному осмыслению. В конце 80-х годов тематика интервенции и российской контрреволюции была выделена как наиболее актуальная в комплексной программе исторических исследований¹². Снятие в последние годы ограничений на доступ историков к белогвардейским и белоэмигрантским архивным фондам сделало возможным их всестороннее и систематизированное научное изучение.

В последние десятилетия был издан ряд сборников документов и большое число работ, посвященных гражданской войне на Севере России¹³. Но центральное место в них по-прежнему уделялось советскому лагерю. Круг публикаций, специально посвященных истории интервенции и антибольшевистского движения в Северной России, весьма узок¹⁴, к тому же они отягощены грузом былых представлений, идеологических догматов и стереотипов. Впрочем, сегодня распространены и прямо противоположные суждения. Например, о том, что интервенции в Россию и прежде всего в ее северный регион фактически не было, а Северная область была независимой и процветающей республикой. Если вчера в иконизированном виде изображался большевистский лагерь, то сегодня идеализируются его противники. Все это не приближает нас к нелегкой исторической правде о российской гражданской войне. Вместе с тем начавшийся в последние годы диалог историков, занимающихся проблемами гражданской войны и интервенции на Русском Севере, вселяет определенные надежды на плодотворность их исследовательского поиска¹⁵.

В последние десятилетия значительно пополнилась зарубежная историография интервенции и гражданской войны в Северной России. Основное внимание, как и ранее, уделялось истории союзной военной экспедиции. Если рассматривать появление новых работ в хронологической последовательности, то в первую очередь следует назвать содержательную книгу американца Е. Хэллдея «Забутые армии»¹⁶. Автор резко критически оценил союзное военное вторжение, подробно охарактеризовал его основные этапы и исторические уроки.

Фундаментальным исследованием советско-американских отношений периода революции и гражданской войны стал двухтомник видного американского дипломата и советолога Дж. Кеннана¹⁷, в котором подробное освещение получили проблемы начального периода союзной интервенции на Мурман и в северный регион России и американского участия в ней. Двухтомное ис-

следование о роли Великобритании в союзной интервенции и гражданской войне в России было подготовлено в 60-е годы американским историком Р. Уллмэном¹⁸. А так как Великобритания рассматривала Северную Россию как свою «сферу влияния» и играла главную роль в происходивших здесь событиях, то, естественно, что этим проблемам была посвящена значительная часть работы Уллмэна. Она по праву считается одним из наиболее глубоких исследований данной темы. Отметим и интересную брошюру американца Р. Дулена «Мичиганские Полярные медведи» — об истории американской экспедиции на Север и работе ассоциации ее ветеранов¹⁹.

В 70—80-е годы были изданы содержательные исследования по истории интервенции и гражданской войны на Русском Севере английского публициста Э. Ротштейна и американских историков Дж. Лонга, Д. Гордона и Б. Роудса²⁰. Эти проблемы получили освещение и во многих работах, посвященных гражданской войне и интервенции в России. Среди них выделим два тома из предполагаемой 5-томной публикации американца М. Кеттла по истории союзной интервенции, отличающиеся основательностью и привлечением новых источников²¹.

В целом зарубежная историография иностранной интервенции и гражданской войны в Северной России весьма разнообразна и многолика. И ее вряд ли следует идеализировать. Наряду с глубокими исследованиями появлялись и политизированные на злобу дня поделки. В оценке многих событий и проблем сталкивались различные, а нередко и противоположные точки зрения. Но доминирующей тенденцией, особенно в литературе последних лет, является стремление историков объективно разобраться в первопричинах, эволюции мотивов и характере иностранного военного вмешательства в Россию, осмыслить итоги и исторические уроки трагических коллизий тех лет и донести их до своих сограждан. Многие зарубежные историки придерживаются мнения, что именно союзная интервенция сыграла ключевую роль в развязывании гражданской войны на Севере России и обусловила ее длительность.

Несмотря на многолетнюю традицию изучения истории интервенции и антибольшевистской борьбы на Русском Севере и публикацию значительного числа исследований по этой теме в нашей стране и за рубежом, нет оснований считать ее исчерпанной, тем более, что новые источниковые возможности и тенденции к устранению изолированности отечественных и иностранных историков друг от друга открывают благоприятные перспективы для совместного осмысления драматических страниц нашего прошлого.

Цель настоящей работы — изучение закономерностей и особенностей международной интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере* как органической составной части общероссийской гражданской войны. Главные задачи исследования — представить интервенцию в единстве ее политико-дипломатических, социально-экономических и военных аспектов, дать анализ внутренней эволюции антибольшевистского движения в контексте взаимоотношений с интервентами, проследить этапы развития и причины распада их союза. Особое внимание уделено как наиболее сложным и дискуссионным проблемам (истoki и мотивы интервенции, мурманские события и др.), так и малоисследованным вопросам (роль Германии и Финляндии в событиях на Севере, столкновение здесь различных интервенционистских потоков, взаимоотношения большевиков с немцами, экономические и социальные аспекты жизни Северной области, персонафикация интервенции и антибольшевистского движения и др.).

Стремясь к объективности и исторической достоверности исследования, автор использовал разнообразные документы и материалы противоборствующих сторон. Источниковую основу книги составили как официальные отечественные и зарубежные публикации политических, дипломатических, военных и иных документов, так и неиспользованные ранее материалы из более чем 100 фондов 12 архивов страны. Особую ценность представляют коллекции документов белогвардейского и белоэмигрантского происхождения (и в том числе из так называемого «Пражского архива»), хранящиеся главным образом в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Центральном архиве Советской Армии (ЦГАСА). В первую очередь это документы правительства и военного командования Северной области, личного фонда главы правительства Н. В. Чайковского, «Общества северян» и др. Интересны многие белогвардейские дипломатические документы, извлеченные из архивов внешней политики Российской Федерации и Российской Империи (АВПРФ и АВПРИ). Для раскрытия сложных перипетий мурманских событий 1918 г. трудно переоценить значение документов Центрального государственного архива Военно-Морского флота (ЦГАВМФ). Много

* Понятие «Русский Север» используется как тождественное Европейскому Северу России и включает в себя Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии (по административному делению 1917 г.). С августа 1918 г. территориальные рамки исследования ограничиваются в основном пределами антибольшевистской Северной области.

интересных материалов обнаружено в местных архивах Севера и Северо-Запада России.

Впервые используются материалы следственных дел участников антибольшевистского движения на Севере, изученные в Управлении Министерства безопасности Российской Федерации по Архангельской области (УМБ РФАО). Важным источником стали материалы отечественной и иностранной периодической печати (примерно 90 наименований) как времени гражданской войны, так и последующих лет. Широко использована мемуарная литература, в том числе неопубликованные воспоминания.

Г Л А В А 1

МУРМАНСКИЙ УЗЕЛ:

ТАЙНЫ, В КОТОРЫХ ВОЙНА РОЖДАЛАСЬ

1917 год в России взметнул могучую революционную волну. Абстрактные идеалы свободы и равенства все более материализовались в решительные требования мира, земли, власти, контроля над фабриками и заводами. Большевики, аккумулировавшие эти лозунги в своей программе, пришли к власти. Но взяв ее, вскоре обнаружили всю шаткость своего положения. Глубокий кризис не сулил надежд на скорое выздоровление страны. А между тем нетерпение масс нарастало. Внесенный войной в организм нации яд насилия и экстремизма действовал все сильнее. В стране возникли первые очаги гражданской войны, а заря мировой революции, с которой большевики связывали свои надежды, все не разгоралась.

Попытки Советской России выйти из войны натолкнулись на решительное сопротивление ее союзников, а начатые большевиками сепаратные переговоры с Германией еще более осложнили их отношения. В этих условиях противники большевиков пытались сплотить свои ряды и найти внешнюю опору, которая большинству из них виделась в блоке держав Антанты. Союзная интервенция в Россию началась с северного региона страны, на Мурмане. Происходившие здесь события отличались драматизмом и противоречивостью.

СЕВЕРНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Российские политические бури 1917 г. не обошли стороной и Север. Глубокий кризис, в который погружалась страна, в полной мере охватывал и его. Приход большевиков к власти в Петрограде был встречен на Севере настороженно. Старые органы местного самоуправления единодушно осудили «узурпацию власти». В Советах развернулись страстные дискуссии, в которых сторонники большевиков были на первых порах в явном меньшинстве.

Своеобразным индикатором политических симпатий населе-

ния стали выборы в Учредительное Собрание. В трех северных губерниях (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) 73,7% избирателей проголосовали за эсеров, 15,4% — за большевиков, 7,3% — за кадетов, 0,9 — за меньшевиков¹. Таким образом, успех большевиков был более чем скромнен, но в общей сложности 90% избирателей отдали голоса социалистам. И это, казалось бы, открывало неплохие перспективы для демократического развития края. Но противоречия между социалистами становились все более непримиримыми, а роспуск большевиками Учредительного Собрания углубил размежевание политических сил.

События, происходившие на Русском Севере, вызывали живой интерес у союзников России, и прежде всего у Великобритании. Многолетние экономические связи соединяли Север с Западной Европой. Большая часть заготавливаемой здесь древесины вывозилась за границу, в основном в Великобританию. Накануне революции иностранцы владели 27 из 44 лесозаводов Архангельской губернии, им принадлежало 7 из 10 млн. руб. основного капитала «Союза архангельских лесопромышленников»².

В годы мировой войны через Север и Дальний Восток шло союзное снабжение русской армии. Причем доставка грузов в северные порты (архангельский и строящийся мурманский) была наиболее удобной и выгодной. Всего было доставлено северным путем примерно 5 млн. т военного снаряжения и иных грузов из-за рубежа³. Транспорт не справлялся с их перевозками в глубь страны и в начале 1918 г. в Архангельске скопились огромные запасы, стоимость которых оценивалась западной стороной более чем в 2,5 млрд. долл. а советской — более чем в 2 млрд. золотых рублей⁴.

Судьба этих грузов чрезвычайно волновала союзников. Они опасались их захвата немцами в результате агрессии на Север, которую считали вполне реальной, или передачи их Германии большевиками в результате сепаратных договоренностей. Союзники считали эти грузы своей собственностью, так как оплата за них не была осуществлена, и ставили вопрос об их возвращении для использования на Западном фронте или по крайней мере о невывозе в глубь России до начала навигации.

Военное присутствие и влияние Антанты на Севере России в годы мировой войны неуклонно возрастало. В начале 1915 г. царское правительство обратилось к союзникам с просьбой о направлении сюда их военных кораблей для проводки судов, доставлявших грузы, борьбы с немецкими подводными лодками и охраны побережья. В том же году Великобритания направила

в Мурманск отряд тральщиков и крейсер «Ифигения» под командованием Т. У. Кемпа. Позднее сюда прибыл линкор «Глори», ставший флагманом союзной эскадры, заходили и другие тяжелые корабли англичан и французов⁵.

Т. Кемп получил статус старшего британского морского начальника Белого моря, а в 1917 г. — звание контр-адмирала. Дивизия траления в Белом море была подчинена британскому капитану 1 ранга Хурту, а 5 английских офицеров введены в штаб главноначальствующего г. Архангельском и водным районом Белого моря. «Хозяева положения в настоящий момент здесь англичане, а не мы», — вынужден был признать русский Морской штаб в Петрограде⁶.

Влияние англичан в регионе укреплялось и соглашением от 26 апреля 1916 г. между Россией и Великобританией, в соответствии с которым все порты Белого моря и Ледовитого океана закрывались для судов, не получивших специального разрешения британского Адмиралтейства⁷.

Известие о приходе большевиков к власти в Петрограде вызвало крайнюю обеспокоенность союзного командования на Севере. 31 октября* контр-адмирал Кемп обратился в Архангельский ревком с предложением о высадке в городе английской морской пехоты для охраны британского адмиралтейства. Он служил в Китае во время «боксерского восстания» и с тех пор его преследовали кошмары вторжения в посольства и консульства⁸. Но руководство ревкома сочло, что пока «высадка иностранных войск, во избежание недоразумений, нежелательна»⁹.

Тревога не покидала британского адмирала. По его заданию в Петроград отбыл капитан Проктор, который провел ряд встреч с союзными дипломатами. По поручению Кемпа он призвал их примириться с Советами и, уверяя, что над гражданами союзных стран нависла большая угроза, предлагал им ехать в Архангельск, где обещал предоставить убежище под охраной 300 британских, французских и бельгийских военнослужащих, а также 45 тыс. сербских солдат, которых считал возможным перебросить из Вологды¹⁰. Дипломаты сочли эти тревоги «преувеличенными», однако в декабре 1917 г. штаб контр-адмирала Кемпа вместе с представителями британской военной миссии снабжения и министерства судоходства срочно отбыли из Архангельска в Мурманск.

Тем временем правительства держав Антанты внимательно следили за развитием событий в России. 3 декабря 1917 г. бри-

* До 1 февраля 1918 г. все даты событий, происходивших в России, приводятся по старому стилю.

танский военный кабинет поручил одному из своих членов, министру блокады Р. Сесию, информировать посла в Петрограде Дж. Бьюкенена, что «политикой правительства является поддержка любой солидной организации в России, которая противодействует «максималистам» (т. е. большевикам. — В. Г.), и оно «щедро снабдит деньгами тех, кто проявит готовность поддерживать дело союзников»¹¹. Аналогичных взглядов придерживалось и правительство Франции.

23 декабря в Париже была подписана секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России. Формально она преследовала цель борьбы с врагами в мировой войне, но фактически означала широкую поддержку антибольшевистских сил и укрепление английского и французского влияния. Письменно были закреплены «зоны влияния» на Юге России. В соответствии с достигнутой договоренностью Северная Россия была отнесена к «зоне влияния» Великобритании¹².

На этом же совещании было принято британское предложение о поддержании отношений с Советским правительством через неофициальных агентов, ибо союзники опасались, что открытый разрыв с ним толкнет большевиков в объятия Германии. Функции таких агентов были возложены на атташе при французской военной миссии капитана Ж. Садуля и направленного в Россию со специальной британской миссией Р. Б. Локкарта. Аналогичные функции выполнял и руководитель американской миссии Красного Креста в России полковник Р. Робинс.

В конце декабря 1917 г. внимание союзных политиков привлек состоявшийся в Архангельске северо-восточный областной съезд представителей Советов, ревкомов (небольшевистской ориентации), губернских земств, городских дум, кооперативов, продовольственных и других организаций 7 губерний. Формально созданный для разрешения экономических вопросов, он не мог избежать и обсуждения жгучих проблем политики. Форин Оффис поручил консулу в Архангельске Д. Янгу поддерживать тесную связь с делегатами съезда и дать им понять, что британское правительство симпатизирует их целям и настроениям и могло бы оказать финансовую помощь.

Участники съезда высказались за передачу власти Учредительному Собранию, а на местах — земствам и думам, за развитие отношений с союзниками, осудили переговоры большевиков с немцами. Был поставлен вопрос о создании собственных вооруженных сил под видом охраны военных складов, а на деле — для противостояния большевикам и их правительству, но он не получил разрешения. Обсудив британское предложение об оказании финансовой помощи, собравшиеся сочли, что это

«вызовет сильные подозрения и в настоящее время нежелательно». Однако британский консул высказался за предоставление «лидерам антибольшевистского движения» значительного количества продовольствия и промтоваров. Д. Янг вынужден был сообщить в Лондон, что идея отделения и создания сепаратной федерации «не получила поддержки за пределами Архангельска», ибо участники съезда боялись спровоцировать гражданскую войну¹³.

Тем не менее использование в своих интересах местнических и сепаратистских настроений антибольшевистской направленности занимало по-прежнему важное место в политике союзников. Начальник британской миссии снабжения в России генерал Пуль писал в январе 1918 г. в Лондон: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Чтобы укрепиться в Архангельске, — утверждал он, — вполне достаточно одного военного корабля в гавани. Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами»¹⁴.

Богатейшие ресурсы Севера, и прежде всего лес, являлись дополнительным аргументом в пользу будущей интервенции в этот регион и обеспечения тем самым надежной гарантии предоставленных России займов, которые были аннулированы Советским правительством в начале 1918 г. А пока британские ведомства в переписке со своими представителями в России настаивали на укреплении позиций на Русском Севере. Например, руководитель Форин Оффис лорд Бальфур писал в конце января 1918 г. временному поверенному Ф. Линдлею, что правительство считает сохранение плацдарма в Северном регионе крайне желательным и «не имеет намерений о выводе морских сил из Мурманска»¹⁵.

Надежды на устойчивость консервативных традиций на Севере и нераспространение сюда революционного пожара, а также возможность использования находящихся здесь огромных военных складов и поддержания через северные порты прямых связей с заграницей привлекали к этому региону внимание различных антибольшевистских организаций. Так, в декабре 1917 г. после переговоров с английскими и французскими дипломатами о создании на Севере особого фронта, «который надежно мог бы обеспечить союзников и против германцев и против большевиков», на Дон к генералу Корнилову выехал из Петрограда руководитель одной из таких организаций известный правый журналист и издатель Е. П. Семенов.

16 декабря он представил в Новочеркасске свой доклад группе генералов во главе с Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым. После состоявшегося обсуждения генерал Корнилов уполномочил Е. П. Семенова настаивать перед союзными дипломатами на скорейшем проведении в жизнь проекта создания Северного фронта. В Петрограде контакты с англичанами и французами были продолжены. Посол Франции Ж. Нуланс заявил о готовности оказать помощь, но заметил, что Север—это зона английского влияния и следует добиваться прежде всего их поддержки. Но англичане колебались, опасаясь, что эта акция потребует больших средств. Правда, в феврале 1918 г. полковник Эдварг заверил заговорщиков, что британским правительством будет сделано все необходимое для занятия Мурманска, но официальных подтверждений от временного поверенного Ф. Линдлея не последовало¹⁶.

А тем временем ситуация на Севере кардинально менялась. К весне 1918 г. большевики в блоке с левыми эсерами контролировали уже все губернские и большинство городских и уездных Советов. И хотя оппозиция им в Советах была весьма влиятельной, да и самим этим новым властным структурам приходилось часто вести острую борьбу со старыми органами самоуправления, следует признать, что силы противников большевиков оказались серьезно подорваны.

Но, с другой стороны, и позиции большевиков нельзя было признать вполне прочными. Большая часть населения, прежде всего крестьянство, занимали нейтрально-выжидательные позиции. И положение новой власти в конечном счете зависело от ее способности в кратчайший срок найти выход из глубокого кризиса, в котором находилась страна, и в том числе северные районы России.

Тяжелым испытанием для большевиков стал брест-литовский кризис. Разрыв Троцким сепаратных переговоров с немцами и их союзниками и последовавшее за этим возобновление Германией военных действий обернулись для России тяжчайшими бедствиями.

В этих условиях Ж. Садуль, Р. Локкарт и Р. Робинс вступили в активный диалог с большевистским руководством. Одновременно они ходатайствовали перед своими правительствами о признании и оказании необходимой помощи большевикам ради удержания Советского правительства от подписания Брестского мира. Правительство Франции уполномочило своего посла сделать заявление, что Россия может рассчитывать на ее военную поддержку в борьбе против Германии, хотя и не гарантировало политический нейтралитет в отношении внутрироссий-

ской ситуации¹⁷. Но официальный Лондон и Вашингтон не поддержали эту инициативу.

Углубляющийся кризис имел прямое отношение и к Северной России. 21 февраля американский посол Д. Френсис в телеграмме в госдепартамент, ссылаясь на успешное наступление немцев, деморализацию Советского правительства, возможность падения Петрограда и фактического превращения России в германскую провинцию с монархической формой правления, резюмировал: «Я серьезно настаиваю, чтобы мы взяли под свой контроль Владивосток, а британцы и французы — Мурманск и Архангельск для предотвращения захвата находящихся там запасов немцами»¹⁸. А британский генерал Пуль в это же время телеграфировал из Москвы в Лондон: «Я считаю, что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами. Я полагаю, что будет возможным получить искреннюю поддержку Троцкого»¹⁹. Таким образом формулировалась идея вооруженной интервенции на Север во имя союзнических военно-стратегических интересов.

22 февраля на заседании ЦК РСДРП (б) после сообщения Л. Д. Троцкого в ходе острой дискуссии большинством в 1 голос была одобрена резолюция, предусматривавшая допустимость использования помощи одних капиталистических государств в войне против других. А на следующий день ЦК большинством голосов принял германский ультиматум, но одновременно все присутствующие на заседании высказались за немедленную подготовку революционной войны²⁰. В стране развернулась острая дискуссия об отношении к тяжелым условиям германского мира. К этому времени и относится непосредственная завязка драматических мурманских событий. Но чтобы глубже понять их смысл, необходим хотя бы небольшой историко-политический экскурс.

Длительное время мурманское побережье и Кольский полуостров представляли собой малонаселенный (13—15 тыс. чел.) и весьма удаленный от цивилизации район страны. Положение резко изменилось в годы мировой войны. В условиях блокирования немцами черноморских и балтийских портов Русский Север превращался в главную артерию, связывающую Россию с союзниками, и царским правительством было принято решение о строительстве нового порта в незамерзающем Кольском заливе и подведении к нему железной дороги от Петрозаводска. Развернулось строительство военно-морских баз в Кольском заливе и на Иокангге.

Заинтересованные в скорейшем строительстве железнодорожной магистрали и развитии социально-экономиче-

ской инфраструктуры региона, Великобритании, США и Франция оказали значительную помощь в финансировании этого проекта, поставке материалов, оборудования, снабжении строителей и местного населения промтоварами и продовольствием. Несколько сот английских, канадских, американских рабочих и специалистов трудились на этой стройке. Но в целом реализация проекта велась силами и средствами русского государства.

В короткий срок резко изменился состав населения Мурмана в результате прибытия сюда тысяч рабочих и специалистов — строителей, железнодорожников, портовиков. Но этот контингент был чрезвычайно сложным и неоднородным в политическом и социально-психологическом отношении. Психология «временщиков» стала важным определяющим фактором их поведения. Наряду с квалифицированными и политически развитыми рабочими большинство составляли лица низкой квалификации, с неразвитым политическим кругозором. Среди прибывших на Мурман было немало людей, стремившихся избежать фронта. Бурное революционное время властно втягивало эти разнородные массы в орбиту событий, заставляло делать свой политический выбор.

Важную роль в политической жизни края играли военнослужащие, численность которых к весне 1917 г. составляла 15 тыс. Особенно активны в поддержке революционных преобразований были военные моряки Мурманского отряда судов, которых в конце 1917 г. насчитывалось 3 тыс.²¹ Их организующим общественно-политическим центром стал Центральный комитет флотилии (Центромур).

В событиях общественно-политической жизни существенную роль играли представители средних городских слоев — средний и младший офицерский состав, инженерно-технический персонал, военные и гражданские чиновники, средние и мелкие торговцы и предприниматели. Большая часть из них придерживалась просоюзнической ориентации. Коренное население Мурмана было в массе своей индифферентно в политическом отношении и представляло собой тот резерв, за который вели борьбу как сторонники, так и противники революционных преобразований.

26 октября 1917 г. на объединенном заседании президиумов Мурманского Совета, Центромура, Мурманского районного Совета депутатов Мурманской железной дороги (Совжелдора) с Главным начальником Мурманского укрепрайона и отряда судов (Главнамур) контр-адмиралом К. Ф. Кетлинским было обсуждено поступившее из Петрограда сообщение о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов. В принятой резолюции была выражена поддержка новой власти

и уверенность, что «власть, всецело народная, даст дорогой Родине мир и истерзанному народу долгожданный покой»²².

Но ситуация в крае оставалась сложной, кипели политические страсти. Несмотря на признание новой власти, К. Ф. Кетлинский объявил ряд приказов А. Ф. Керенского и генерала Н. Н. Духонина, призывавших к борьбе с ней. Вместе с тем местные руководители апеллировали к разуму населения и стремились оградить район от «гражданской войны и всяких самочинных выступлений»²³.

В первые послеоктябрьские недели и месяцы на Мурмане было весьма сильным большевистское влияние. На выборах в Учредительное Собрание по Мурманскому району за большевиков проголосовало более 70% избирателей²⁴. Они имели значительный политический вес в Мурманском Совете и ведущих общественно-политических организациях.

С другой стороны, по признанию К. Ф. Кетлинского, налицо было «преобладание влияния англичан в крае» как результат низкой организации русской военно-морской части. В ответ на обвинения части радикально настроенных военных моряков, что он не желает порвать с англичанами и заставить их уйти с Мурмана, Главнамур указывал на низкую боеспособность русских кораблей и отсутствие уверенности в их способности выйти в море²⁵. А в условиях демобилизации солдат и матросов поддерживать оборону района перед сохранявшейся германской угрозой становилось все труднее. Поэтому адмирал не считал возможным форсировать разрыв с союзниками.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что значительная часть снабжения края шла из-за рубежа. А после прихода большевиков к власти эти поставки стремительно свертывались, и местная администрация считала крайне важным приостановить этот процесс. «Коренное население Лапландии ничего из разрешенного Финляндией и Норвегией не получает, — телеграфировал К. Ф. Кетлинский 9 января 1918 г. в Вашингтон русскому морскому агенту Миштову, — и местами питается короем». Он настаивал на крайней необходимости возобновить поставки продовольствия в расчете на 40 тыс. чел.²⁶

Характерная черта внутривластной жизни края — своеобразное переплетение двух властных структур — Мурманского Совета и Главнамур, причем во взаимоотношениях между ними доминировала тенденция к сотрудничеству, проводимая в жизнь лично К. Ф. Кетлинским, хотя часть сотрудников его штаба и состава судов придерживалась прямо противоположных взглядов. Так продолжалось до 28 января 1918 г., ког-

да К. Ф. Кетлинский был убит*. Следствием этого стали существенные изменения в структуре управления краем. Возникший вакуум власти был постепенно заполнен людьми, которые и совершили антибольшевистский переворот на Мурмане.

30 января в доме британского консула в Мурманске Т. Х. Холла состоялась тайная встреча начальника штаба Главнамюра Г. М. Веселаго и начальника военно-сухопутного отдела бывшего генерала Н. И. Звегинцева с контр-адмиралом Кемпом, в ходе которой обсуждалась ситуация в крае. Главным действующим лицом здесь и в последующих событиях был Г. М. Веселаго**. Он только что вернулся после двухмесячного пребывания в Петрограде, где участвовал в переговорах с немецкой делегацией о перемирии на Ледовитом океане. В то же время он установил тесные связи с союзными дипломатами и рядом антисоветских организаций. Веселаго считал целесообразным постепенное обособление от центра посредством реорганизации управления краем. Контр-адмирал Кемп обещал ему всяческую поддержку в реализации намеченных планов. О содержании беседы были уведоменны другие союзные представители в Мурманске²⁷.

14 (1) февраля исполком Мурманского Совета принял решение об учреждении Народной коллегии Мурманского района

* Жизнь и деятельность К. Ф. Кетлинского, его политические убеждения и причины убийства — предмет многолетних дискуссий. По мнению одних, он был демократом и даже социалистом, для других — реакционером. Мы не имеем здесь возможности специально рассмотреть эту проблему. Но, на наш взгляд, вряд ли приемлемы крайние точки зрения. Кетлинский был патриотом России, стремившимся понять революцию и ее цели. Он делал все, чтобы избежать кровавой междоусобицы в крае, всемерно содействовал его сохранению за Россией. Что касается убийства, то, думается, это дело рук радикально настроенных матросов «Аскольда», не простивших Кетлинскому одобрения расстрела их товарищей в сентябре 1916 г. в Тулоне и не веривших, что он перешел на сторону революций.

** Веселаго Георгий Михайлович (1892 — ?). Окончил Морской корпус. Участник первой мировой войны. В 1917 г., будучи старшим лейтенантом, командиром эсминца на Черноморском флоте, отстранен от должности по требованию революционных матросов. С сентября 1917 по январь 1918 г. — начальник оперативной части и штаба Главнамюра, затем заведующий делами Мурманской Народной коллегии и управделами Мурманского Совета, сыграл ведущую роль в разрыве с Совнаркомом. С октября 1918 г. находился под белогвардейским следствием как «агент советской власти». С помощью американской миссии в феврале 1919 г. покинул Мурманск и служил в Париже штаб-офицером для поручений при начальнике управления военных и военнопленных. В августе 1919 г. отбыл в Сибирь, а осенью 1920 г. эмигрировал в Мексику, а затем в США. Занимал различные должности и в итоге стал главнотрующим крупной американской фирмы. Умер в США в 70-е годы.

вместо Главнамура. В ее состав вошли товарищ председателя Совета А. Юрьев, председатель Центромюра М. Ляуданский и представитель Совжелдора И. Лукьянов. Вместо штаба Главнамура при ней было создано 5 отделов. Два ведущих (военный и гражданский) возглавили Н. И. Звегинцев и В. М. Брамсон — соратники Веселаго, а сам он стал заведующим делами коллегии. В результате их возможности воздействовать на развитие ситуации и принятие основных решений резко возросли.

Тем временем в центре острых споров оказалась тема разрыва Брестских переговоров, возобновления немцами военных действий и унижительных условий их ультиматума. «Это не что иное, как насмешка со стороны немцев, и принять подобные условия есть позор для России и кабала у немецких сторонников империализма», — заявил в своей резолюции Центромур 25 февраля 1918 г.²⁸. Негативно отнесся к немецким требованиям и Мурманский Совет.

В Мурманске резко активизировалась деятельность сотрудников штаба контр-адмирала Кемпа, стремившихся к укреплению контактов с руководством местных органов власти и уверявших их в своей поддержке. В конце февраля 1918 г. Т. Кемп обратился к британскому правительству с просьбой направить на Мурман 6 тыс. военнослужащих для защиты порта от угрозы атак из Финляндии²⁹.

Германское руководство, оказывая помощь белофиннам в разгоревшейся зимой 1918 г. гражданской войне, преследовало свои далекоидущие военно-стратегические замыслы. «Мы надеялись, — вспоминал начальник генерального штаба немецкой армии фельдмаршал Гинденбург, — привлечением Финляндии на свою сторону затруднить военное влияние Антанты со стороны Архангельска и Мурманского побережья на дальнейшее развитие событий в Великороссии»³⁰. Через территорию Финляндии и с помощью белофиннов предполагалось выйти на побережье Ледовитого океана и прорвать тем самым морскую блокаду Антанты, создать на северном побережье России базы подводных лодок и, опираясь на них, взять под свой контроль морские коммуникации. Из Финляндии нетрудно было перерезать Мурманскую железнодорожную магистраль, прервав важную линию сообщения Антанты с центром России.

В свою очередь финская буржуазия вынашивала планы аннексии русской территории Карелии (Восточной Карелии), а также Мурмана. 23 февраля 1918 г. главнокомандующий войсками белофиннов генерал Маннергейм в обращении к карелам провозгласил план создания великой Финляндии и поклялся, что не вложит свой меч в ножны, пока Финляндия и Восточ-

ная Карелия не будут освобождены от красных. Но главные надежды в реализации этой цели возлагались все-таки на немцев. «Финляндия готова на все условия. Надеется только на поддержку в вопросе о Восточной Карелии», — резюмировал эти устремления немецкий генерал фон дер Гольц³¹.

Таким образом, вокруг северных районов России сложилась уникальная и крайне опасная внешнеполитическая ситуация. О своих интересах в регионе заявили противоборствующие военные группировки и отдельные страны, готовые вооруженным путем реализовать свои цели. В сложившемся положении большевистскому руководству предстояло вести сложную борьбу за выживание, проводить линию политического лавирования и искать приемлемые компромиссы для сохранения Советской власти и по крайней мере отсрочки вооруженного столкновения иностранных держав на территории Русского Севера.

«СЛОВЕСНОЕ СОГЛАШЕНИЕ» — ПУТЬ К ВОЙНЕ ИЛИ ДОРОГА К МИРУ?

1 марта 1918 г. Мурманский Совдеп направил запрос в Совнарком, в котором указал, что возобновившееся немецкое наступление вызывает опасения за Мурманский край и железную дорогу, где возможно появление отрядов белофиннов и немцев. В телеграмме сообщалось о доброжелательном отношении союзных миссий и их готовности предоставить необходимую помощь, «начиная с продовольствия до помощи живой силой включительно». Совет просил «сообщить руководящие указания, в особенности по вопросу о том, в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав»³².

Вечером 1 марта в Мурманск была отправлена ответная телеграмма за подписью Л. Д. Троцкого. «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников», — говорилось в ней³³. 2 марта в Мурманске на заседании представителей Совдепа, Центромюра, Совжелдора и союзных миссий было выработано «Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края»³⁴. Для командования вооруженными силами района был учрежден союзный военный совет в составе английского майора Фоссета, французского капитана де Лагатинери и первого помощника капитана русского крейсера «Аскольд» В. А. Брика. Начальником штаба совета стал Н. И. Звегинцев. При военном совете было учреждено военно-регистрационное бюро

(контрразведка) и введены должности комиссаров (по одному от Совдепа, Центромура и Мурманского Совжелдора) для «контроля и информации», «без права вмешиваться в распоряжения военного совета»³⁵.

6 марта по достигнутому согласованию с борта «Глори» в Мурманске высадился отряд британских морских пехотинцев с двумя легкими орудиями*. Так начиналось союзническое военное присутствие на мурманской земле, которое вызвало самые разноречивые суждения.

Веселаго и его соратники из лагеря противников большевиков были весьма удовлетворены, что события развиваются по их сценарию. «Одни только факт появления на берегу вооруженных сил союзников способствовал некоторому увеличению спокойствия... оказал умеряющее воздействие на наиболее большевистские головы, которые поубавили рьяности», — вспоминал впоследствии сам Веселаго³⁶. Но он прекрасно понимал, что главные события впереди и предостерегал своих сторонников от поспешных шагов и неосторожных заявлений.

Высоко оценивал достижение соглашения с представителями Антанты А. М. Юрьев. Он считал, что оно является «официальным признанием Францией и Англией Советской власти, от чего те до сих пор уклонялись», и служит «новым доказательством..., что державам Согласия выгоднее сохранить Мурманск русским, нежели обратить его в свою колонию, что по фактическому положению сил они могли бы осуществить»³⁷.

Однако недоверие и даже враждебность со стороны прежде всего значительной части рабочих и русских моряков к союзникам сохранялась, проявляясь в различных формах. Например, в одну из мартовских ночей матросы с одного из русских миноносцев открыли ружейный огонь по «Глори», который, впрочем, не причинил линкору никакого вреда. Но контр-адмирал Кемп вспоминал впоследствии, что он постоянно опасался получить удар в спину, и прежде всего со стороны революционно настроенных моряков «Аскольда»³⁸.

2 марта контр-адмирал Кемп телеграфировал в Лондон о заключенном в Мурманске соглашении. Ситуация на Севере России подробно обсуждалась на заседании британского военного кабинета 4 и 11 марта 1918 г. Было одобрено направление в Мурманск британского крейсера, союзникам послан меморандум с просьбой об отправке туда французского и американского крейсеров. Вместе с тем первый лорд Адмиралтейства

* Численность отряда (по данным различных источников) от 130 до 200 человек.

Э. Джеддес рекомендовал не вступать в военные действия против большевиков «без крайней нужды». В просьбе Кемпа о направлении 6 тыс. военнослужащих в его распоряжение было отказано ввиду крайней нужды в них на Западном фронте³⁹.

15—16 марта в Лондоне состоялась конференция премьеров и министров иностранных дел стран Антанты, на которой обсуждались и проблемы интервенции на Дальнем Востоке и Севере России. Был представлен доклад британского генерала Нокса, главного советника по русским делам военного министерства, рекомендовавшего, в частности, послать 5-тысячный отряд в Архангельск для охраны союзных военных складов. К докладу было приложено заявление бывшего британского военного представителя в Архангельске капитана Проктора, настаивавшего на отправке туда 15 тыс. союзных солдат.

Дальнейшее обсуждение этой проблемы было перенесено на заседание постоянных военных представителей в Версале 23 марта. Но начавшееся германское наступление на Западном фронте сделало невозможным осуществление этих планов, хотя указанное совещание и высказало пожелание укрепления союзного морского соединения в Мурманске для сохранения этих северных портов в руках союзников⁴⁰.

В конце марта в Мурманск прибыли начальник французской военной миссии в России генерал Ниссель и начальник аналогичной миссии в Румынии генерал Бертелю, направлявшиеся на Родину. Состоялись их беседы с мурманскими руководителями и союзными представителями. «Появилась надежда на возможность активного вооруженного содействия нам союзниками», — резюмировал итоги бесед Г. М. Веселаго. Впрочем, генерал Ниссель был достаточно осторожен в своих заявлениях, указывая, в частности, что Англия и Франция готовы увеличить размеры сухопутной помощи для обороны края, но «сделают это в мелком масштабе не иначе, как по инициативе местной власти, а в крупном — не иначе, как по приглашению центрального правительства»⁴¹.

Тем временем военное присутствие союзников на Мурмане постепенно расширялось. В марте сюда прибыли 2 крейсера: британский «Кокрейн» и французский «Адмирал Об». Через Мурманск эвакуировались на родину французские и сербские солдаты, но часть из них оставалась здесь.

23 марта 1918 г. вернувшийся из России генерал Пуль представил военному кабинету в Лондоне подробный план союзной интервенции в Россию. Он предлагал объявить, что эта акция осуществляется ради восстановления порядка и права в стране, для спасения русского народа от голода и господства Герма-

нии. Ф. Пуль особо подчеркивал, что интервенция «должна осуществляться на основе общей и хорошо разработанной программы, точно предварительно согласованной между всеми союзниками».

Разграничивая сферы военной интервенции в Россию, Ф. Пуль полагал, что на Север необходимо послать «объединенные военные силы Великобритании и Франции под высшим командованием англичан... Американские и японские военные миссии могут быть прикомандированы к этим силам». Для осуществления акции он считал необходимым направить в Мурманск и Архангельск по 2—3 военных корабля и небольшие силы для занятия линии железных дорог. Генерал утверждал, что большевистские войска недисциплинированные, плохо организованные и не смогут противостоять им. Он убеждал, что интервенцию союзников будет приветствовать большинство русского населения. Значительное место в его предложениях уделялось финансово-экономическим аспектам укрепления британского влияния в России⁴².

Предложения Ф. Пуля были одобрены в начале апреля межведомственным Русским комитетом и с сопроводительной запиской его председателя лорда Сесилиа направлены в военный кабинет. 10 апреля он положительно оценил план генерала и предложил Адмиралтейству осуществить необходимые приготовления для его реализации. Положение на Русском Севере было подробно обсуждено военным кабинетом 12 и 17 апреля, и на последнем заседании было решено направить в Мурманск специального офицера для представления доклада о положении там с целью осуществления интервенции. Выбор пал на генерала Пуля. На подготовку и уточнение конкретных целей и задач его миссии ушло еще несколько недель⁴³.

В марте-апреле 1918 г. в высших военно-политических кругах Антанты были весьма популярны и активно обсуждались идеи интервенции в Россию «по приглашению» или «с согласия» Советского правительства. В частности, в отношении северного региона страны эти планы обосновывались необходимостью совместной защиты края от немцев и белосфиннов. Разумеется, эти политики и военные руководители не были сторонниками большевиков. Их действия были небескорыстны. Розыгрыш «мурманской карты» мог стать, по их мнению, хорошим противовесом заключенному большевиками Брестскому миру, который союзники осудили и отказались признать. Они надеялись восстановить Восточный фронт и облегчить положение на Западе. Кроме того они не без оснований полагали, что втягивание России в войну будет равносильно падению прави-

тельства, которое обещало народу мир. Ограниченность союзных воинских контингентов, которые могли быть направлены в Россию, не позволяла лидерам стран Антанты пойти на серьезное осложнение отношений с Советами, а приглашение Советского правительства должно было придать действиям войск союзников законный характер и помочь избежать международных и внутривнутриполитических осложнений. Союзники, пытаясь расширить свою опору в России, поддерживали в этот период контакты и с большевиками и с их противниками.

В политических кругах стран Антанты весной 1918 г. развернулась острая дискуссия о целесообразности и условиях сотрудничества с большевиками, осуществлении благодаря этому «дружественной интервенции» в Россию и восстановлении Восточного фронта. Активными сторонниками развития отношений с советским руководством были Р. Локкарт и Ж. Садуль.

15 апреля Локкарт направил в Лондон очередное послание с докладной запиской своего сотрудника капитана Гарстина об условиях такого сотрудничества, выработанных в ходе переговоров союзных военных представителей в России с наркомом по военным делам Троцким. Возобновление отношений России с державами Антанты и введение их войск в зону соприкосновения с немецкими дивизиями через Север, Дальний Восток и Сибирь должно было сопровождаться заявлением союзников о невмешательстве в русские внутренние дела и лояльным сотрудничеством с Советским правительством. Британский военный кабинет в принципе одобрил этот проект и предполагалось даже, что в Мурманск для подробных переговоров с Троцким выедет член кабинета генерал Сметс. Но в конечном счете эти планы не были реализованы⁴⁴.

Ж. Садуль также настаивал на заключении детального договора об условиях интервенции и считал необходимым доказать большевикам делами, что союзники готовы, «хотя и не поддерживая напрямую существование Советов, не бороться с ними политическим путем и честно помогать им в трудно начинающейся реорганизации армии». 25 апреля он писал министру вооружений Франции А. Тома: «Мы можем получить все, что нужно. — в этом я по-прежнему твердо убежден, — и право обратиться с призывом к чехам, к сербам, и возможность превратить северные порты в союзнический плацдарм. Почему же мы не решаемся вести переговоры, действовать открыто? Мы предпочитаем полумеры, полуобещания, недоговоренность и неконкретность, которые обходят стороной целые вопросы, беспокоят, нервируют одних и других и результат у которых один: невосполнимая потеря драгоценного времени». «Возможно, мы

намереваемся осуществить интервенцию в Россию без Советов, то есть против них?» — спрашивал Садуль в своем письме пять дней спустя и сам же отвечал на свой вопрос: «Я знаю, что эта мысль объединяет некоторых из союзников, но хочу надеяться, что правительства сумеют избежать такой глупости»⁴⁵.

Однако надежды Садуля не оправдались. В конечном счете верх в странах Антанты взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советами, считавшие сотрудничество с большевиками несовместимым с интересами восстановления политического и экономического влияния в России и полагавшие, что укрепление с помощью союзников Красной Армии будет равносильно созданию инструмента гражданской войны большевиков против своих противников. А результатом стала ставка на русское антибольшевистское движение и интервенция с целью устранения большевиков от власти.

События на далеком Мурмане вызывали противоречивую реакцию в центральных и северных губернских органах власти. О тревоге и серьезной обеспокоенности свидетельствует выступление 8 марта на VII экстренном съезде РКП(б) главы правительства В. И. Ленина, он предупреждал: «...на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно»⁴⁶. Резкой критике политику сотрудничества Мурманского Совдепа с представителями Антанты подвергли также Олонецкий губисполком и исполком Мурманской железной дороги в Петрозаводске. 15 марта губисполком заявил, что мурманское соглашение от 2 марта «противоречит общему направленному политике рабоче-крестьянской России, отвергающей активное сотрудничество с международным империализмом, ...подчинит Мурманский край, экономическому и военному влиянию европейских правительств, ведущих, в окончательном счете, к развитию сепаратизма в условиях, благоприятствующих капиталистическому строю». Было решено, что охрана железной дороги должна осуществляться Советами и Желдепами «вне каких бы то ни было посторонних элементов»⁴⁷.

В то же время в ответ на обращение Олонецкого губисполкома и Совжелдора в Совнарком Л. Д. Троцкий уведомил 22 марта, что ввиду недостатка сил в настоящий момент помощь заинтересованных иностранцев допустима при непеременимых условиях невмешательства их во внутренние дела и обещал принять практические меры к урегулированию взаимоотношений между Петрозаводском и Мурманском после обсуждения с членом Высшего военного совета Н. И. Подвойским⁴⁸.

Вернувшийся в начале апреля из Москвы член Олонецкого

губисполкома Щеголев доложил, что там известно о мурманском соглашении и существует единое мнение о необходимости принять его в силу сложившихся обстоятельств, «поскольку союзники не вмешиваются в наши внутренние распоряжки и не покушаются на власть Советов, ...мы не можем противопоставить силу силе «союзников» или наших врагов, так как в настоящий момент таковой не имеем...». «Мы можем согласиться на помощь самого черта и его бабушки, раз нам это выгодно», — заявил, по словам Щеголева, заместитель наркома по иностранным делам Г. В. Чичерин, добавивший, что в нашем положении приходится идти на некоторые исключения и соглашения с империалистами⁴⁹.

Весьма непросто складывались и отношения Архангельского губисполкома с Мурманским Совдепом. Территория Мурман входила в состав Архангельской губернии, но его руководители претендовали на выделение — создание Мурманского края. Руководство Архангельского губисполкома выступало против. Серьезные разногласия существовали также по поводу оценки событий на Мурмане, отношений с представителями Антанты. 27 апреля на расширенном заседании губисполкома, Архангельского Совдепа, ЦК флотилии Ледовитого океана с представителями профсоюзов в острой дискуссии была принята резолюция большевиков и левых эсеров, осуждавшая высадку англо-французского десанта на Мурмане с согласия местного Совета и требовавшая немедленного удаления десанта и военных судов из портов Архангельской губернии⁵⁰.

Советское правительство не утвердило официально мурманское соглашение от 2 марта, что, в свою очередь, не давало странам Антанты международно-правовых оснований для осуществления своих планов «интервенции по приглашению». Вместе с тем у части советских политических деятелей существовали определенные надежды, что мурманское соглашение может стать прообразом общероссийского соглашения со странами Антанты и приведет к признанию ими Советского правительства.

Наиболее активным поборником «честного сотрудничества» с бывшими союзниками и розыгрыша «мурманской карты» в интересах Советской России был Троцкий. Он активно контактировал с этой целью с представителями Антанты. Р. Локкарт писал 5 мая Р. Рсбинсу, что Троцкий «предоставил все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске». В драматической ситуации, когда, по образному выражению Ж. Садуля, большевики оказались «между германской наковальней и союзной кувалдой», Л. Д. Троцкий стремился использовать помощь бывших союзников в интересах Советской власти, для создания

новой армии, добиваясь при этом их невмешательства во внутренние дела России. Вот как передавал смысл его заявлений представителям Антанты Ж. Садуль: «Мы нужны вам, чтобы укрепиться. Вы просите нас пойти на этот шаг, согласиться с ним, помочь вам в ваших действиях. Но сами отказываетесь предоставить нам единственную необходимую гарантию, отказываетесь дать обещание, что после высадки вы не будете вмешиваться в наши политические драки и что занятые вами районы, оказавшиеся под вашим военным господством, не превратятся по вашей инициативе или при вашем попустительстве в очаг контрреволюции. Как мы можем верить в вашу благонамеренность и прийти к нужному сотрудничеству, если вы готовы поддерживать наших противников?»⁵¹.

Мурманская ситуация крайне осложнялась тем обстоятельством, что этот край находился в сфере военно-политических интересов Германии и белофиннов. Одним из условий Брестского мира было немедленное разоружение иностранных военных судов, в данном случае это относилось к северной эскадре союзников. В соответствии с договором запретная зона в Ледовитом океане сохранялась до заключения всеобщего мира, что означало продолжение разбойных действий немецких подводных лодок против мирных судов и крайне затрудняло морскую торговлю и рыболовство в регионе.

Брестский договор обязывал также Советскую Россию заключить мирный договор с Финляндией. В это время там шла гражданская война, в которой большевики поддерживали красных финнов и 1 марта подписали договор с рабочим правительством Финляндии*. А Германия поддерживала белофиннов и потребовала от большевиков заключения мирного договора с ними. Но буржуазное правительство П. Свинхувуда не торопилось вступать в мирные переговоры с Совнаркомом, а склонно было к насильственным аннексионистским действиям совместно или под покровительством Германии.

* Этот договор вызвал резкую критику и массовые протесты на Севере, ибо в соответствии с его ст. 15 РСФСР отчуждала в полную собственность Финляндской республики территорию Западного Мурмана, «если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением». Противники большевиков именовали этот документ «Северным Брестом». Считая край исконно русским, против его передачи Финляндии выступили различные организации. Нежелательность отторжения Западного Мурмана с точки зрения организации обороны региона обосновывалась в специальных представлениях в Совнарком наркомата по морским делам и Морского штаба. 13 апреля, когда исход войны в пользу белофиннов был предрешен, СНК принял решение вступить в переговоры с финским рабочим правительством об аннулировании ст. 15 договора. А после поражения революции в Финляндии договор был денонсирован советской стороной.

5 марта, то есть накануне первой высадки британских морских пехотинцев в Мурманске, немецкие войска высадились на Аландских островах, что стало прологом германской интервенции в Финляндию на стороне белофиннов. Месяц спустя 16-тысячный немецкий экспедиционный корпус начал боевые действия на материковой части Финляндии. Немецкий генерал Людендорф подчеркивал: «Финляндия из-за Архангельска и Мурманской железной дороги имеет всемирно-политическое значение для нас и для Англии»⁵². Обе стороны усиленно готовились к военному противостоянию здесь.

7 марта Германия подписала мирный договор с белофиннами, а также соглашение о торговле и мореплавании, которые ставили Финляндию в крайне зависимое от Германии положение в политическом и экономическом отношении. По существу Финляндия превращалась в военного союзника Германии в борьбе со странами Антанты. Но лидеры белофиннов надеялись при этом на помощь Германии в борьбе с революционными силами в стране и в реализации своих территориальных претензий к России.

В конце марта — начале апреля 1918 г. белофинны общей численностью около 2,5—3 тыс. перешли в наступление на нескольких направлениях на Мурмане и в Карелии. Но в ходе упорных боев они были отброшены советскими отрядами и красными финнами. В отражении наступления белофиннов принимали участие и подразделения англо-французских войск. Но с завершением в начале мая гражданской войны в Финляндии победой белогвардейцев резко возросла опасность их массированного похода при поддержке немцев в северные районы России. В мае возобновились также боевые действия немецких подводных лодок в этом регионе.

Тем временем противники большевиков на Мурмане предпринимали последовательные усилия для ослабления связей Мурманска с Москвой и выхода из-под контроля Архангельского губисполкома. С этой целью было задумано учреждение краевого управления на Мурмане. Мурманский краевой Совет, вспоминая впоследствии Веселаго, создавался «для возобновления военной и политической связи России с союзниками» и вовлечения в сферу мурманской политики именно тех местностей, «в пределах которых должно начаться дело спасения союзниками севера и северо-востока страны в их связи с Сибирью от немецкого порабощения»⁵³.

23 марта Мурманский Совдеп принял постановление о преобразовании в краевой орган путем пополнения представителями железнодорожников, крестьян Кемского и Александровско-

го уездов и Совдепов Мурманска. Центромур — наиболее большевистски настроенный орган в регионе — был лишен представительства в Краесовете. 18 апреля состоялось открытие заседания Краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов, а 22 апреля была утверждена его конституция и сформированы руководящие органы. Председателем Совета был вновь избран большевик С. И. Архангельский, который, будучи членом ВЦИК, часто отсутствовал, а в начале июня вообще уехал из Мурманска. Его пост занял А. М. Юрьев*, бывший до этого заместителем председателя. Управляющим делами стал Г. М. Веселаго, заведующий военным отделом — Н. И. Звегинцев, а отделом гражданского управления — В. М. Брамсон. Они и играли главную роль в выработке и осуществлении политики Краесовета⁵⁴.

Ослабление большевистского влияния и усиление союзнической ориентации в деятельности Краевого Совета было обусловлено и другими причинами. По демобилизации выехало почти 90% солдат и матросов, а в связи с окончанием сроков контрактов — не менее 8—9 тыс. рабочих-строителей⁵⁵. Сложное военно-политическое и экономическое положение, большая зависимость края от снабжения из-за рубежа также оказывали сильное влияние на поведение населения и действия Краесовета.

Главную оппозицию линии руководства Совета на сотрудничество с представителями Антанты составляли по-прежнему военные моряки. Конфликты между англичанами и французами, с одной стороны, и Центромуром, с другой, нередко носили острый характер и урегулировались, как писал Веселаго, «благодаря благоразумному отношению матроса, председателя Центромура Ляуданского», все более склонявшегося к сотрудничеству с бывшими союзниками. Особое неудовольствие вызывала у военных моряков деятельность Звегинцева и Веселаго, которые

* Юрьев Алексей Михайлович, псевдоним — Алексеев (1887—?), уроженец Москвы. Учился в коммерческом училище, курс не окончил. В 1908 г. выехал за границу. Плавал на морских судах, несколько лет жил и работал в США. Вернувшись в Россию (Мурманск) в ноябре 1917 г., был избран членом Мурманского Совета, а вскоре стал товарищем председателя. С июня до начала октября 1918 г. председатель Мурманского Краесовета. После его роспуска служил переводчиком у американского консула в Мурманске, занимался распределением союзного продовольствия, поступающего в город. Находился под белогвардейским следствием как «агент советской власти», а после падения Северной области был предан суду Верховного трибунала РСФСР по обвинению в контрреволюционной деятельности. Винозным себя не признал. Был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами концлагеря. По одним источникам он менее чем через год был освобожден, но по другим — и в дальнейшем находился в заключении.

вынуждены были просить охрану у англичан и часто не рисковали появляться на улице без сопровождения.

Положение на Мурмане вызывало растущую тревогу Советского правительства. 2 мая на его заседании был заслушан доклад руководителя мурманской экспедиции И. И. Подвойского о развитии края. Состоялась острая дискуссия вокруг сообщения о деятельности местного Совета и его отношений с бывшими союзниками. В адрес руководителей Краевого совета было высказано много резких слов. Вместе с тем Совнарком признал желательным отделение Мурмана от Архангельска, хотя и решил оформить это после переговоров с Архангельском и Кемью, руководители которых были настроены против, и представления специального доклада правительству. По словам присутствовавшего на заседании А. М. Юрьева, Ленин на его вопрос об отношении к союзникам ответил: «...официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально — получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев»⁵⁶. Но чем дальше, тем труднее было правительству большевиков проводить политику лавирования между противоборствующими военными группировками. Возрастала угроза вторжения как со стороны Германии, так и со стороны бывших союзников.

Дипломатические представители Антанты в России стали все активнее побуждать свои правительства к решительным интервенционистским действиям, вне зависимости от приглашения московского правительства, усилились их контакты с представителями местных антисоветских сил. Тон задавал Ж. Нуланс, придерживавшийся наиболее крайних взглядов. 23 апреля им было опубликовано в московских газетах вызвавшее дипломатический скандал заявление в поддержку высадки японских войск во Владивостоке и содержавшее прямую угрозу союзного вторжения. Он фактически отстранил от дел Ж. Садуля.

В конце апреля — начале мая изменил свою позицию Р. Локкарт. В его телеграммах в Лондон стали звучать призывы к немедленной интервенции на Севере и Дальнем Востоке вне зависимости от позиции большевиков. Он настаивал на отправке в Архангельск не менее двух дивизий⁵⁷.

Американский посол Д. Фрэнсис, дуайен дипломатического корпуса, направил 2 мая объемную телеграмму госсекретарю Р. Лансингу, акцентируя главный тезис — «время для союзной интервенции пришло». Он указывал, что ранее надеялся на официальное приглашение Советского правительства и работал в этом направлении, но сейчас ситуация изменилась, так как Германия при посредстве своего посла В. Мирбаха стала играть

громадную роль в Москве, а сам немецкий посол, по утверждению Фрэнсиса, «являлся диктатором в Москве»⁵⁸.

Опасность со стороны Германии действительно возростала, продолжалась ее «ползучая аннексия» в центральные и южные районы страны, а крайне правая военная партия настаивала на массированном вторжении по всему фронту и устранении большевистского правительства. Немцы все настойчивее требовали удаления кораблей и войск Антанты с Мурмана.

6 мая германский посол Мирбах вручил ноту с ультимативными требованиями в адрес советского руководства. Требования Антанты о расширении своего военного присутствия на Севере России также приобрели по существу ультимативный характер. На ночном заседании ЦК РКП(б) с 6 на 7 мая было принято решение: «Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить»⁵⁹.

14 мая в докладе о внешней политики В. И. Ленин уделит большое внимание ситуации на Мурмане, рассматривая ее как важный момент в сохранении мира с Германией. При этом он с удовлетворением зачитал сообщение советского полпреда в Берлине А. А. Иоффе, что Германия согласна содействовать переговорам Советской России с Финляндией и сама агрессивных планов не имеет⁶⁰. В ходе обсуждения доклад председателя Совнаркома был подвергнут резкой критике. Л. Мартов охарактеризовал его как «реферат», но не как отчет первого министра правительства перед парламентом. «Где текст германских требований? Почему правительство, свергнувшее тайную дипломатию, не публикует германских документов о Мурмане? Как оно относится к ним?» — спрашивали оппоненты⁶¹.

В свою очередь, союзники восприняли утверждения Ленина в этом докладе (о том, что «на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной») как крах надежд на приглашение их войск в Россию и одновременно как угрозу находящимся там подразделениям. Оценив это как новое предательство большевиков, руководители Антанты активизировали усилия по осуществлению интервенции «без приглашения».

В это время в Лондон шли тревожные телеграммы из Мурманска от контр-адмирала Кемпа о столкновениях с белофиннами и о сложном положении в городе. После двухдневных переговоров с Веселаго он сообщил 14 мая, что ситуация стала критической. Москва может в любой момент заменить местный Совет на «воинствующе-большевистский» и издать ультиматум, требующий ухода союзников. Он настаивал на принятии принципиального решения: или усилить военную помощь, направив

сюда по крайней мере бригаду, а также оказать экономическое содействие, или полностью вывести отсюда войска. В послании от 17 мая Кемп призвал к союзной интервенции в Мурманск, утверждая, что она будет приветствоваться местным населением⁶².

В тот же день начальник разведотдела союзников полковник Торнхилл по поручению контр-адмирала подготовил письмо командиру прибывшего в Мурманск отряда Всероссийской чрезвычайной комиссии по охране железных дорог Л. А. Комлеву. Бойцы отряда были настроены пробольшевистски и развернули пропаганду против союзников и политики Краесовета. В письме указывалось, что отряд прибыл, не предупредив Совет, власть которого союзники признают. «На берегу находятся сотни иностранных подданных и вооруженные отряды и потому всякие действия, которые могут причинить вред окружающим, — недвусмысленно предупреждал британский адмирал, — будут немедленно прекращены и порядок будет восстановлен»⁶³.

11 мая британский военный кабинет одобрил документы, подготовленные военным министерством и Форин Оффис об интервенции в Северную Россию. Генералу Пулю предписывалось немедленно отправиться в Мурманск, чтобы «представить военному кабинету предложения о всех необходимых мерах, которые следует принять в связи с нашей интервенцией в России». В помощь ему для организации чехословаков и иных сил вторжения в Архангельск и Мурманск должны были быть отобраны и направлены британские офицеры и лица сержантского состава. Первому лорду Адмиралтейства предписывалось послать 200 солдат «для обороны Архангельска», а военное министерство обязано было выделить необходимое снаряжение и продовольствие для миссии Пуля. «Удерживая и охраняя северные порты», генерал должен был «определить, как далеко мог бы он продвинуться в направлении Вологды, полагаясь на силы, имеющиеся в его распоряжении».

Сам Ф. Пуль доказывал необходимость немедленной отправки 5 тыс. солдат в Архангельск для дальнейшего продвижения на Вологду. В случае, если они будут атакованы там, он считал нужным взорвать вологодский железнодорожный мост, прервав тем самым сообщение Севера с Москвой, и ждать подкреплений в Архангельске. В то же время он считал возможным сформировать вокруг экспедиции армию из 100 тыс. просоюзнически настроенных местных граждан⁶⁴.

Ведущая роль в союзной экспедиции на Русский Север отводилась находившемуся в России чехословацкому корпусу. Еще в марте эта идея обсуждалась французами и англичана-

ми. 17 апреля британский военный кабинет одобрил использование части чехословацкого легиона в Архангельском и Мурманском районах «для охраны как русских, так и союзных интересов». В это же время аналогичное решение было принято и французским правительством. 27 апреля постоянные военные представители Верховного военного совета Антанты одобрили специальный меморандум «Переправка чехословацких войск из России». В нем указывалось, что чехословацкие войска, которые не проследовали к востоку от Омска (для эвакуации из Владивостока) должны были отправиться в Архангельск и Мурманск. «Эти контингенты... было бы целесообразно использовать для обороны Архангельского и Мурманского портов и для надзора и охраны Мурманской железной дороги». Этот план был одобрен 2 мая Верховным военным советом Антанты⁶⁵.

В это же время в Москве шли переговоры о судьбе чехословаков между руководителями наркоматов по военным и иностранным делам, с одной стороны, и представителями Чехословацкого Национального Совета, Англии и Франции — с другой. От англичан и французов были затребованы заверения о готовности принять чехословаков на свои корабли в Архангельске и Мурманске. Более того, в связи с усилением финско-немецкой угрозы на Севере ВВСР (Высший военный совет республики) принял во второй половине апреля решение «использовать чехословацкие эшелоны для охраны Мурманской железной дороги» при условии предоставления англичанами и французами гарантии, что «чехословаки не будут использованы во вред Российской республике». Если союзники оценивали количество чехословацких солдат, направляемых на Север в 20 (максимум 40) тыс., то ВВСР принял в начале мая решение направить для обороны Севера 50 тыс. чехословаков. Чтобы не вызвать протеста Германии, их решено было отправить без оружия, а вооружить с архангельских складов. 5 мая глава военной миссии Франции генерал Лавернь и Р. Локкарт информировали Париж и Лондон о согласии Троцкого на переброску чехословаков в Мурманск и Архангельск⁶⁶.

Но сомнения командования корпуса в связи с опасением быть отрезанными на Севере или уничтоженными немецкими подводными лодками при перевозке в Европу, и, наконец, мятеж чехословаков сделали невозможной их переброску в Северную Россию. Тем самым были сорваны и замыслы Антанты, связанные с использованием чехословаков на Севере. А ведь они должны были составить ядро союзного экспедиционного корпуса, и не только для обороны от немцев и финнов, но и для

объединения вокруг себя всех антисоветских сил. Провал этого плана превращал всю интервенцию Антанты против Советской России с Севера в весьма авантюрное предприятие ввиду ограниченности ее воинских контингентов, которые могли быть посланы сюда в период мировой войны.

18 мая генерал Пуль, получив последние инструкции, отбыл на борту американского крейсера «Олимпия» в Мурманск. 20 мая британский военный кабинет принял постановление «Интервенция в России», а 23 мая — решение о направлении в Северную Россию в распоряжение генерала Пуля военной миссии инструкторов для создания армии из чехов, русских и представителей других национальностей, которая должна была двинуться на восток и соединиться с просоюзнически настроенными русскими в Сибири, а возможно и с японскими дивизиями. Вместе с тем британский военный кабинет утвердил и направление экспедиции в составе 600 пехотинцев, пулеметчиков и саперов для «обороны Мурманска и Печенги от немцев и финнов»⁶⁷.

Ситуация в Мурманске приблизилась к своей кульминации, когда 24 мая в город прибыли британский генерал Ф. Пуль в качестве «военного представителя в России», С. П. Нацаренус, назначенный Совнаркомом Чрезвычайным комиссаром на Мурмане, и А. М. Юрьев. 1 июня состоялась продолжительная беседа Нацаренуса с Пулем и Кемпом. Согласно докладу генерала Пуля в военное министерство, их собеседник отказался говорить официально до тех пор, пока страны Антанты не признают Советское правительство. Он заявил о намерении Советского правительства защищать северные порты от немцев и белофиннов и направить с этой целью на Мурман две советские дивизии и чехословаков. Британские военные руководители убеждали посланца Москвы, что для признания правительства большевиков союзниками нужна совместная борьба против Германии. При этом генерал Пуль гарантировал оснащение, питание, обучение чехов и других войск, которые будут находиться в распоряжении большевиков⁶⁸.

2 июня Нацаренус отправил телеграмму в Москву и сам отбыл туда для доклада правительству, предполагая вернуться в ближайшее время. Главную опасность он видел в действиях белофиннов, считая возможным их наступление на Мурман в ближайшие дни, поэтому он просил немедленно направить в Мурманск чехословаков и сербов*, формируемые советские дивизии по мере их готовности (в общей сложности не менее 10

* Направление на Мурман нескольких тысяч сербов из других районов России входило и в планы союзного руководства.

тыс. штыков с пулеметными командами, 6 батарей, гидропланы, вооружение, снаряжение), а также срочно перевести аванс в 4 млн. руб. Нацаренус считал возможным использовать воинские контингенты Антанты на Мурмане для противодействия наступлению белофиннов, а боевые корабли союзников — для совместной борьбы против немецких подводных лодок в северных водах⁶⁹.

А. М. Юрьев полагал, что деятельность С. П. Нацаренуса в Мурманске и его переговоры с представителями Антанты сделали возможным заключение общего соглашения союзников с Советским правительством. Пуль и Кемп оценили московского эмиссара как «определенного сторонника союзников». Они рекомендовали своему правительству признать правительство большевиков де-факто. «Союзная интервенция для защиты Мурманска или другого русского порта будет возможна только как враждебный акт до признания де-факто современного русского правительства», — доносил Т. Кемп в Лондон, утверждая, что сохранение существующего отношения союзников к Москве выгодно Германии и потому опасно. Аналогичные телеграммы направили своим правительствам командиры французского и американского крейсеров в Мурманске⁷⁰.

Эти призывы вызвали негативную реакцию французского и американского послов в России. «По моему мнению, такой шаг будет трагической ошибкой, — телеграфировал в Вашингтон 6 июня Д. Фрэнсис. — Морские офицеры на Мурмане незнакомы с внутренними условиями в России и неполномочны давать вышеупомянутый совет»⁷¹. Но тревожились послы напрасно. Пожелания союзных военных руководителей на Мурмане не были услышаны, и прежде всего потому, что машина подготовки интервенции на Русский Север «без приглашения», или «согласия», правительства большевиков была уже запущена на полный ход и решения приняты на самом высоком уровне. Полоса мирного сосуществования на Мурмане подходила к концу:

РАЗРЫВ

1 июня американский президент В. Вильсон заявил о намерении послать в Мурманск войска США из числа соединений, направляемых во Францию. 3 июля об этом было объявлено в специальном меморандуме госсекретаря. Длительные и настойчивые усилия союзников по вовлечению американцев в интервенцию в Россию наконец увенчались успехом. В тот же день постоянные военные представители в Верховном военном совете Антанты в Версале разработали текст объединенного мемо-

рандума № 31 «Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого океана», который предусматривал направление 4—6 батальонов пехоты в Северную Россию для удержания Мурманска и возможной оккупации Архангельска. Эти войска должны были получить поддержку со стороны чехословаков, перебрасываемых на Север.

Цели союзной интервенции были определены следующим образом: противодействовать растущей угрозе со стороны немцев и финнов на Севере; удержать последние коммуникации, связывающие союзников с Центральной Россией; помочь предстоящей союзной интервенции в Сибири и наладить взаимодействие северной и сибирской экспедиций; обеспечить успех переброски чехословаков на Север, оказать им необходимую помощь и использовать их в борьбе с немцами, а затем прикрыть эвакуацию их и сербов. В документе подчеркивалось, что оккупации Архангельска и Мурманска добиваются не только союзные представители в России, но и «большинство русских партий».

3 июня представленный план был утвержден на пленарном заседании Верховного совета Антанты. Британский генерал Ф. Пуль был назначен главнокомандующим союзными вооруженными силами в России^{*72}. Интервенция считалась антитерманской, но фактически носила и антисоветский характер, так как должна была осуществляться вопреки воле Советского правительства.

Ядро направляемой на Север союзной экспедиции должны были составить американские военнослужащие. Поэтому Великобритания, назначенная Верховным военным советом ответственной за координацию действий союзников в Северной России, начала переговоры с американским руководством о реализации намеченных мер. 11 июня британское правительство направило телеграмму в Вашингтон с просьбой зарезервировать для северной экспедиции 3 батальона пехоты, 2 артиллерийские батареи и 2 отряда военных инженеров. Но военный министр США Н. Бейкер и начальник штаба американской армии П. Марч без энтузиазма отнеслись к этим планам, затягивая переговоры. В начале июля Великобритании вновь пришлось выносить этот вопрос на обсуждение Верховного военного совета Антанты⁷³.

Замыслы вооруженной интервенции Антанты в Россию встречали немало оппонентов, и среди них были английский и американский консулы в Архангельске Д. Янг и Ф. Коул. Последний в длинном письме послу Френсису в Вологду 1 июня

* В дальнейшем функции Ф. Пуля были ограничены Северной Россией,

убеждал, что «интервенция не может рассчитывать на активную поддержку русских... Социалисты-революционеры, меньшевики и кадеты, которые сегодня выступают за интервенцию, дискредитировали себя и теперь стремятся вернуть власть», — утверждал американский консул, убежденный в том, что они «никогда не будут управлять Россией». «Их место за кипящим самоваром, но не в залах правительства. Их приглашение вступить в Россию не является приглашением от русского народа. Они столь же скверно выражают настроения русского народа, как и год назад», — доказывал Ф. Коул. Он предупреждал об огромных сложностях осуществления интервенции на Север и создании фронта от Финляндии до Урала. «Интервенция начнется в малых масштабах, но затем будет стремительно расширяться и требовать кораблей, людей, денег и материалов», — пророчески утверждал Коул и напоминал, что иностранные вторжения в глубь России всегда кончались провалом. Как альтернативу военной интервенции он предлагал развитие широкомасштабных экономических связей с Россией и оказание продовольственной помощи населению Севера⁷⁴.

14 и 19 июня Ф. Коул направил еще 2 письма Д. Фрэнсису, но его аргументы не получили поддержки посла и других американских дипломатов. Вместе с тем, опасаясь, что суждения Коула могут быть положительно восприняты в Вашингтоне, Фрэнсис отправил его письмо в США обычной почтой и оно прибыло уже после принятия президентом Вильсоном решения об участии в интервенции.

В то же самое время в Германии продолжалась дискуссия о политике в России. Если военное командование (генералы Гинденбург и Людендорф) выступали за жесткую антирусскую политику, то канцлер Гертлинг и статс-секретарь МИД Кюльман считали необходимым действовать «без прямого вмешательства во внутренние русские дела». У Германии нет иного выхода, кроме поддержки большевиков, указывали они в меморандуме от 26-мая, ибо «любой другой режим, независимо монархический или буржуазно-демократический, денонсирует Брестский договор и более чем вероятно будет близок к Антанте»⁷⁵.

В конце мая — начале июня немецкие дипломаты предприняли новые шаги, направленные на то, чтобы посредством обмена территориями между Финляндией и Россией закрепиться на мурманском побережье. 25 мая нарком Чичерин уведомил посла Мирбаха, что правительство принимает предлагаемый германской стороной базис для урегулирования советско-финляндских отношений — «уступку Финляндией Российской Рес-

публике форта Ино и Райволы» и «уступку Российской Республики Финляндии западной полосы Мурмана с выходом к морю». Нарком высказался за скорейшее достижение соглашения с Финляндией. В конце мая Финляндия сообщила Германии, что согласна на ее посредничество в урегулировании отношений с Советской Россией при условии, что Восточная Карелия и Кольский полуостров перейдут к Финляндии⁷⁵.

Казалось, замыслы Германии о переходе под ее контроль мурманского побережья были близки к осуществлению. Но такая перспектива вызвала резкие протесты со стороны Мурманского Краесовета, Центромурма и военного командования республики. Военный руководитель ВВСР М. Д. Бонч-Бруевич указывал, что это лишит страну выхода в открытое море и поставит в критическое положение Мурманскую железную дорогу⁷⁷.

Но пока дипломаты и политики разрабатывали планы мирного урегулирования, немецкие и финские генералы вынашивали замыслы разрешения мурманской проблемы военным путем. Командующий немецкими войсками в Финляндии и руководитель немецкой миссии в финской армии фон дер Гольц вспоминал позднее, что в его планы входило наведение порядка в Финляндии, организация военной разведки, а затем и боевые действия против Петрограда и англичан на Мурмане. Финские войска должны были занять северные пункты Финляндии напротив Мурманской железной дороги и начать под немецким руководством боевые действия против «английских дивизий»⁷⁸.

В конце мая — начале июня наблюдалась концентрация белофиннов на советской границе в районах, прилегающих к Печенге, Ухте и Кандалакше, а 7 июня развернулось новое наступление на Кемь. Но русские и союзные отряды отразили этот набег белофиннов.

Тем временем в мурманский порт продолжали прибывать суда союзников с подкреплениями. 29 мая прибыло 370 британских морских пехотинцев во главе с подполковником Петерсоном. 8 июня с крейсера «Олимпия» высадился первый отряд американцев в составе 8 офицеров и 100 военных моряков, что должно было символизировать расширение союзнического присутствия и укрепление их сотрудничества на суше. А накануне на борту линкора «Глори» было подписано соглашение между представителями красных финнов и британского командования о создании финского легиона*. 11 июня в Мурманск прибыл

* Легион формировался из финских красногвардейцев, вынужденных после поражения в гражданской войне бежать в Россию, и предназначался преж-

английский крейсер «Аттентив». 14 июня было принято решение о формировании «Славяно-британского легиона». Командный состав, вооружение, обмундирование и содержание его обеспечивалось англичанами. Руководство этим легионом было поручено полковнику Гендерсону. Легион создавался для борьбы против немцев и финнов, но вместе с тем он должен был составить костяк противобольшевистской армии и создать реальный противовес революционным отрядам военных моряков и железнодорожной охраны⁷⁹.

«Количество белых сил было очень незначительно, — вспоминал помощник Веселаго Л. И. Страховский, — но, безусловно, даже с этой группой людей, на которую мы могли рассчитывать, можно было бы предпринять решительный шаг захвата власти, если бы можно было надеяться на поддержку союзников, главным образом для принуждения к работе рабочих порта и железной дороги, представители которых составляли яркое большинство на заседаниях Совета». Замысел заговорщиков сводился к тому, чтобы: «1. Побороть пассивность союзников; 2. Уничтожить матросскую угрозу; 3. Законным путем через Краевой Совет провести отделение Мурманского края от Москвы»⁸⁰.

Советское правительство направило несколько нот союзным представителям в России, уведомляя о невозможности дальнейшего пребывания иностранных военных судов в северных гаванях и о недопущении высадки вооруженных десантов. 15 июня Г. В. Чичерин послал председателю Мурманского Краесвета Юрьеву телеграмму с информацией о требованиях Совнаркома к бывшим союзникам. Он предупреждал, что «поддержка, оказываемая англичанами и их союзниками чехословакам, может принять форму враждебных действий против нас». В тот же день А. М. Юрьев послал телеграмму Ленину. Его главный тезис заключался в следующем: «Союзники с Мурмане не уйдут... Противосоюзническая политика Краесвета невозможна. Заставить союзников силой уйти невозможно. Военная сила неоспоримо на их стороне». Он считал неосуществимым выполнение направленных предписаний и требовал точных указаний «с предвидением всех последствий у нас на месте». Затем он отправил в Москву еще ряд телеграмм⁸¹.

18 июня генерал Пуль, выступая на встрече с представителями русских военных моряков, недвусмысленно заявил: «Сейчас находится здесь власть сильнее моряков — это союзники.

де всего для противодействия вторжению финских белогвардейцев на Мурман.

Союзники здесь имеют силу, и если это потребуется, и если они найдут необходимым, то они готовы применить все силы. Они не угрожают тем, чего они не могут исполнить»⁸². Действительно, по данным доклада военно-политического комиссара Мурманского края А. Каверина от 19 июня, численность всех русских вооруженных формирований на Мурмане (с учетом милиции, военных моряков и железнодорожной охраны) составляла менее 3 тыс. человек, из них лишь небольшая часть находилась в боеспособном состоянии, а красноармейские части практически отсутствовали. В то время как численность бывших союзников, несравненно лучше подготовленных в военном отношении, составляла, согласно этому докладу, около 4 тыс. человек (с учетом численности экипажей кораблей)⁸³.

В дополнение к этому 22—23 июня с прибывших транспортов высадились примерно 1200—1500 британских военнослужащих во главе с генералом Финлейсоном, ставшим начальником штаба главнокомандующего, и генералом Мейнардом, возглавившим войска, непосредственно предназначенные для боевых действий на Мурмане*. Еще более значительным был перевес союзников на море. К концу июня здесь находилось 4 крейсера, линкор, авианосец и ряд других военных судов. К тому же союзники контролировали и большинство кораблей Мурманской флотилии**. Все это позволяло союзникам проводить политику с позиции силы.

Политики и военные стратеги стран Антанты, и в первую очередь Великобритании, в это время активно прорабатывали различные варианты интервенции в Россию, и в том числе на Русский Север; во взаимодействии с сибирской экспедицией или самостоятельно. По предварительным расчетам военных, на

* В советской литературе давались различные оценки численности воинских контингентов Антанты на Мурмане. Так, в 3-м томе «Гражданской войны в СССР» (М., 1957) утверждалось, что к лету 1918 г. здесь было высажено около 10 тыс. иностранных солдат. Историки В. В. Тарасов и Я. А. Балагуров (Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Севере России (1918—1920 гг.). М., 1958. С. 59; Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 86) считали, что уже в апреле—начале мая их численность составляла 14 тыс. человек. Анализ различных источников, и в первую очередь зарубежных, приводит к выводу, что численность интервентов составляла к концу июня на берегу не более 4,5 тыс. человек.

** Демобилизация флота привела к тому, что для поддержания боеготовности миноносцев в условиях возобновившейся немцами подводной войны между Центромумором и союзным командованием было достигнуто соглашение, что их экипажи на 80% укомплектовываются иностранцами (ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 72. Л. 4—8). С устаревшим линкором «Чесма» никто всерьез не считался. Главную политическую и военную оппозицию союзникам по-прежнему составлял экипаж крейсера «Аскольд».

Север России должно было быть направлено не менее 2—2,5 пехотных дивизий, артиллерийские, железнодорожные, инженерные и другие части⁸⁴.

На заседании британского военного кабинета 19 июня после обсуждения ситуации и планов действий в Северной России было решено направить туда с кратким инспекционным визитом первого лорда Адмиралтейства Э. Джеддеса для ознакомления с положением дел на месте и разработки совместно с генералом Пулем перспектив северной экспедиции. Вернувшись 28 июня в Лондон, он представил премьеру Ллойд Джорджу предложения Ф. Пуля, свои выводы и документы, которые и легли в основу британской и союзной политики по осуществлению интервенции на Севере России, о чем будет рассказано в следующей главе.

В это же время ряд британских политиков и военных, и в частности контр-адмирал Кемп, активно проработали план создания буферного государства — так называемой Беломорской (Беломорско-Онежской) республики. Она должна была располагаться на обширной территории от Ледовитого океана до Онежского озера, от финской границы до Ладоги. Беломорская республика должна была стать независимой от Москвы, предполагалось ее признание британским правительством и введение сюда его войск. Этот проект обсуждался на ряде встреч англичан с деятелями ряда местных Советов и других организаций. Т. Кемп доложил существо этого проекта в Лондон⁸⁵.

Но идея Беломорской республики под протекторатом Великобритании оказалась мертворожденной. Против нее выступили с одной стороны Франция и США, а с другой — Финляндия и Германия. Этот проект не получил поддержки и лидеров российской контрреволюции, выступавших за «единую и неделимую Россию».

Возраставшее влияние англичан на Мурмане вызывало известное беспокойство местных политических деятелей, и они стремились нейтрализовать его расширением здесь американского присутствия. Еще 18 мая Веселого телеграфировал в Морской генеральный штаб о необходимости «значительного представительства Америки как сухопутными, так и морскими силами» на Мурмане. В июне он провел переговоры с командиром американского крейсера «Олимпия» капитаном I ранга Бирером, убеждая его в целесообразности и выгоды русско-американского сотрудничества по эксплуатации природных богатств Севера России и указывая на «опасность в этой области монополии Англии, которая, как всегда, собирается загре-

бать жар чужими руками». Бирер обещал Веселаго военную помощь в случае выступления или демонстрации матросов.

Видимо, не без совета Веселаго Юрьев поставил 21 июня перед Совнаркомом вопрос о необходимости «нейтрализовать неизбежную пока исключительность влияния Англии привлечением вооруженных сил Соединенных Штатов Северной Америки к большому участию в событиях». Он настаивал на особом приглашении американцев и предупреждал, что в случае неполучения ответа Краевой Совет самостоятельно секретно обратится к представителю Соединенных Штатов⁸⁶.

21 июня Совнарком обсудил ситуацию на Мурмане в связи с докладом, С. П. Нацаренуса. Было решено расширить его полномочия и распространить деятельность на район Архангельска, Мезени и Печоры. Нацаренусу было поручено «направлять политику таким образом, чтобы немцы и англичане ограничивались взаимонаблюдением» и «наблюдать более строго за деятельностью местных Совдепов». Наркомвоену было предписано дать 2 тыс. штыков для охраны края⁸⁷.

В тот же день прибывший в Мурманск в качестве уполномоченного по политическим делам Ф. Линдлей, ознакомившись с ситуацией и приказами генерала Пуля, телеграфировал в Лондон, что Мурманский Совет «используется как ширма» и, действуя через него, союзники могут контролировать район. А вернувшийся 28 июня в Англию Э. Джеддес доложил Ллойд Джорджу, что в крае фактически нет правительства и нет власти. Приказом, издаваемым московским правительством, никто не подчиняется⁸⁸.

В такой обстановке и произошла политическая развязка. 25—26 июня состоялись переговоры по прямому проводу между Юрьевым и руководителями Совнаркома. Требования последних о протесте против увеличения военного присутствия бывших союзников на Мурмане и отпоре им не находили понимания у председателя Краеосовета. Он убеждал, что протест против пребывания англичан практически бесполезен и приведет только к гибели русской власти. «Если будем бездействовать, т. е. не будем проявлять инициативы в совместных действиях с союзниками, а тем более, если будем пытаться действовать против них, то полетим к черту, как во Владивостоке», — утверждал Юрьев⁸⁹. В целом в ходе этих сложных переговоров, сопровождавшихся взаимными упреками и обвинениями, позиции определились достаточно четко, и мурманские руководители должны были дать ответ по существу на предъявленный ультиматум, с кем они — с красной Москвой или с союзниками?

Несколько дней в Мурманске продолжались заседания, консультации, обмен мнениями. Союзники были полностью в курсе событий. Генерал Пуль в беседе с руководителями Совета заявил: «Нельзя бежать одновременно с зайцем и охотой. Если вы будете протестовать против пребывания союзников в Мурманске, то мы будем считать себя свободными принимать все необходимые для самозащиты меры»⁹⁰. Веселаго и Звегинцев предупредили, что в случае разрыва с союзниками они уйдут в отставку и настаивали на неисполнении требований Москвы. В этой сложной ситуации, требовавшей политического выбора, А. М. Юрьев, уверовав в то, что Советское правительство идет на поводу у немцев, а единственный путь спасения края — в поддержке союзников, оказался в одном лагере с убежденными противниками большевиков. — Веселаго, Звегинцевым, Брамсоном и др.

30 июня состоялось объединенное заседание Краевого Совета, Центромюра и Мурманского Совжелдора с участием представителей Антанты. С докладом выступил Юрьев. Он доказывал необходимость «действовать в дружественном контакте с союзниками», аргументируя это следующими обстоятельствами: «1) союзники отсюда не уйдут, что бы мы ни говорили; 2) союзники находятся здесь, чтобы сохранить край от германо-финнов для России; 3) союзники поддержат местную русскую власть, если та будет стремиться искренне оборонять край; 4) экономическое, продовольственное благосостояние невозможно без помощи союзников; 5) местное население всецело сочувствует союзникам и просит их продолжать оставаться в крае»⁹¹.

После обсуждения была принята резолюция, главный смысл которой сводился к неисполнению требования правительства об удалении союзников и всемерном развитии сотрудничества с ними; для чего было решено разработать специальное письменное соглашение*. Затем руководители Краесовета и представители Антанты вышли к собравшейся толпе. Председатель Совета известил о результатах заседания. От имени союзников принятое решение приветствовал генерал Пуль. В конце митинга А. М. Юрьев обратился к собравшимся: «Товарищи, одобряете ли вы действия Мурманского Краевого Совета? — Поднимите руки». В этот ответственный момент, как вспоминал Л. И. Страховский, раздалось гудение моторов и низко над толпой прошли

* Воздержались при голосовании представители Мурманского Совжелдора, а команда крейсера «Аскольд» высказалась за работу на местах по согласованию с центральной властью и автономно от союзников.

два гидроплана с прибывшего накануне британского авианосца «Найрана». Толпа подняла глаза к небу и, «движимая незапной решимостью, вся подняла руки, «волей народа» закрепив наши действия»⁹².

Итак, развязка состоялась. 1 июля Совнарком объявил Юрьева «врагом народа» и «вне закона». Оповещение об этом за подписью Ленина и Троцкого было опубликовано на следующий день в «Известиях ВЦИК» вместе с приказом Троцкого об обороне мурманского побережья.

Генерал Пуль, информируя Лондон о решении Мурманского Совета, заметил, что «его депутаты надели веревку на шею и, если они будут колебаться, я смогу заставить их быть твердыми»⁹³. Действительно, Мурманский Совет, порвав с Москвой, оказался в полной зависимости от бывших союзников.

Так завершился важный этап мурманской эпопеи, ставший прологом грядущих кровопролитных событий. Соглашение от 2 марта 1918 г. породившее широкий спектр суждений, ожиданий и тревог, привело в конечном счете к разрыву Мурманского Совета с Совнаркомом. Союзники, не желая «поступаться принципами», признать правительство большевиков и утратив надежды на получение от него «приглашения» или «согласия» на интервенцию, сделали ставку на сотрудничество с антибольшевистскими силами. Решения, принятые 30 июня в Мурманске, стали важной вехой в реализации далекоидущих планов Антанты. Но осуществляемая вопреки воле московского правительства интервенция перерастала из военно-стратегической акции, как мыслилось первоначально, в политическую и антибольшевистскую, что неминуемо втягивало союзников в гражданскую войну в России и грозило опасными и непредсказуемыми последствиями.

ГЛАВА 2

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Июль 1918 года стал временем, когда союзная интервенция, все теснее смыкаясь с силами антибольшевистской оппозиции, поставила Советское правительство перед тяжелыми испытаниями. Мятежи вспыхивали один за другим в различных районах страны, фронт гражданской войны все более расширялся.

В практической реализации замыслов осуществления военной интервенции в России и, в частности, на Русском Севере, принципиальную роль сыграли решения Верховного военного совета Антанты в Версале 2—3 июля 1918 г. 2 июля был заслушан британский доклад о расширении интервенции в России, и прежде всего в Сибири, в связи с принципиально новой ситуацией в стране: восстанием чехов, контролировавших сибирскую железнодорожную магистраль и значительную часть русской территории, всеобщей анархией и голодом, глубоким кризисом власти большевиков, неспособных выполнить свои обязательства и «отрицаемых различными русскими классами», активизацией либерально-демократической оппозиции и, наконец, возрастанием германской угрозы России.

На следующий день было заслушано сообщение первого лорда Адмиралтейства Э. Джеддеса о результатах его поездки в Мурманск. Охарактеризовав ситуацию на Севере как безвластие, он изложил план генерала Пуля, который с помощью направленных ему дополнительно 5 тыс. солдат предполагал высадиться (мирно или вооруженным путем) в Архангельске и продвинуться к Вологде. В этом районе он считал возможным создать армию в составе 100 тыс. антигермански и просоюзнически настроенных русских. Джеддес, как и сам Пуль, характеризовал этот план как «рискованное предприятие», но считал, что он может и должен быть осуществлен.

Сессия Верховного военного совета одобрила планы расширения интервенции в Сибири и на Севере России. Британское, французское и итальянское правительства должны были ускорить отправку в общей сложности 6 батальонов, о чем дого-

[illegible]

зидента США было решено, что каждое из союзных правительств отдельно проинформирует его о принятых решениях¹.

Интересно, что в эти же дни, 2 и 3 июля, состоялось совещание представителей правительства и верховного командования Германии под председательством кайзера Вильгельма II. На нем с тревогой указывалось на усиление влияния Антанты в России и, в частности в северном ее регионе. В принятой резолюции подчеркивалось, что английского государства в Северной России не должно существовать, и назывались два возможных способа реализации этой цели. В переговорах с послом Иоффе было предложено «побудить правительство России, чтобы оно предложило нам сотрудничать с ним против англичан в Восточной Карелии и на Мурманском побережье», а если это не удастся, то «склонить финнов выступить против англичан». «Мы обещали бы при этом нашу помощь оружием, деньгами, возможно также войсками», — отмечалось в резолюции совещания².

А тем временем в Мурманском крае начались вооруженные столкновения союзников с советскими отрядами. 27 июня генерал Мейнард отправился в инспекционную поездку по Мурманской железной дороге, посетил гарнизоны союзных войск в Кандалакше и Кемь. Здесь и произошли первые инциденты. Союзники разоружили и отправили обратно эшелоны с красноармейцами, следовавшими в Мурманск из центра. 2 июля Ч. Мейнард, ссылаясь на антисоюзнические намерения местных большевиков, отдал приказ о разоружении отрядов железнодорожной охраны и красногвардейцев в Кандалакше и Кемь, конфискации оружия в этих и других населенных пунктах северной части железной дороги. Сюда были переброшены воинские подкрепления и направлен крейсер «Аттентив», который обстрелял станцию Кемь и высадил здесь десант.

Вечером 2 июля отряд англичан и сербов ворвался в здание Кемского Совета, где в это время шло заседание. Все присутствующие были арестованы, а Р. С. Вицуп, А. А. Каменев и П. Н. Малышев убиты. Это были первые жертвы начинающейся необъявленной войны*.

* Большевистски настроенный Кемский Совет был «бельмом на глазу» для руководства Краесвета. В конце июня он принял решение об организации перевыборов в Кемь, была создана ликвидационная комиссия. Интервенты решили «помочь» в ускорении этого процесса. «Мы задержали около 100 большевиков, покушавшихся против союзников и Мурманского Совета, и содержим их под стражей», — доносил Ч. Мейнард по итогам кемской операции в британское военное министерство. По утверждению генерала, убитые оказали сопротивление при задержании, но согласно материалам делегации президиума Архангельского губисполкома, побывавшей в Кемь для расследования инцидента, они были расстреляны сербами.

«Англо-французы вышли из состояния внешнего благожелательного отношения, перешли к активным операциям», — доносил 3 июля в Москву Чрезвычайный комиссар Мурманского и Беломорского края С. П. Нацаренус. Им было введено военное положение от Мурманска до Званки, от границы с Финляндией, включая стоверстную полосу с городами Пудож, Повенец, Петрозаводск и др. к востоку. Была начата эвакуация людей и имущества из этой зоны, а также разрушение мостов, железнодорожного полотна, линий связи, чтобы затруднить продвижение интервентов. Осуществлялся комплекс оборонительных мер³.

3 июля генерал Мейнард вернулся в Мурманск, где встретился и обсудил сложившуюся ситуацию с генералом Пулем. Тот полностью одобрил его действия и санкционировал дальнейшие операции. «Большевистская Россия признавалась врагом, — писал впоследствии Мейнард, — и я уполномочен был принимать военные меры, необходимые для боевых действий против Большеви́стско-Германо-Белофинской комбинации»⁴. 4 июля он вновь покинул Мурманск для непосредственного руководства военными операциями.

В начале июля британские морские пехотинцы высадились на Соловецких островах, а затем к ним присоединился карельский отряд. 7 июля в результате совместных действий с моря и с суши интервенты овладели станцией Сорока. При помощи десанта был захвачен и Сумской Посад. К середине июля фронт стабилизировался на рубеже р. Онды. Генерал Мейнард считал задачу ликвидации большевистской угрозы Мурману выполненной и главное внимание уделял отражению возможного наступления немцев и белофиннов⁵.

Союзники считали целесообразным подкрепить свои действия официальным соглашением с Мурманским Краесоветом. «Сейчас, порвав с Москвой, они (руководители Совета. — В. Г.) осознали свою зависимость от нас и будут все более и более сговорчивы», — телеграфировал 5 июля в военное министерство генерал Пуль⁶. 6 июля президиум Мурманского Краевого Совета подписал «Временное, по особым обстоятельствам соглашение с представителями Великобритании, Франции и США»⁷. Его целью провозглашалось сотрудничество «в деле обороны края от держав германской коалиции». Формально вся власть во внутреннем управлении краем передавалась целиком Совету. Чтобы довести до сведения местного населения свои распоряжения, союзники должны были действовать через представителей русских властей (за исключением прифронтовой зоны). Но это являлось не более, чем декларацией. Союзное коман-

дование издавало приказы, обязательные для населения, а объявление в крае осадного положения давало и формальные основания для верховенства власти интервентов.

Формируемые в крае воинские части подчинялись русскому военному командованию, назначаемому Краесоветом*, но высшая военная власть принадлежала союзникам. Гарантируя помощь в снаряжении, снабжении, инструктировании и даже передвижении создаваемых русских частей, союзное командование тем самым брало их под свой полный контроль.

Оказание союзниками помощи местному населению — финансовой, технической, продовольственной и товарами ширпотреба — происходило на фоне широкой пропагандистской кампании. Однако в соглашении содержалась уклончивая формула «поскольку это окажется возможным», и этим объяснялись в дальнейшем частые срывы выполнения обязательств. К кому же союзники были далеки от бескорыстия и статьей 11 соглашения оговаривали, что их расходы «записываются в общий счет государственного долга России»⁸.

Заключенное соглашение, будучи формально равноправным, на деле обеспечивало верховенство власти интервентов. Значение его союзное командование видело прежде всего в том, что оно обеспечивало казалось бы политико-правовые основания для дальнейшего пребывания их войск в крае. Хотя в силу того, что этот документ не был санкционирован центральным правительством страны и, более того, был осужден им, он не имел должной международно-правовой силы.

Несмотря на подписанное соглашение, внутривполитическое положение в крае продолжало оставаться очень сложным. Особое опасение властей вызывали военные моряки и отряд железнодорожной охраны под командованием Комлева, отказавшийся выполнить приказ о сдаче оружия. Командир отряда обсуждал с Мурманским Совжелдором и Центромуром вопрос об освобождении арестованных на станциях железной дороги и открытии боевых действий против интервентов. Но этот план не получил поддержки, а вскоре бойцы отряда были арестованы.

Страстные дебаты шли в Центромуре. 11 июля была принята резолюция и создана комиссия, которая должна была осведомить союзное командование о негативной деятельности Веселаго, Звегинцева и Брамсона и поставить вопрос об их устранении с политической авансцены. Но этому не суждено бы-

* 7 июля Краесовет назначил командующим русскими вооруженными силами края на правах командующего отдельной армией, входящей в состав войск союзников, Н. И. Звегинцева.

ло сбыться. В ночь на 12 июля было совершено покушение на Веселого: в окно комнаты, где он проживал, было брошено две гранаты. Сам он отделался легкими ранениями, но факт покушения оказался как нельзя кстати. Уже через полтора часа по приказу Звегинцева был арестован Центромур. А утром главный оплот оппозиции — крейсер «Аскольд» был окружен боевыми судами интервентов, к нему были стянуты поднятые по тревоге отряды англичан, французов и американцев. Экипаж был обезоружен и арестован, а позднее большая часть моряков выслана в Советскую Россию. Крейсер был переименован в «Глори IV», а команду его составили английские военные моряки⁹.

Были произведены аресты членов Мурманского Совжелдора, рабочих активистов. В специальной декларации к населению генерал Пуль объяснял произведенные обыски и аресты необходимостью «обеспечить спокойную базу, с которой могут предприниматься Вами и нами военные действия против врагов, вторгшихся в Россию»¹⁰. Для борьбы с противниками режима была учреждена система военных судов во главе с британскими офицерами. Меры наказаний включали в себя высылку из края, штрафы до 30 тыс. руб., различные сроки тюремного заключения и смертную казнь через расстрел. Срочно были созданы Печенгская тюрьма, Кемский, Мурманский и ряд других концлагерей, а так как мест заключения, несмотря на широко применяемую практику высылки в Советскую Россию, остро не хватало, то вскоре в плавучую тюрьму был превращен и русский линкор «Чесма»¹¹.

Рабочие Мурмана представляли собой главную оппозицию местным властям и союзникам, а их опору составляли средние городские слои и значительная часть коренного поморского населения, которое надеялось на улучшение снабжения края продовольствием и промышленными товарами и защиту от угрозы немцев и финнов.

Мурманский Краесовет учредил комиссию по выработке «Положения о самоуправлении Мурманского края». Разработанный им документ предполагал постепенный демонтаж советской системы. Существующие Советы рассматривались как переходные звенья к городским думам и земствам, а вся схема управления расценивалась как переходная к общегосударственной земской системе. Избирательная система должна была стать всеобщей, но не прямой и мажоритарной, а двухступенной¹².

* Официально утверждено Краесоветом 1 августа.

Сложным оставалось экономическое положение края, усугубляемое отсутствием денежных средств и недостатком продовольствия. 13 июля Н. И. Звегинцев обратился к русским капиталистам с просьбой предоставить Краесовету займ на 50 млн. руб., ссылаясь на гарантии союзных правительств и грядущую помощь иностранного бизнеса в развитии промышленности и освоении богатств края¹³. Но особого энтузиазма у предпринимателей это обращение не вызвало.

25 июля, невзирая на осадное положение, в Мурманске состоялся митинг рабочих и служащих Базстройки, Портстройки и Кольской базы. В ответ последовали аресты и специальное разъяснение Краевого Совета и союзного командования. «Генерал Пуль и генерал Мейнард хотят, — говорилось, в частности, в этом документе, — чтобы всем было совершенно ясно, что все служащие и рабочие должны беспрекословно подчиняться Краевому Совету... Всякое противодействие распоряжениям законных властей будет караться по всей строгости военного времени и осадного положения. И впредь никакие митинги и выступления, подобные вчерашнему, не будут допускаться»¹⁴.

Декларируя свою поддержку руководства Мурманского Краесовета, интервенты не собирались на деле сколько-нибудь серьезно считаться с ним. Ч. Мейнард свидетельствовал, что генерал Пуль относился к Веселаго и Звегинцеву, как домо-владелец к своим слугам. Сам Веселаго писал позднее, что «генерал Пуль ведет определенно реакционную политику и смотрит на русских, как смотрели англичане прежде на кафров»¹⁵.

Колониальные манеры управления, переносимые на русскую почву, не могли найти понимания и поддержки местного населения. И если в июне—начале июля для достаточно широких слоев мурманчан было характерно доверчивое отношение к бывшим союзникам, то уже к середине июля положение стало меняться. Нацаренус информировал Москву о бегстве населения с оккупированных территорий, в том числе тех, кто еще совсем недавно встречал войска Антанты хлебом-солью. Он предполагал, что общее количество беженцев составит более 10—15 тыс. человек. А месяц спустя в меморандуме руководителей Краесовета Веселаго и Водохлебова констатировалось, что около тысячи железнодорожников уехали из края, не получив расчета, и до 10 тысяч ждет момента расчета, чтобы немедленно покинуть его пределы¹⁶.

В целях укрепления существующего режима, обороны края от немцев и финнов, а также для реализации замыслов продвижения на архангельско-вологодском направлении особое внимание уделялось созданию местных вооруженных сил. Продол-

жалось привлечение добровольцев в славяно-британский легион, началась реорганизация морских сил, а 1 августа был издан приказ врио командующего вооруженными силами края полковника Гапонова «О формировании Мурманской армии». Она создавалась на добровольческих началах и являлась частью союзных сил. Начальниками взводов и рот назначались русские офицеры, но сами эти подразделения присоединялись «на первое время» к боевым единицам союзных войск и подчинялись их командирам. Для обучения добровольцев выделялись иностранные инструктора. Жалование военнослужащим гарантировалось британским правительством. Создаваемая армия находилась под полным контролем союзников и подчинялась генералу Мейнарду и его штабу¹⁷. Для борьбы с белофиннами и немцами продолжалось формирование финского легиона и карельского полка.

Но, разумеется, союзники не ограничивали свою деятельность в России только укреплением мурманского плацдарма. Руководствуясь принципиальными решениями о расширении интервенции, союзные дипломаты и военные представители в России энергично готовили почву для их реализации и летом 1918 г. резко активизировали свои связи с различными антибольшевистскими организациями, и прежде всего с наиболее крупными и влиятельными из них — «Союзом возрождения России» (СВР), «Национальным центром» (НЦ), «Союзом защиты Родины и Свободы», усилили разнообразную, и в первую очередь финансовую помощь им. В июле британское и французское правительства обсудили вопрос о разделении между собой финансирования просоюзнической деятельности в России¹⁸. Известия о планирующемся в скором времени союзном десанте в Архангельске с его последующим продвижением к Вологде заметно усилили интерес лидеров русского антибольшевистского движения к Северу, что выразилось в разработке связанных с ним планов.

Вместе с тем складывавшиеся в тот период отношения союзников с различными антисоветскими организациями не следует идеализировать, полагая, что сотрудничество было тщательно спланировано и скоординировано. Напротив, эти отношения носили весьма противоречивый и хаотичный характер. Представителям Антанты было нелегко разобраться в программах и взаимоотношениях различных конкурирующих между собой организаций, нередко стремившихся к тому же дискредитировать друг друга. В этих условиях, как вспоминал активный деятель СВР В. И. Игнатьев, «союзники разменивались на мелочи, обещая, давали мелочь, оттягивая окончательное ре-

шение». Он отмечал и характерную политическую черту этих отношений: «Все симпатии союзников... на стороне кадетов и правых группировок, а общая политическая конъюнктура заставляла их идти на подмогу социалистам, которым они не верили»¹⁹.

Противоречия в отношениях союзников и русских антибольшевистских организаций проистекали прежде всего из несовпадения их первоочередных целей. Для Антанты это скорейшее восстановление Восточного фронта, а для их партнеров — устранение от власти большевиков. И в то же время лидеры антисоветского движения неизменно подчеркивали необходимость воссоздания фронта против немцев, а союзники, хотя и стремились не афишировать свои антибольшевистские настроения (имевшие как политическую, так и экономическую мотивацию), но ввод их войск, вопреки воле Советского правительства, неизбежно означал военную конфронтацию с ним. В конечном счете, именно антибольшевистские мотивы обусловили продолжение союзной интервенции в России после окончания мировой войны.

Действия союзников (правительств, военных и дипломатов) в России были слабо скоординированы между собой и во взаимоотношениях с антибольшевистскими организациями нередко основывались на непроверенной информации, что в полной мере воплотилось в драме ярославского восстания. Это выступление было подготовлено возглавляемым Б. В. Савинковым «Союзом защиты Родины и Свободы». После переговоров с генеральным консулом Франции в Москве Ф. Гренаром и генералом Лавернем руководством «Союза» было принято их предложение об организации восстания в связи с десантом союзников на Севере. Савинковцы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Муром, возможно Владимир и Калугу. Союзники, захватив Архангельск и Вологду и опираясь на мятежный Ярославль, должны были создать непосредственную угрозу Москве.

Накануне выступления Савинкову была передана телеграмма Нуланса, в которой утверждалось, что союзный десант высадится в Архангельске между 5 и 10 или 3 и 8 июля, и содержалась просьба начать восстание именно в эти дни. В ночь с 5 на 6 июля восставшие овладели Ярославлем и удерживали его в течение 16 дней. Но их просьбы к союзным дипломатам о помощи не дали результатов, хотя Нуланс и Фрэнсис неоднократно обращались к генералу Пулю, адмиралу Кемпу и своим правительствам, настаивая на скорейшем десанте в Архангельск. «Мы остались висеть в воздухе в Ярославле. Восстание

утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами»*, — утверждал Б. Савинков²⁰.

Восстание в Ярославле резко осложнило общую ситуацию в северном регионе, и прежде всего в Вологде, которая с весны 1918 г. была основным центром антибольшевистской деятельности на Русском Севере**. Заговорщики привлекало чрезвычайно выгодное географическое расположение города, стоявшего на пересечении важных железнодорожных и водных путей, связывающих северные, северо-западные и восточные районы между собой и с центром. Военно-стратегическое значение вологодского региона возрастало по мере перемещения сюда военных и иных грузов со складов в Архангельске. Вологда стала также крупным перевалочным пунктом для польских и сербских солдат, следующих в северные порты для перевозки в Западную Европу. На них возлагались большие надежды в осуществлении антисоветского переворота в городе. Монархистов привлекало к Вологде то, что здесь под надзором ЧК находились великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская, и они вынашивали замыслы их освобождения***.

Особое значение для противников большевиков имело то обстоятельство, что в Вологде располагались союзные посольства****, в которых они видели свою опору и которые действительно являлись центром антисоветских настроений и действий. Формально руководящей фигурой дипломатического корпуса был его дуайен — 66-летний американский посол Д. Фрэнсис. Крупный бизнесмен и консерватор в политике, он трудно ориентировался в быстро меняющейся российской действительности.

* Ж. Нуланс и Ф. Гренар в своих мемуарах отрицали наличие договоренностей о выступлении организации Савинкова и финансировании ее.

** Это не было секретом для большевиков. Например, 6 июня председатель Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта С. Н. Сулимов писал в ВВСР: «Вологда — главная база, квартира всех операций (скрытых и явных) наших бывших союзников. Вологда — центр, откуда исходят указания и инструкции нашим врагам. В Вологду стекаются группами и в одиночку «добровольцы» — активные противники Советской власти» (Директивы Командования фронтов Красной Армии. М., 1971. Т. 1. С. 214).

*** См. об этом, например, Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Берлин. 1928. Т. 4. С. 15—16.

**** 28 февраля — 1 марта в Вологду прибыла первая группа союзных миссий во главе с Д. Фрэнсисом, а 29 марта еще ряд посольств во главе с Ж. Нулансом, неудачно пытавшихся через Финляндию выехать на родину. Союзники по предложению премьера Франции Клемансо рассматривали вопрос о переброске сюда крупного отряда чехов для охраны посольств от большевиков.

сти и, как иронически заметил Р. Локкарт, «был не в состоянии отличить левого социалиста-революционера от картошки»²¹.

Истинным лидером дипломатического корпуса стал энергичный и предприимчивый, истово ненавидевший большевиков и страстный поборник союзной военной интервенции посол Франции Ж. Нуланс. Как свидетельствовал один из его сотрудников, прибыв в Вологду, он «сделался центром контрреволюции и создает великий план наступления против России»²².

Демонстративная самоизоляция и отказ поддерживать какие-либо контакты с правительством большевиков способствовали крайнему консерватизму политической атмосферы, в которой жили дипломаты в Вологде, и это соответствующим образом отражалось в их рекомендациях и оценках, направляемых своим правительствам. «Фантастические антибольшевистские слухи расцветали в Вологде еще лучше, пожалуй, чем в Лондоне или Париже, — вспоминал Локкарт. — Вологодские телеграммы стали в нашем кругу (дипломатов, работавших в Москве. — В. Г.) притчей во языцех»²³.

Дипломаты поддерживали тесные связи с представителями местных антисоветских организаций. Наиболее влиятельной из них была вологодская организация «Союза возрождения России» — по существу база и руководящий центр его северного отделения, со своей военной структурой, ядро и руководство которой составляли правые эсеры. Их лидер С. С. Маслов, бывший председатель губернского Совета крестьянских депутатов и член Учредительного Собрания, был одним из руководителей северного отделения СВР. В помощь ему из центра были направлены видные эмиссары «Союза» Я. Т. Дедусенко, А. В. Турба, В. И. Игнатьев. Посещали Вологду и члены ЦК правых эсеров М. А. Лихач и В. В. Руднев.

Наряду с правыми эсерами деятельное участие в антибольшевистской деятельности принимали и представители других партий — кадеты Б. В. Беккер, Н. М. Дружинин, П. Ю. Зубов, В. А. Кудрявый, народный социалист Покровский и др. Руководители заговора привлекали к сотрудничеству членов распускаемых большевиками старых органов местного самоуправления. В поисках массовой опоры они обращались также к имущим и средним слоям города и деревни, а с помощью правых эсеров стремились привлечь на свою сторону (и небезуспешно) часть рабочих. Финансовую поддержку заговорщикам оказывали влиятельные местные кооперативные организации, остро конфликтовавшие с большевиками, проводившими линию на огосударствление кооперации.

Особое значение летом 1918 г. приобрела военная подготовка выступления. Ее возглавляли правые эсеры Б. А. Мощенко и А. В. Турба. В начале июля СВР направил из Петрограда в Вологду в качестве военного руководителя генерала Кузьмина, но не поладив с пытавшейся действовать сепаратно военной организацией правых эсеров, он вскоре вернулся обратно, а на смену ему выехал член военного штаба СВР народный социалист В. И. Игнатьев.

Заговорщики вели работу по распропагандированию находившихся в Вологде и следовавших через нее воинских частей. Создавались запасы динамита, чтобы вывести из строя мосты, связывающие город с Москвой и Петроградом, и не допустить таким образом вывоза по железной дороге военных и иных грузов и переброски сюда советских частей. Предполагалось перерезать Мариинскую водную систему и овладеть эвакуировавшимися по ней из Петрограда военными грузами.

В ходе подготовки восстания руководители местных организаций СВР и правых эсеров наладили связи с офицерской организацией, возглавляемой полковником Куроченковым, которая была связана с Петроградом и имела свои ячейки в Череповце, Галиче, Чебсаре и ряде других населенных пунктов. В заговор были вовлечены и находившиеся в Вологде польские легионеры.

Восстание в Ярославле, которое прервало железнодорожное сообщение с Москвой и заставило руководство Вологодского губисполкома направить на его подавление наиболее надежные воинские части, создавало, казалось бы, самые благоприятные возможности для овладения Вологдой. Но руководители заговорщиков, не имея сведений о точных сроках высадки союзников в Архангельске и связывая свои планы именно с этой акцией, не торопились с выступлением, тем более, что их деятельность была крайне затруднена введением с 7 июля в Вологде и губернии осадного положения, сопровождавшегося массовыми обысками и арестами.

После подавления ярославского восстания чекисты раскрыли заговор польских легионеров в Вологде, в результате более 200 человек было арестовано и отправлено в Москву. Тем самым был разрушен один из важных элементов плана готовящегося восстания. Но подготовка к нему продолжалась, руководители антибольшевистских организаций исходили из обещания союзников достичь Вологды самое позднее через 10 дней после высадки в Архангельске. Восстание планировалось начать, когда войска интервентов будут в 100 верстах от города²⁴.

Поддерживая связи с дипломатами, вологодские заговорщи-

ки получали от них финансовую и иную помощь. Информация об этом доходила до руководителей Советов, но они находились в сложном положении и полный разрыв с послами не входил в их планы. В этой ситуации и разыгрались события, названные одним из московских журналистов той поры «московско-вологодским регбусом», а британским дипломатом Локкартом — «сатирической комедией».

10 июля нарком Чичерин направил телеграммы Фрэнсису и Нулансу, в которых предупреждал об опасности дальнейшего пребывания посольств в Вологде и настаивал на их переезде в Москву. В ответ Фрэнсис по поручению послов запросил Чичерина, как квалифицировать их дальнейшее пребывание в Вологде — «небезопасным или неуместным», а также о возможности введения немецких войск в Москву. 12 июля начались переговоры между прибывшим в Вологду уполномоченным НКВД К. Б. Радеком и главами союзных миссий, продолжался и обмен посланиями между Фрэнсисом и Чичериным. Несмотря на уговоры, послы отказывались покинуть Вологду. Нежелание ехать в Москву они объясняли резко возросшим там германским влиянием и реальностью введения в столицу после убийства Мирбаха немецких солдат. Но больше их страшило другое — опасение оказаться там в качестве заложников после союзной интервенции в Архангельск*. Однако и в Вологде оставаться было небезопасно. Нуланс, например, не исключал того, что в ожидании прихода союзных войск им придется отсиживаться в местном Кремле под охраной нескольких сот русских офицеров и польских легионеров, чтобы избежать ареста²⁵.

17 июля Радек покинул Вологду, введя ряд мер, жестко регламентирующих жизнь и деятельность дипломатов: устанавливались караулы у помещений посольств, резко ограничивался доступ в них русских граждан, ЧК поручалось организовать слежку за сотрудниками миссий и русскими, с которыми они поддерживали связи, запрещалась отправка шифрованной корреспонденции, прямая телеграфная связь с Архангельском и Мурманом. Фактически посольства были блокированы с целью заставить дипломатов покинуть Вологду.

В день отъезда Радека Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон, что дипломаты не уступили предъявленному ультиматуму.

* Это опасение было небезосновательным. В одном из секретных документов, направленном в Совнарком 12 июля, предлагалось: «Назначить местом пребывания дипломатическому корпусу гор. Москву, где, естественно, только и возможен контроль над деятельностью представителей корпуса, где они могут быть всегда оставлены заложниками на случай необходимости (расстрел товарищей в Кеми)». — ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 79, Д. 7. Л. 4.

А вечером в Вологду прибыл британский капитан Макграт и по поручению генерала Пуля уведомил послов о планируемой в ближайшее время интервенции в Архангельск, настаивая на их скорейшем отъезде туда, чтобы не быть захваченными в качестве заложников²⁶.

23 июля в ответ на новую телеграмму Чичерина, настаивавшего на их отъезде и утверждавшего, что «завтра может быть уже поздно», дипломаты заявили о своей готовности выехать в Архангельск. Они отправились туда ночью 25 июля и, прибыв, первоначально настаивали на своем размещении здесь, хотя и были заранее предупреждены о невозможности этого. Но после встреч с руководителями местных антисоветских организаций, уведомивших их о назначенном в ночь на 31 июля восстании, дипломаты поспешили покинуть Архангельск и на рассвете 29 июля отправились в Кандалакшу*. Им предстояло вернуться в Архангельск через неделю после оккупации города²⁷.

В сложившейся международной практике отъезд послов означал перерыв в дипломатических отношениях и прекращение состояния мира, за которым могло последовать и официальное объявление войны. Но оригинальность ситуации заключалась в том, что прерывать было нечего. Советское правительство не было признано союзными державами, и официальных отношений между ними не существовало, хотя и после отъезда послов в Москве оставались генеральные консулы и уполномоченные ведущих держав Антанты, а в Вологде — их доверенные лица и канцелярии посольств. Война правительству большевиков не была объявлена державами Антанты, но спустя несколько дней в связи с их интервенцией в Архангельск произошла резкая эскалация военных действий.

Летом 1918 г. центр главных событий в северном регионе страны постепенно перемещался в Архангельск. Как большевики, так и их противники уделяли ему все возрастающее внимание. Прибывшая 10 июня в Архангельск «Советская ревизия»** (под руководством видного большевика М. С. Кедрова) нашла положение здесь неудовлетворительным: городской Совет бездействовал, процветали старые органы и учреждения, а настоящим хозяином города оставалась, по ее мнению, городская Дума²⁸. Ситуация усугублялась острой борьбой между руководством губисполкома, где большинство имели большевики и левые эсе-

* На двух судах, выделенных миссиям, разместилось более 130 дипломатов и 70 англо-французских беженцев.

** «Советская ревизия» была учреждена постановлением СНК и ВЦИК от 18 мая 1918 г.

ры, и исполкомом городского Совета, который контролировали меньшевики и правые эсеры. Глубокий конфликт возник во взаимоотношениях между местными советскими органами, с одной стороны, и Чрезвычайной комиссией по разгрузке Архангельского порта (ЧКОРАП)*, с другой, по вопросу о вывозе грузов, в том числе военных, с архангельских складов. Местные власти склонялись к обмену по крайней мере части этих грузов на продовольствие, доставленное на двух английских кораблях в апреле, а ЧКОРАП форсировал вывоз этих грузов в центр.

«Советская ревизия» совместно с местными большевиками осуществила ряд мер, направленных на укрепление Советской власти: были проведены перевыборы городского Совета, руководство которым перешло к большевикам, упразднены городская Дума и городская управа, арестованы и отправлены в Москву группа членов Думы, исполком местной организации меньшевиков и ряд правых эсеров, проведено расследование деятельности ЧКОРАП, реорганизованной в Межведомственную комиссию по распределению и эвакуации имущества с задачей скорейшего вывоза грузов из Архангельска и др.

Особое внимание уделялось обороне города и губернии. 22 июня в связи с событиями на Мурмане М. С. Кедров издал приказ о введении военного положения в районе Архангельска и порта и приведении в боеготовность сухопутных и морских сил. До сведения союзных консулов в городе было доведено, что «прибытие иностранных военных судов, в особенности с вооруженными командами, в Архангельск будет рассматриваться как активизация военных действий и приведет к самым тяжелым последствиям. Спустя несколько дней II губернский съезд Советов объявил мобилизацию пяти возрастов в Красную армию²⁹. В последующие недели был осуществлен еще ряд оборонительных мероприятий. Но как показало время, все они оказались малоэффективны.

Первоначальные планы организации переворота в Архангельске и создания антибольшевистской Северной области формировались в Москве, Петрограде, и особенно в Вологде. По представлению вологодской организации «Союза возрождения» в его петроградском политическом центре обсуждались состав и характер деятельности будущего северного правительства**.

* Решение о создании ЧКОРАП было принято Совнаркомом 25 февраля 1918 г., а приступила она к работе в Архангельске в начале марта.

** Вопрос о формировании Архангельского правительства на основе программы СВР был обсужден с союзными дипломатами в Вологде и одобрен ими (АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3523. Л. 84).

Именно в Вологде были разработаны его десять первых декретов, да и костяк будущего правительства составили деятели СВР, работавшие там (С. С. Маслов, Я. Т. Дедусенко, П. Ю. Зубов). Они же убедили находившегося в Вологде проездом на Государственное совещание в Уфу одного из лидеров «Союза возрождения» народного социалиста Н. В. Чайковского* выехать в Архангельск для руководства восстанием и будущим правительством**³⁰.

Итак, одним из центров подготовки выступления в Архангельске стало северное отделение СВР, возглавляемое прибывшими сюда в первой декаде июля Н. В. Чайковским, С. С. Масловым и Я. Т. Дедусенко. Они опирались в первую очередь на оппозиционные большевикам социалистические группировки, и прежде всего на правых эсеров. С помощью последних предпринимались попытки привлечь к выступлению средние городские слои, отдельные группы рабочих (судоремонтников и железнодорожников), часть крестьян окрестных деревень.

Правые группировки и в первую очередь враждебно настроенных к Советской власти офицеров пытался сплотить под своим руководством Г. Е. Чаплин***. Еще в Петрограде он тесно сотрудничал с англичанами и по их поручению отбыл сначала в Вологду, а во второй половине июня — в Архангельск. Здесь

* Чайковский Николай Васильевич (1850—1926), из дворян, уроженец Вятки. Окончил Петербургский университет. В начале 70-х годов — один из руководителей системы народнических кружков («чайковцы»). Покинул Россию в 1874 г., более 30 лет жил за границей. Стоял у истоков партии эсеров, но затем отошел к трудовикам. Видный деятель российской кооперации, крупный масон. После Февральской революции — член исполкома Петросовета первого состава, один из организаторов Всероссийского съезда крестьянских депутатов и член избранного исполкома, член ЦК народных социалистов, участник Государственного и Демократического совещаний. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Член Петроградского «Комитета спасения родины и революции» и Учредительного Собрания, один из руководителей СВР. Глава правительства Северной области в течение всего периода ее существования. Участник Русского Политического совещания в Париже в 1919 г. В феврале—марте 1920 г. входил в состав правительства при генерале Деникине. Являлся членом различных антисоветских организаций в эмиграции. Умер в Лондоне 30 апреля 1926 г.

** От Великого Устюга вместе с Чайковским плыл в Архангельск еще один кандидат в министры, в прошлом секретарь премьеры Керенского, приват-доцент Петроградского университета правый эсер П. А. Сорокин. Но ему удалось добраться лишь до Усть-Пинеги, а затем он вынужден был вернуться обратно (Сорокин П. А. На лоне природы//Современные записки. 1923. Т. 15. С. 262—264).

*** Чаплин Георгий Михайлович (1886—1950), из дворян Тверской губернии, уроженец Петербурга. Окончил Морской корпус и Николаевскую Морскую академию. В годы мировой войны командовал эсминцем, служил в экипаже английской подводной лодки и в штабе Балтийского флота. В 1917 г.

он действовал как сотрудник британской военно-морской миссии капитан Томсон. Чаплин сохранял связи с петроградской организацией военврача В. П. Ковалевского, занимавшейся переброской офицеров в Архангельск*. Через одного из лидеров кадетов и руководителя местной организации «Национального центра», Н. А. Старцева, Чаплин наладил отношения с правыми кругами. Он оценивал численность людей в своих организациях сначала в 300, а в момент восстания — почти в 500 человек³¹.

Незадолго до переворота в Архангельск прибыл Беломорский конно-горский отряд** под командованием бывшего ротмистра А. А. Берса. Он был сформирован в Петрограде при содействии и на деньги французской военной миссии и направлен на Север под видом лояльной большевикам силы. В Архангельске Берс поддерживал тесные отношения с французским военным атташе полковником Дюнопом. Этому отряду суждено было сыграть важную роль в будущих событиях.

В июле продолжалась переброска антисоветских групп и отдельных лиц в Архангельск для участия в восстании. Преодолению существовавших запретов на въезд способствовало то обстоятельство, что «отделом пропусков в Архангельск и на Мурман» заведовал активный участник заговора В. Ф. Бидо.

4 июля в Архангельск на яхте «Сальватор» прибыл контр-адмирал Кемп. Его миссия преследовала в первую очередь цель изучения военно-политической ситуации в регионе. Он провел ряд встреч с местными советскими руководителями, уверяя, что союзники не собираются действовать против большевиков. В то

ему было присвоено звание капитана II ранга. После октября 1917 г. вел активную антисоветскую деятельность. Являлся одним из руководителей переворота в Архангельске и первым командующим войсками Северной области. В сентябре 1918 г. возглавлял антиправительственное выступление правых сил в Архангельске. В дальнейшем состоял на различных командных должностях на Севере. В 1919 г. ему присвоено звание капитана I ранга. С 1920 г. в эмиграции. Находился на британской военной службе в звании полковника. Участник высадки в Нормандии (июнь 1944 г.). Последняя должность — начальник военного училища в Англии. Умер в Лондоне.

* Согласно произведенной в июле регистрации, в Архангельске находилось 770 бывших офицеров. Но губисполкому удалось призвать на службу лишь около 180, причем, они, как правило, отказывались от командных должностей. Помимо организации Чаплина существовала и небольшая офицерская монархическая организация «Белый крест» во главе с бывшими полковниками Мурузи и Бараевым (ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 55. Л. 99; ГАРФ. Ф. 3694. Оп. 1 Д. 93. Л. 68).

** Нередко эта воинская часть именуется полком, хотя в ней было лишь несколько десятков человек. Второй эшелон этого отряда не успел прибыть к началу восстания и был арестован в Вологде.

же время он встречался с Г. Е. Чаплиным, Н. В. Чайковским и рядом других руководителей антисоветского заговора. Чайковский настаивал на направлении в Архангельск не менее корпуса союзных войск. Но британский адмирал, заверив их в своей готовности содействовать заговорщикам, заявил, что союзных войск на Мурмане мало и на первое время им следует рассчитывать прежде всего на собственные силы. В ходе встреч обсуждались конкретные вопросы взаимодействия и организаций будущей власти³². Миссия контр-адмирала Кемпа была прервана получением известий о расправе над Кемским Советом. 12 июля он покинул Архангельск. Главный вывод, который он вынес из своей поездки, — необходимость тщательной подготовки военной операции по овладению городом. Три недели спустя он появился в Архангельске во главе союзной эскадры.

В ходе подготовки операции особое значение придавалось разведывательной деятельности. Суда и группы лазутчиков пытались обследовать беломорское побережье у Архангельска для подготовки сухопутной части операции по взятию города*. В Архангельском районе энергично работали британские разведчики капитан Макграт и Харрисон, свою разведывательную сеть имел французский военный атташе полковник Доноп. Особые усилия прилагались для получения сведений о ведущихся оборонительных работах, минных заграждениях в устье Северной Двины и др. Вся информация, полученная самостоятельно или при помощи антибольшевистских организаций, стекалась в Мурманск.

Важную роль в планах организации антисоветского переворота и союзной интервенции в Архангельск должно было сыграть привлечение на сторону заговорщиков бывших офицеров, руководивших обороной города. И эти замыслы вполне удались. В той или иной мере к заговору примкнули командующий всеми сухопутными и морскими силами Архангельского района бывший полковник Потапов, командующий флотилией бывший контр-адмирал Викорст, многие сотрудники их штабов, что и предопределило в значительной степени срыв оборонительных мероприятий. 23 июля был расстрелян за сотрудничество с интервентами командир формируемого Архангелогородского полка бывший капитан И. И. Иванов.

Численность советских отрядов** в Архангельске значитель-

* Ряд таких групп был обезврежен и отправлен в Москву.

** Начальник штаба Беломорского военного округа А. А. Самойло доносил в Москву 19 июля, что в формируемой в Архангельске дивизии имеется 1072 человека. (ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 107. Л. 135). Было мобилизовано и вооружено около 400 коммунистов и до 400 рабочих. Из 1000 военных моряков 300 выступили на стороне большевиков. Имелся и отряд латышей —

но превосходила силы заговорщиков. Поэтому последние прибегли к тактике «распыления»; то есть выводу из города и отправки советских частей в различные районы губернии, а также к их распространению и добились в этом немалых успехов. Выводу войск немало способствовали участники заговора, работавшие в красных штабах, особо отмечались, например, заслуги Н. Э. Викорста³³. Наряду с этим в разных районах губернии провоцировались антисоветские выступления и для подавления их направлялись отряды из Архангельска.

Поводом для крестьянских выступлений, как правило, служила объявленная мобилизация в армию. Проводимая в разгар полевых работ и не подкрепляемая обычно сколько-нибудь убедительной агитацией, она вызывала широкое недовольство крестьян. Наиболее крупным стало Шенкурское восстание, вспыхнувшее 21 июля. Его возглавили избранный на собрании мобилизованных 11 волостей так называемый «Комитет мобилизованных» и Военный комитет. Фактическим руководителем восстания стал М. Н. Ракитин, бывший прапорщик, учитель по профессии. В Шенкурск прибыли лидер архангельских правых эсеров А. А. Иванов и 12 офицеров, направленных Чаплиным. После 4-дневной осады сдался небольшой шенкурский гарнизон и советский актив города. И лишь после прибытия из Архангельска «железного отряда» П. Виноградова мятежники покинули Шенкурск. Аналогичные, хотя и значительно меньших масштабов выступления происходили в это время в Онеге, Емецке, Пийеге, куда также направлялись отряды из Архангельска³⁴.

Следует подчеркнуть, что крестьянские выступления являлись протестом не только против мобилизации, но и против дальнейшего ухудшения социально-экономического положения деревни и чрезвычайных мер властей. Прекращение вывоза товаров за границу и нарушение внутриэкономических связей вели к свертыванию крестьянских промыслов, которые обычно давали основную долю доходов крестьянских хозяйств в Архангельской губернии*. Резко сократился подвоз хлеба из других районов страны и поставки промтоваров. Широкие слои деревни выражали недовольство продовольственными изъятиями и административно-принудительной политикой Советов в отношении кооперации, а также насаждением комбедов:

100—150 человек (Вологодский областной архив новейшей политической истории: Ф. 1853; Оп. 2. Д. 9; Л. 14; Государственный архив Мурманской области: Ф. 2393; Оп. 2. Д. 16; Л. 77).

* В 1910—1913 гг. сельскохозяйственный доход составлял 36,4% от совокупного дохода крестьянской семьи, остальное приходилось на долю промыслов, охоты и рыболовства. (Вестник Архангельской кооперации, 1922, № 3. С. 5).

В целом настроения большей части северной деревни летом 1918 г. были не в пользу Советской власти. Среди крестьян, в том числе мобилизуемых в армию, были сильны надежды на получение продовольственной помощи союзников, и в силу этого они также не хотели воевать с ними: В результате мобилизация была сорвана. «Настроения мобилизованных враждебное мобилизации... на местное население нельзя рассчитывать», — телеграфировали в Москву 29 июля председатель губисполкома С. К. Попов и военный руководитель Беломорского военного округа Ф. Е. Огородников. И тот и другой настаивали на срочной присылке подкреплений из центра³⁵.

В конце июля подготовка антисоветского переворота в Архангельске вступила в решающую стадию. Состоялись переговоры представителей основных антибольшевистских организаций, в ходе которых обсуждались вопросы координации их действий по осуществлению восстания, его плана и тактики, состава будущего правительства. Обстановка в городе была тревожная, начались массовые обыски и аресты, необходимо было форсировать события. Руководители восстания прекрасно понимали, что если и удастся овладеть городом, то они смогут удержать его лишь несколько дней. Все надежды возлагались на скорое прибытие союзного десанта.

Заговорщики уведомили о своих планах союзных послов, которые, прибыв в первой половине дня 30 июля в Кандалакшу, срочно телеграфировали в Мурманск генералу Пулю о том, что восстание в Архангельске назначено на 3 часа утра 31 июля и союзники должны быть там не позже, чем через 48 часов после падения большевистского режима в городе. В противном, случае, утверждали дипломаты, последствия будут «катастрофическими» для восставших³⁶.

В июле 1918 г. были завершены последние приготовления к осуществлению военной интервенции в Архангельск. Принципиальное значение имело согласие американской стороны на участие в союзной экспедиции на Север. 17 июля президентом США В. Вильсоном был подготовлен амбициозный и противоречивый меморандум, который за подписью госсекретаря был направлен союзным послам. Американский президент, отвергая в принципе политику интервенции, вместе с тем согласился направить в Мурманск или Архангельск (а также во Владивосток) небольшое количество войск для защиты союзных военных складов* и помощи русским в организации своих воору-

* К этому времени архангельские склады были в основном вывезены в глубь страны и охранять было уже нечего.

жённых сил на Севере. При этом оговаривалось, что в случае попытки использовать американские войска в иных целях правительство США будет считать себя вынужденным отозвать их³⁷. Увы, исторические реалии оказались весьма далеки от этого заявления.

22 июля начальник штаба армии США генерал Марч телеграфировал командующему американскими войсками в Европе генералу Першингу о решении президента участвовать в мурманской экспедиции и направлении туда трех пехотных батальонов и трех инженерных отрядов. 30 июля генерал Першинг издал приказ о направлении в Северную Россию 339-го пехотного полка, батальона 310-го инженерного полка, полевого госпиталя и санитарного отряда³⁸.

Особое значение имело направление в Мурманск в июле союзных подкреплений, военной техники и снаряжения. 26 июля прибыл батальон 21-го французского колониального полка в составе 22 офицеров и 849 военнослужащих других чинов³⁹. Именно он и составил ядро экспедиции Антанты в Архангельск.

30 июля генерал Пуль, получив информацию послов о готовящемся восстании в Архангельске, отдал приказ о срочном выходе туда эскадры с войсками. Первый отряд кораблей в составе французского тяжелого крейсера «Адмирал Об», английского легкого крейсера «Аттендив», авианосца «Найрана» под флагом контр-адмирала Кемпа, 6 военных тральщиков, 2 канонерок и яхты. «Сальватор» со штабом генерала Пуля на борту покинул Мурманск вечером 30 июля. Численность войск на этих судах составила около 600 человек. Утром 31 июля в Архангельск направился еще один отряд кораблей* в составе 4 транспортов с войсками, 4 военных тральщиков и миноносца. В общей сложности на борту судов союзной эскадры имелось примерно 1400—1500 военнослужащих⁴⁰.

Замысел командования экспедиции заключался не только в том, чтобы овладеть Архангельском, но и захватить г. Онегу и, наступая далее на станцию Обозерскую, расположенную на Московской железной дороге, отрезать и уничтожить советские войска, находящиеся в архангельском районе, создав тем самым благоприятные условия для стремительного продвижения союзных эшелонов на Вологду.

Руководил онежской операцией начальник разведотдела экспедиции полковник Торнхилл. 31 июля его отряд в количестве 90 человек на пароходе «Михаил Архангел», принадлежащем

* На судах союзной эскадры в Архангельск направились Юрьев, Звигинцев и Брамсон для помощи и консультаций в организации там новой власти.

Соловецкому монастырю; подошел к Онеге и внезапным ударом овладел ею. Далее отряд двинулся через Чекуево на Обозерское, но был задержан красноармейцами и после боев вынужден был отступить к Онеге⁴¹.

1 августа после нелегкого рейда через штормовое море сквозь густой туман крейсер «Аттентив» и авианосец «Найранз» подошли к острову Мудьюг, две тяжелые батареи которого прикрывали вход в устье Северной Двины. Генерал Пуль-вельма опасался за исход этого сражения, но все закончилось благополучно. Правда, в ходе артиллерийской дуэли с береговыми батареями «Аттентив» получил повреждение. Но самолеты с «Найраны» нанесли бомбовый удар по защитникам острова, что имело большой психологический эффект и предопределило исход сражения. Десантники, высаженные с кораблей, овладели островом, а его защитники отступили на материк. Потери союзников составили 2 легкораненых французских солдата. Путь к Архангельску был открыт*.

В ночь на 2 августа караван советских судов с имуществом и учреждениями покинул Архангельск и направился вверх по Двине, а большая часть войск переправлена на левый берег реки. В этих условиях ночью с 1 на 2 августа и произошел антисоветский мятеж. Его участники (общее число 500—600 человек) были разделены на три главные группы. Наиболее сильная была отправлена в Соломбалу для захвата судов военной флотилии и порта. Вторая должна была овладеть главными административными зданиями; почтой, телеграфом, тюрьмой. Третья группа должна была занять Исакогорку, Бакарицу и разрушить железнодорожное полотно, чтобы не допустить эвакуации подвижного состава. Намеченный план был успешно осуществлен.

Отряд Берса захватил штаб советских войск во главе с командующим Н. Д. Потаповым. Впрочем, Чаплин писал впоследствии, что «штаб красных войск в лице как Потапова, так и доблестного князя Мурузи, делал все возможное, чтобы сопротивление оказано не было»⁴². Действительно, имели место лишь эпизодические попытки оказать сопротивление, и прежде всего со стороны военных моряков. Но они оказались безуспешны. К утру 2 августа Архангельск оказался в руках антибольше-

* Успешной проводке эскадры была во многом обязана председателю архангельского общества лоцманов С. И. Бутакову, который был направлен в Мурманск руководителями заговора. Впоследствии служил у белых. В 1927 г. был арестован во Владивостоке, судим в Архангельске и расстрелян.

вистских сил, а вечером союзные корабли, успешно преодолев заграждения, высадили войска интервентов в городе.

Казалось бы создавались благоприятные условия для укрепления победного альянса союзников и сил антибольшевистской оппозиции и их успешного продвижения на Волотду и Котлас для соединения с чехословаками. Но еще до начала реализации этих планов были очевидны их изъяны. Неизбежно было обострение военной конфронтации с большевиками, а архангельская экспедиция насчитывала всего около 11500 человек, хотя по расчетам специалистов британского генштаба должна была иметь не менее 50 тыс. Мурманский опыт показал эфемерность надежд на быстрое создание русской армии. Наконец предшествующие страницы антибольшевистской борьбы выявили различие интересов участвующих в ней политических группировок, что неизбежно должно было проявиться и в Архангельске, так же как и обнаружившиеся уже на Мурмане серьезные противоречия между интервентами и местным руководством. Победителей ждали нелегкие испытания.

ГЛАВА 3

«ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАНИЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ВЕРХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ У ВЛАСТИ

Днем 2 августа на заседании группы активных участников антисоветского переворота в Архангельске, тесно связанных с «Союзом возрождения России», было учреждено Верховное управление Северной области (ВУСО)*. Его председателем был избран Н. В. Чайковский. В состав правительства вошли эсеры, члены Учредительного Собрания С. С. Маслов, М. А. Лихач, Я. Т. Дедусенко, Г. А. Мартюшин, А. И. Гуковский и А. А. Иванов. В ВУСО вошли также кадеты П. Ю. Зубов, бывший товарищ городского головы Вологды, и Н. А. Старцев, бывший заместитель председателя городской думы Архангельска. А в связи с назначением последнего правительственным комиссаром Архангельской губернии состав Верховного управления был дополнен председателем Архангельской городской продовольственной управы Н. И. Филимоновым¹.

Члены учрежденной высшей администрации, стремясь обосновать легитимность своей власти, в воззвании «К гражданам Архангельска и Архангельской губернии» указывали, что Верховное управление составлено из «избранных всеобщим голосованием представителей народа» — членов Учредительного Собрания и представителей земств и городов Северной области, которые «вынуждены в настоящий переходный период при отсутствии законной всероссийской власти принять на себя Верховную власть в Северном крае»².

Но аргументы социалистов-«верховников» были подвергнуты сомнению и критике справа. Когда Н. В. Чайковский на первом заседании ВУСО сучастием Г. Е. Чаплина, назначенного командующим войсками Северной области, и Н. А. Старцева заявил, что, согласно «конституции», членами создаваемых правительств могут быть только члены Учредительного Собрания,

* Ядро Северной области должны были составить Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская и Новгородская губернии; иногда в документах ВУСО назывались также Ярославская и Костромская губернии (ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

а названные лица могут быть не «законными», а только «кооперированными» членами*, Чаплин выступил с резким протестом. Он указал, что с несуществующей «конституцией» считаться не намерен, идею Учредительного Собрания в нормальных условиях ставит высоко, но не считает авторитетным звание члена «учредилочки», «избранной в период смуты, под явным давлением большевиков, члены которой разбежались по первому окрику большевика-матроса». В ответ на заявление Чайковского о возможном скором приезде в Архангельск Керенского Чаплин предупредил, что отдаст бывшего премьера под суд как дезертира с фронта. Оценивая происшедший конфликт, Чаплин писал впоследствии, что «с первого же совместного заседания взаимное доверие было утрачено»³.

Программа действий, цели и задачи Верховного управления были изложены в трех главных документах, датированных 2 августа: воззвании «К гражданам Архангельска и Архангельской губернии», обращении «Всем, всем, всем» и в его первых десяти постановлениях, начинавшихся возвышенными словами «Во имя спасения Родины и завоеваний Революции».

Свои главные задачи Верховное управление определяло следующим образом: воссоздание совместно с другими областями единой всероссийской государственной власти, восстановление Учредительного Собрания, земств и городских дум, установление прочного правопорядка, удовлетворение основных нужд населения, обеспечение прав трудящихся на землю, охрана интересов труда, устранение голода, оборона области и всей страны при помощи союзных правительств от посягательств на ее территорию и национальную независимость со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран.

В первых постановлениях Верховного управления центральное место уделялось проблеме ликвидации старой и организации новой власти. Советы упразднялись, а члены и комиссары их губернских и уездных исполкомов подлежали аресту. Вопрос об аресте членов и комиссаров волостных Советов отдавался на усмотрение новых местных властей. Срочно учреждались специальные следственные комиссии. ВУСО назначало своими представителями в губерниях и уездах правительственных комиссаров. На них возлагалась ответственность за осуществление на местах постановлений Верховного управления, созыв восстанавливаемых или вновь учреждаемых органов власти и наблюдение за их действиями. В распоряжение правительствен-

* Чайковский, делая это заявление, опирался на решения СВР об Учредительном Собрании как источнике и высшем органе власти в стране.

-ных комиссаров. Передавались органы милиции; они назначали их начальников. В губерниях и уездах учреждались правительственные комитеты в составе правительственных комиссаров и по одному представителю от земского и городского самоуправления. Восстанавливались городские и земские управы старого состава.

Восстанавливались действия старых общих и местных судебных установлений. Мировые судьи, члены старых окружных судов и представители прокурорского надзора призывались правительством к исполнению своих обязанностей. ВУСО провозглашало восстановление свободы совести, слова, печати, собраний и союзов, извещая, что им будут изданы специальные правила «по сему предмету».

Специальным постановлением Верховного управления осуждалась проводимая Советами политика национализации промышленных, транспортных и кредитных предприятий и учреждались специальные комиссии при правительственных комитетах «для восстановления производительности и работоспособности» таких предприятий и «согласования в этом деле интересов государства с нарушенными законными интересами прежних владельцев, признаваемыми большинством населения. Продовольственное дело передавалось в руки органов местного самоуправления и кооперативных организаций»⁴.

Изложенная программа страдала декларативностью и нуждалась в последующих уточнениях и конкретизации. Но, как ни парадоксально, указанный недостаток должен был стать и известным достоинством, ибо демократические обещания и заверения призваны были способствовать поддержке правительства со стороны широких слоев населения. Н. В. Чайковский в письме в Париж подчеркивал, что вся программа действий Верховного управления направлена «на восстановление демократического порядка 1917 года»⁵. В то же время такая целевая установка правительства встречала растущее неприятие справа, и прежде всего со стороны монархически настроенной части офицерства, подозревавшего, что ВУСО станет вторым изданием провалившейся «керенщины». Однако главные столкновения были впереди, а пока члены Верховного управления, рассматривая себя не только как правительственный, но и как представительный орган с законодательными функциями наделись при помощи союзников сыграть весомую роль в российском антибольшевистском движении.

Провозгласив себя Верховным управлением, его члены стремились тем самым подчеркнуть приоритет своей власти в отношении союзников. «Для того, чтобы этот десант не принял ха-

рактера военной оккупации, не вылился в форму захвата окраин, мы решили попытаться создать на Севере государственную власть, чтобы заставить союзников считаться с этой властью», — утверждал несколько лет спустя один из членов ВУСО М. А. Лихач⁶. Чайковский и его коллеги за столом с зеленым сукном всерьез намеревались вершить историю, но, увы, реальная сила находилась в руках союзников. А отношения их командования с Верховным управлением с первых дней стали складываться крайне сложно.

2 августа новорожденное архангельское правительство направило (как это и оговаривалось заранее) союзникам приглашение высадить свои войска в городе. Это придавало видимость законности действиям держав Антанты на Севере, ибо нельзя было всерьез объяснять интервенцию в Архангельск германской угрозой. Но когда 4 августа Н. В. Чайковский при посещении генерала Пуля поднял вопрос о необходимости оформить отношения союзников и ВУСО каким-либо договорным актом, тот резко отклонил это предложение, заявив, что «он не желал бы повторения своего опыта на Мурмане и сюда он пришел не для того, чтобы заключать договоры»⁷.

На следующий день правительство поручило своему отделу иностранных дел «приступить безотлагательно» к заключению особого письменного договора между ВУСО и представителями правительств Великобритании, США и Франции. Но вскоре надежда заключить такой договор была окончательно утрачена, членам Верховного управления пришлось удовлетвориться заявлениями представителей союзников об отсутствии у них захватных намерений, и все свои усилия направить на урегулирование многочисленных недоразумений и конфликтов во взаимоотношениях с союзным командованием.

Генерал Пуль взял в свои руки руководство ключевыми сферами жизни Северной области и, верный своей колониальной выучке, вел себя весьма бесцеремонно в отношении Верховного управления, мало считаясь с ним и его членами. Смысл политических разногласий сводился к тому, что британский генерал и его окружение ориентировались на правые круги, реакционное офицерство, не доверяя социалистам из Верховного управления Северной области. Не случайно поэтому, что в центре их первого крупного конфликта встал вопрос о флагах.

ВУСО, провозглашая проведение в жизнь принципов народоправства и считая себя в этом отношении преемником Российского Временного правительства, высказалось за поднятие на гражданских учреждениях двух флагов — национального трехцветного и красного. Правительство считало, что такое сое-

динение будет символизировать единство двух ключевых идей, провозглашенных им в своих первых постановлениях, — «спасение Родины и завоеваний Революции»*. Но союзное командование добилось выполнения своего предписания: «кроме военного Андреевского и национального другие флаги не поднимать»⁸.

Другой конфликтной ситуацией стало назначение генералом Пулем военного атташе Франции полковника Донопа военным губернатором Архангельска. Попытки Верховного управления опротестовать это назначение как проведенное без согласования с ним и серьезно ограничивающее его полномочия оказались безрезультатны. ВУСО декларировало свободу слова, собраний и союзов, но генерал Пуль, ссылаясь на военное положение, запретил «всякие собрания, митинги и прочие сборища, как на улице, так и в общественных местах и в частных квартирах». Созыв собраний профсоюзов обставлялся условиями, при которых получить разрешение было весьма непросто, а нарушения «правил» грозили военно-полевым судом.

Уже 6 августа Чайковский на заседании правительства вынужден был признать, что создается щекотливое положение, так как со стороны союзников «наблюдается тенденция рассматривать Верховное управление как власть хозяйственную, муниципальную — политической власти Верховного управления они как будто не признают»⁹.

Проблеск надежды на нормализацию отношений с союзным командованием появился у членов правительства в связи с прибытием 9 августа в Архангельск союзных послов. В приветственной речи члена ВУСО П. Ю. Зубова при встрече высоких гостей выражалась надежда, что союзники «сочтут укрепление нашей законной власти необходимым условием успеха союзного дела в России»¹⁰. В тот же день при обсуждении на заседании правительства отношений с союзниками Чайковский заявил, что в случае «продолжения политики как бы игнорирования власти Верховного управления остается один выход — оставить Архангельск, объявить опыт создать государственную власть хотя бы в областном масштабе, неудавшимся, сделать попытку опереться на население в другом месте — на Урале, в Сибири и там попытаться создать общегосударственную власть»¹¹.

На переговорах Н. В. Чайковского с послами был обсуж-

* Чайковский, отвечая в эмиграции на обвинения Чаплина о якобы социалистическом характере деятельности ВУСО, писал: «За все время работы оно не провело ни одной социалистической меры, если не считать принятие с Чаплиным соединенного красного с национальным флагом за серьезную меру, на которой, кстати, мы и не настаивали и не опубликовали ее раз генерал Пуль выступал против нее» (ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 132. Л. 5).

ден широкий круг вопросов от легитимности ВУСО и его признания союзниками до отношений с британским командованием и финансовой помощи Северу. По предложению Ф. Линдлея, в качестве посредника между правительством и союзниками было решено учредить союзнический совет, введя в его состав представителей обеих сторон*.

Союзные представители уделяли большое внимание обоснованию своего пребывания на Русском Севере. В публиковавшихся в архангельской прессе обращениях главнокомандующего, дипломатического корпуса и британского правительства утверждалось, что союзники пришли помочь русским в борьбе с немцами, стремятся возродить Россию, защитить свободы ее населения. Но подобными заявлениями трудно было скрыть истинные интересы правительств стран Антанты — возродить Восточный фронт, вновь втянув русский народ в мировую войну, а также повлиять на развитие событий внутри России в выгодном для себя направлении, защитить свои политические и экономические интересы.

14 августа в социалистической газета «Возрождение Севера» (в которой сотрудничали члены ВУСО) была опубликована статья «Размышления (По поводу одного воззвания)» за подписью «Свободный гражданин». Перефразируя строки из обращения генерала Пуля, автор писал: «Мы пришли, мы вам устроим железную дорогу, наладим продовольствие, везде посадим своих чиновников штатских и военных, а потом, когда будет все устроено, как нам покажется правильным, вы, если захотите, выбирайте себе ту форму правления, которую вам будет угодно выбрать... Но ведь это колониальная политика, — подчеркивалось в статье, — с той лишь разницей, что африканцам не говорят о возможности выбрать себе форму правления». Эта статья вызвала крайнее неудовольствие генерала Пуля, разбирательство союзной контразведки и очередной конфликт.

А тем временем на просторах Русского Севера разгорались военные сражения. Захват Архангельска вскружил голову интервентам. Союзное командование считало, что большевики не способны к сопротивлению. Генерал Пуль рассчитывал в самое ближайшее время овладеть Вологдой и продолжить движение на Москву, к 20 сентября захватить Котлас, а затем ударить по Вятке. Он полагал, что ненавидящие большевиков северяне тысячами повалят к нему на службу. С этой целью большими тиражами печатались и распространялись его обращения «К на-

* 22 августа была создана межсоюзная канцелярия в составе ответственных сотрудников союзных миссий, которые немедленно вступили в контакт с Чайковским (Вестник ВУСО. 1918. 23, 24 августа).

селению России», «К русским людям», «Немцы или союзники» и др.¹²

Надежды военных разделяли и дипломаты. Особенно активен в отстаивании масштабных интервенционистских планов был Д. Фрэнсис. Он убеждал Вашингтон, что «успех большевизма в России будет представлять угрозу всем законным правительствам, не исключая и нашего», и считал необходимым направить на Север для борьбы с немцами и большевиками не менее 25 тыс. солдат, снабженных и обученных для зимней кампании. Они должны были привлечь 100 тыс., а возможно и больше русских. Фрэнсис считал, что союзники смогут захватить Москву в течение одного или двух месяцев¹³.

10 августа британское военное министерство направило генералу Пулю новые инструкции. В основе их фактически лежали предложения самого Ф. Пуля, присланные в Лондон еще в конце июня. Ему было приказано соединиться с чехами и с их помощью обеспечить контроль над железнодорожной магистралью Архангельск—Вологда—Екатеринбург и водными путями между Вяткой и Архангельском. В случае невозможности соединения с чехословаками ему предписывалось сосредоточить усилия на мобилизации русских войск и организации обороны Архангельска. Генерал был предупрежден, что ему не будет направлено новых подкреплений, кроме 5,5 тыс. американцев, уже находящихся на пути в Архангельск¹⁴.

Ф. Пуль срочно отправил послание чехам с призывом двигаться ему навстречу и овладеть Пермью и Вяткой*. Непосредственное руководство наступлением своих войск на двух главных направлениях (железнодорожном и северо-двинском) он возложил на своего начальника штаба генерала Финлейсона. В течение месяца союзная экспедиция, ядро которой составлял французский батальон, вела упорные бои за станцию Обозерская (примерно в 130 км от Архангельска) и сумела овладеть ею в начале сентября прежде всего благодаря восстанию распространяемого противниками большевиков 3-го Петроградского полка. До Вологды оставалось еще около 500 км, и шансы овладеть ею были весьма проблематичны, тем более, что местные чекисты разгромили антисоветское подполье: след за польскими legionерами были произведены массовые аресты членов офицерской организации, боевой организации правых эсеров и СВР. В течение августа по обвинению в подготовке вос-

* 5 августа премьер Франции Ж. Клемансо направил в Сибирь французскому генералу Жанену директиву об использовании чехословаков в интервенции Антанты, установлении ими связи с союзными базами в Северной России и с просоюзническими группировками в Южной России.

стания и контрреволюционной деятельности в Вологде было задержано более 2 тыс. человек¹⁵.

Другая союзная экспедиция первоначально в составе около 400 англичан, французов, поляков и русских, была направлена в начале августа вверх по Северной Двине. Ей удалось продвинуться, не встречая сопротивления, несколько южнее Двинского Березника. Но с 10 августа здесь развернулись упорные бои на реке и на суше. В одном из них был тяжело ранен командир экспедиции французский майор Ринкю и его заменил британский полковник Джосселин. 23—28 августа советские войска нанесли здесь контрудар, овладев рядом населенных пунктов, и генерал Пуль вынужден был полностью направить сюда первое прибывшее из Англии подкрепление — батальон шотландских стрелков (1100 человек). По состоянию здоровья они были предназначены лишь для несения гарнизонной службы, но у британского главнокомандующего не оставалось иного выхода, кроме как направить их в самое пекло боев¹⁶.

Для воссоздания общей картины положения на фронте добавим, что в конце августа советские войска разгромили колонну под командованием британского подполковника Хасельдона, созданную для взаимодействия железнодорожной и северодвинской экспедиций и наступавшей из района Селецкого на Обозерскую. Таким образом, в течение первого месяца боевых действий союзным войскам не удавалось приблизиться к решению тех задач, которые ставило перед ними командование. Сопротивление им нарастало и приобрело организованный и целенаправленный характер.

В официальных кругах и печати стран Антанты в августе 1918 г. активно обсуждалась тема германской угрозы Северу России, и более того — в военных сводках с Севера сообщалось о боях союзников с большевиками и немцами. В действительности последние не участвовали в боевых действиях здесь, хотя вероятность такого столкновения в августе 1918 г. была весьма высока.

Интервенция Антанты в Архангельске вызвала крайнюю обеспокоенность Советского правительства. Его члены полагали, что союзники немедленно двинутся в эшелонах на юг и через несколько дней займут Вологду, а недели через две — Москву. Наряду с мерами по организации обороны и эвакуации северных районов на заседании Совнаркома было решено обратиться за помощью к немцам. Г. В. Чичерин посетил германского посла в Москве К. Гельфериха и предложил безотлагательно начать военные действия германских войск против союзников на Севере, о чем посол срочно телеграфировал в Берлин.

Объясняя действия правительства, Ленин писал 3 августа полпреду в Германии Иоффе: «Мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России»¹⁷.

Столь долгожданное предложение из Москвы вызвало оживленный обмен мнениями в германском руководстве. Генерал Людендорф, считая падение большевиков неминуемым, информировал 5 августа статс-секретаря по иностранным делам Гинце, что у него достаточно войск на востоке, чтобы изгнать англичан и в то же время свергнуть большевиков. Но его предложение не нашло поддержки у Гинце. 6 августа тот аргументированно изложил позицию МИД в русском вопросе, утверждая, что у Германии нет оснований желать падения и тем более свергать большевистское правительство, с которым подписан выгодный договор. Любое другое правительство, по мнению Гинце, немедленно или через короткий срок стало бы другом и союзником Антанты. Его точка зрения была поддержана кайзером и канцлером Германии¹⁸.

Между советской и германской стороной начался обмен мнениями о том, где и каким образом немецкие войска начнут военные операции против союзников на Севере. Обсуждались варианты переброски войск Германии, минуя Петроград и Петрозаводск, на Мурман и возможно через Вологду на Архангельский фронт. Но германское командование, разрабатывая операцию против войск Антанты под кодовым названием «Шлюсштайн» (Ключевой камень), стремилось, вопреки договоренностям с советской стороной, прежде всего к захвату Петрограда. 8 августа генерал фон дер Гольц получил приказ подготовить Балтийскую дивизию в Финляндии к переброске вдоль южного берега Ладожского озера на Мурманскую железную дорогу. В середине августа немецкое командование потребовало от руководства Финляндии, чтобы ее армия была готова через две недели начать боевые действия против англичан на мурманском побережье¹⁹.

27 августа в Берлине было подписано советско-германское финансовое соглашение, обрекавшее Россию на выплату контрибуции в 6 млрд. марок, к тому же Советское правительство обязывалось «для соблюдения своего нейтралитета» удалить войска Антанты со своих северных территорий — это условия так называемого «добавочного договора». В секретном приложении к нему говорилось, что если Россия не сможет решить эту задачу, то такие действия предпримет Германия с привлечением в случае необходимости финских войск. После изгнания во-

ённых сил держав Согласия и заключения всеобщего мира германские и финские войска должны были быть выведены из занятых русских областей.

Германские обязательства вызвали неудовольствие финской стороны, которая предприняла дипломатический демарш. Но немецкие дипломаты разъяснили, что этот пункт договора не мешает Финляндии вести агитацию и пропаганду в пользу присоединения Восточной Карелии, а после удаления войск Антанты с Севера заставить русское правительство пойти на территориальные уступки. Германия обещала поддержать финские требования на переговорах с Россией²⁰.

Таким образом, Германия, отстаивая собственные интересы, вела двойную игру: с Советской Россией и с Финляндией. Санкционирование большевистским правительством германской «интервенции по приглашению» на Русский Север грозило его населению, да и всей России опасными и труднопредсказуемыми последствиями.

Но поражения, которые потерпела Германия в августе на Западном фронте, заставили ее командование перенести начало операции «Шлюсштайн» с 24 августа на сентябрь, а 27 сентября оно приняло решение о прекращении подготовки к проведению этой операции²¹. В результате германская «интервенция по приглашению» не состоялась, и население Северной России было спасено от тяжких последствий побоища двух военных коалиций на его территории.

Но вернемся в Архангельск августа 1918 г., где Верховное управление Северной области приступило к реализации декларированной им программы. В различных слоях населения, политических и общественных организациях развернулась дискуссия об отношении к правительству и его политике, о первоочередных мерах выхода из кризиса. Члены ВУСО, активно выступая в различных аудиториях, призывали к сплоченности, классовому примирению и совместной борьбе с большевиками во имя истинного народовластия.

Наряду с военными и общеполитическими вопросами важное место занимала проблема оздоровления экономической ситуации. Начался процесс ликвидации советских органов экономического управления, денационализации торговых, промышленных и финансовых предприятий и учреждений, морского и речного флота. От провозглашенной 2 августа туманной и вызвавшей дискуссию формулы «согласования в этом деле интересов государства с нарушенными законными интересами прежних владельцев, признаваемыми большинством населения», прави-

тельство последовательно двигалось к «обеспечению законных прав прежних владельцев».

Особое значение придавалось восстановлению системы финансов и денежного обращения, так как большевики увезли с собой все денежные средства из Казначейства. Была возобновлена деятельность основных финансовых учреждений, и, в том числе частных банков, приняты решения о заимствовании денежных средств у кооперативных организаций (до 3 млн. руб.), штемпелевании «моржовок» (чеков Архангельского отделения Госбанка, выпущенных в 1918 г.) и о выпуске «Займа доверия» — краткосрочных обязательств на сумму 10 млн. руб. из расчета 5% годовых на предъявителя²².

Подробное обсуждение финансово-экономической ситуации в крае и мер выхода из кризиса состоялось 7 августа на общем собрании Архангельского губернского торгово-промышленного союза. Н. В. Чайковский, охарактеризовав программу Верховного управления, призвал предпринимателей соблюсти государственный и частный интерес, накормить рабочий класс, оградить профсоюзы, без которых существовать невозможно: «Все должно быть Миниными», — подчеркнул, обращаясь к предпринимателям, управляющий отделом финансов ВУСО Г. А. Мартюшин. В результате обсуждения собрание торгпрома приняло постановление, в котором «во имя спасения Родины» (о завоеваниях революции умалчивалось) предпринимателям предлагалось все свои наличные капиталы обратить в облигации «Займа доверия», что должно было составить сумму в 10—15 млн. руб.

15 августа в поддержку «Займа доверия» высказалось общее собрание союза мелких торговцев и промышленников Архангельска и образована комиссия для организации подписки на него. В тот же день началась первая эмиссия 5% краткосрочных обязательств²³.

Управляющий отделом финансов ВУСО Г. А. Мартюшин провел ряд совещаний с союзными дипломатами; результатом которых стал «Проект соглашения между правительствами союзных держав и русским государственным банком; представленным его Архангельским отделением»*. Союзники соглашались дать гарантию в 20 млн. дол. для выпуска Верховным управлением бумажных денег на сумму в 200 млн. руб. Это обеспечивалось предоставлением им лесов ценностью в 25 млн. дол. Кроме того ВУСО признавало ответственность за часть внешнего долга России, падающего на его долю²⁴.

* Последующие переговоры относительно этого проекта затянулись, и он так и не воплотился в реальное соглашение.

Англичане сочли этот проект недостаточно радикальным и необеспечивающим приоритет британских интересов в отношении других союзных держав. Английским экономистом Дж. Кейнсом был разработан принципиально иной план денежного обращения в Северной России, предполагающий эмиссию «северных рублей», выпускаемых Банком Англии и обеспеченных английским золотом. Этот проект был направлен в Архангельск Ф. Линдлею 31 августа.

Правительство Франции предложило союзникам учредить для России Межсоюзный банк с капиталом в 40 млн. «межсоюзных рублей» с подпиской на капитал в размере $\frac{1}{4}$ на каждую страну-участницу (Франция, Великобритания, США, Япония)²⁵.

А тем временем финансовое положение области продолжало оставаться крайне сложным. «Займ доверия» к концу августа был реализован менее, чем наполовину. Следствием этого стало растущее недовольство трудящихся и забастовка рабочих в Мурманске, где положение было особенно тяжелым. Для обеспечения зарплаты рабочим в крае надо было срочно изыскать 30 млн. руб.²⁶

Верховное управление декларировало курс на примирение предпринимателей и рабочих, уделяло значительное внимание вопросам рабочей политики, пыталось найти общий язык с профсоюзами. После переворота в рабочей среде царили растерянность и напряженное ожидание. Прошли аресты рабочих и профсоюзных активистов. Губернский совет профсоюзов призвал рабочих сплотиться вокруг него и не допустить разрозненных самостоятельных выступлений. На совещании земств, городов, политических и общественных организаций в Архангельске 11 августа председатель губсовпрофа Ф. И. Наволочный, в отличие от других ораторов, выступавших в поддержку политики ВУСО, охарактеризовал позицию рабочих как нейтральную и заявил об «условной поддержке» правительства, поскольку оно проводит политику в интересах рабочего класса²⁷.

Правительство отменило декрет о рабочем контроле, но обещало проводить «широкий государственный контроль с участием в нем рабочих представителей», заверив, что не посягнет на свободу их классовых организаций. ВУСО учредило особый комитет по пересмотру постановлений об охране труда на паритетных началах (по 6 представителей как от профсоюзов и больницы кассы, так и от союзов предпринимателей, а также 3 представителя правительства), чтобы не давать преимуществ ни одному классу. Отдел труда ВУСО пытался добиться отчислений 10% доходов предпринимателей на страхование рабочих, но безрезультатно²⁸. Буржуазия широко развернула наступление на

права и свободы рабочих и получила полную поддержку со стороны союзного и русского военного командования. Классовому миру не суждено было свершиться.

Тем не менее определенные усилия Верховного управления в области рабочей политики нашли отклик в губсовпрофе, который на своем заседании 22 августа призвал рабочих «безусловно поддержать теперешнее правительство, дабы всякие группы населения не толкали бы его вправо»²⁹. Но это не означало, что рабочие, положение которых ухудшалось, приняли сторону правительства. С другой стороны, решение совета профсоюзов еще более усилило недоверие буржуазии и правых кругов области к ВУСО, обвинявших последнее, что оно ведет политику сомнительных социалистических экспериментов.

Положение Верховного управления во многом зависело от его отношений с крестьянством. В первых документах ВУСО провозглашалось обеспечение прав трудящихся на землю, восстановление органов земского самоуправления, устранение голода среди населения. Была разрешена продажа продуктов по вольным ценам.

Но процесс устранения крестьянских Советов и воссоздания земских учреждений нередко характеризовался лишь сменой вывесок, а попытки арестов лиц, активно сотрудничавших с Советской властью, наталкивались на сопротивление крестьян. «В моих руках длинный список лиц, оставление которых на местах пагубно, но я ничего не могу сделать», — доносил, например, в Архангельск пинежский уездный комиссар Рогачев и просил прислать особый отряд из центра³⁰.

Фактически были отменены земельные законы Советской власти, но в то же время не произошло возвращения земель прежним владельцам — церкви, монастырям, зажиточному крестьянству, ибо было очевидно, что такая акция вызовет недовольство широких слоев деревни, а это было не в интересах Верховного управления. Земские управы принимали к рассмотрению жалобы на неправильное отобрание земель у прежних владельцев. Но земельный комитет, несмотря на настояния правительственного комиссара Н. А. Старцева, как правило, не удовлетворял этих жалоб. Приступив к разработке земельной реформы, ВУСО призывало крестьян ждать решений Учредительного Собрания по земельному вопросу³¹.

Местное население, по утверждению генерала Финлейсона, выражало заинтересованность в отношении союзников лишь в надежде получить продовольствие и табак, но действительно рады были сотрудничать с ними только «трудолюбивые и наиболее обеспеченные крестьяне»³². Но и последние не спешили в

ряды создаваемой добровольческой армии. Объявленная же в конце августа мобилизация стала сильным катализатором антиправительственных настроений. Крестьянство, отказавшееся в июле откликнуться на призыв Советской власти, не желало сейчас, вступить в ряды армии Верховного управления. «Трудно передать настроение солдат, — читаем мы в газете «Возрождение Севера» за 3 сентября. — Тут и злоба на богачей, которые остаются в деревне, и зависть ко всякому, кто может спокойно сидеть дома, и над всем этим, и прежде всего, — упорное нежелание воевать. Жутко становится, когда слушаешь их речи. Одни ни за что не пойдут на войну, пусть лучше их убьют в деревне, другие пойдут, но при первом же случае перейдут к большевикам, чтобы опять восстановить «власть народа», власть «бедноты». Никакие уговоры о необходимости спасти родину; о пользе настоящей войны для них, северян, прежде всего, не действуют».

Вопрос о создании русской армии имел исключительно важное значение и для Верховного управления и для союзников. Добровольческий призыв в «Российскую народную армию» провалился: в течение августа было завербовано около 1000 человек, а на фронт отбыло примерно 250 человек, поэтому 20 августа ВУСО приняло решение о восстановлении в пределах Северной области всеобщей воинской повинности и призыве пяти возрастов. Правительство предполагало сформировать на первое время армию в 15 тыс. человек³³. Создаваемая армия находилась в полной зависимости от союзного командования, которое обеспечивало ее снабжение и вооружение, подготовку и переподготовку офицерских кадров и общее руководство. Союзниками было начато формирование славяно-британского и славяно-французского легионов и национальных частей. По категорическому настоянию генерала Пуля Верховное управление 22 и 30 августа приняло решения о введении особых военных судов и смертной казни в качестве высшей меры наказания³⁴.

Член ВУСО Я. Т. Дедусенко, оценивая деятельность правительства в течение первого месяца, вынужден был признать: «Для рабочих и крестьян Верховное управление представлялось властью слишком консервативной»³⁵. Однако консолидировавшийся правый лагерь придерживался прямо противоположных суждений. Основными центрами правых сил стали общественно-политическое объединение «Национальный союз», газета «Голос Отечества», торгово-промышленный союз, командование вооруженными силами области и славяно-британский легион. Они поддерживали тесные связи с союзным командованием.

Наиболее заметными фигурами в лагере правых были воен-

ные руководители Г. Е. Чаплин и контр-адмирал Л. Л. Иванов, редактор «Голоса Отечества» Е. П. Семенов, лидеры местных кадров Н. А. Старцев и С. Н. Городецкий. К этому списку следует добавить и бывшего комиссара Временного правительства при Ставке Верховного Главнокомандования М. М. Филоненко. Ближайший сподвижник генерала Корнилова, предавший его в самый ответственный момент, он летом 1918 г. появился на Мурмане и даже был избран в состав Краесовета, а в августе перебрался в Архангельск. Бывший эсер, он сейчас резко эволюционировал вправо, поддерживал тесные связи с британским командованием и претендовал на то, чтобы войти в состав правительства или даже возглавить его.

Тем временем все более осложнялись отношения между союзным командованием и Верховным управлением. Новые конфликты, заканчивавшиеся не в пользу последнего, касались контроля над тюрьмами, состава следственных комиссий и военных судов, захватов русского казенного имущества, регламентации деятельности почтово-телеграфных учреждений и др. Попытки правительства заключить соглашение с союзниками общего характера или по важнейшим проблемам (продовольственное дело, учет казенного имущества, реквизируемого союзным командованием, судьба русского флота, снабжение русской армии, разграничение сферы компетенции военных и гражданских властей и др.) по-прежнему оставались безрезультатными.

Определенные усилия, направленные на урегулирование отношений между британским командованием и местной администрацией, предпринимали союзные дипломаты и, в частности, посол США Д. Фрэнсис. «Британцы — колонизаторы по инстинкту и на практике, — телеграфировал он в Вашингтон 3 сентября, — и, контролируя Архангельский порт с войны, склонны обращаться с правительством презрительно, но я протестую, доказывая, что необходимо избежать повторения германского опыта на Украине». Фрэнсис считал необходимым защитить и поддержать Верховное управление, утверждая, что свержение его «углубит гражданское разномыслие, усилит Советское правительство и повредит союзническому делу»³⁶.

Но события быстро приближались к критической черте. Ухудшалась финансово-экономическая и продовольственная ситуация, резко углубилось политическое размежевание. Правительство подвергалось все более резкой критике как слева, так и, особенно, справа. В офицерской среде и у торгово-промышленного класса сложилось убеждение, что Верховное управление в его социалистическом составе неспособно радикально оздоровить ситуацию, наладить отношения с союзным командо-

ванием и должно быть устранено. Ускорению развязки способствовал ряд обстоятельств. 25 августа было принято решение правительства о реорганизации военного управления, в соответствии с которым устранялось фактически существовавшее в нем двоевластие — военного отдела с его управляющим эсером С. С. Масловым и штаба командующего вооруженными силами Г. Е. Чаплина. На военный отдел возлагались функции военного министерства, и прежде всего формирование войск, а на Чаплина и его штаб было возложено непосредственное командование войсками на фронте, что предполагало отъезд последних из Архангельска и должно было избавить ВУСО от опасного для него политиканства военных.

3 сентября правительство приняло решение об учреждении временного генерал-губернаторства и одобрило кандидатуру члена ВУСО Я. Т. Дедусенко на этот пост. Это постановление было связано с намерением Верховного управления «более точно разграничить компетенцию военной и гражданской властей», о чем велись переговоры с союзными послами, и ослабить вмешательство в политическую жизнь русского и британского военного командования, а также военного губернатора французского полковника Донопа (возможно и устранить должность последнего, который доставлял ВУСО немало неприятностей). В тот же день ближайший сподвижник Чаплина и Донопа полковник Чарковский был освобожден от обязанностей коменданта Архангельска³⁷.

И наконец решающую роль сыграло полученное Чаплиным вечером 5 сентября от генерала Пуля известие, что союзные послы выразили пожелание своим правительствам о признании Верховного управления. В таком случае его устранение было бы уже невозможно без серьезного конфликта, а оставить его у власти означало, по мнению Чаплина, «обречь область на дальнейшую «керенщину»³⁸. В этих условиях заговорщики, возглавляемые Чаплиным и Старцевым, действовали решительно. В ночь с 5 на 6 сентября члены Верховного управления (за исключением скрывшихся А. А. Ивафова и Я. Т. Дедусенко) были арестованы и под охраной отправлены на пароходе на Соловецкие острова. Союзное командование, несомненно, знало о готовящемся выступлении и покровительствовало его организаторам.

Утром во время смотра войск прибывшего в Архангельск 339-го американского пехотного полка о перевороте стало известно послу США Д. Фрэнсису, который назвал случившееся «вопиющей узурпацией власти». Этот вопрос стал предметом обсуждения союзных послов с участием генерала Пуля и руководителей переворота.

6 сентября было издано обращение «К гражданам Архангельска и Северной области» за подписью Чаплина и Старцева, объясняющее причины свержения Верховного управления и программу мятежников. «Никем не избранное, никому в Северной области неизвестное, оно (ВУСО — В. Г.) взялось за восстановление страны, сохранив старые рамки партийности. Его усилия ни к чему не привели и оно ушло от власти», — утверждалось в обращении. Заговорщики призывали «отбросить угар узкопартийных раздоров во имя одной великой цели — «все для спасения родины», создать при помощи союзников мощную армию, соединиться с силами, идущими с Востока, и освободить Москву³⁹. Смысл программы мятежников заключался в установлении режима военной диктатуры. Высокие патриотические слова обращения сопровождались арестами, запретами митингов, собраний и манифестаций.

Но заговорщики просчитались. Против них выступили разнородные силы, единые в главном, — не допустить установления военной диктатуры. Всеобщую политическую стачку объявили рабочие Архангельска. С петициями протеста и воззваниями к союзным дипломатам и населению обратились партийные организации эсеров и меньшевиков, профсоюзы, кооперативы, губернская земская управа, Мурманский Совет и другие организации. Серьезной ошибкой мятежников стало то, что они не согласовали предварительно свои действия с послами, которые в сложившейся ситуации поспешили отмежеваться от них. В результате двухдневных совещаний и консультаций Чаплин и Старцев вынуждены были подать в отставку. 8 сентября на военном суде союзников правительство возвратилось с Соловков.

Была учреждена чрезвычайная комиссия по делу о перевороте. Но под давлением союзного командования и послов, стремившихся замять дело и преодолеть раскол антисоветского лагеря, Чайковский согласился «предать забвению насилие, совершенное над ним и над остальными членами Правительства»* и 1 октября было издано соответствующее постановление⁴⁰.

Правый антиправительственный переворот в Архангельске, формально завершившись неудачей, имел вместе с тем далеко идущие последствия. Он обнажил глубокий кризис власти Верховного управления, из которого ему так и не удалось выйти. После почти трехнедельных совещаний с союзными послами о реорганизации управления члены ВУСО подали в отставку, пе-

* Однако следственное и судебное разбирательство в отношении целого ряда лиц и организаций, выступивших в защиту ВУСО, продолжалось еще в течение более чем полугода.

редав верховную власть Чайковскому. В сформированном им новом правительстве он оказался уже единственным социалистом.

Происшедший раскол в антибольшевистском движении между его левыми и правыми политическими группировками и выявившаяся тенденция к поправлению политического руководства и отстранению социалистов от власти носили не чисто северный, но общероссийский характер. А углублявшаяся конфронтация между демократическими кругами антибольшевистского движения, которые только и могли обеспечить ему сколько-нибудь массовую поддержку населения, и правым офицерством, без которого невозможно было создать сильную армию, предопределяла грядущие трудности северной контрреволюции.

Покровительство британского командования заговору Чаплина в значительной степени подорвало к нему доверие местного населения и осложнило его отношения с дипломатами. Жалобы Фрэнсиса и Ландлея своим правительствам на политику генерала Пуля и его отношение к русским властям во многом предопределили будущую замену главнокомандующего войсками интервентов на Севере.

Одним из последних постановлений Верховного управления (точнее, Чайковского), датированным 5 октября, стало упразднение Мурманского Краевого Совета. Это решение подвело черту под двухмесячной дискуссией между правительством и Краевоветом, претендовавшим на автономию Мурманска в составе Северной области. Была учреждена должность помощника генерал-губернатора по управлению Мурманским районом, которую занял начальник Кольской базы В. В. Ермолов, придерживавшийся правых взглядов, и восстановлено земское самоуправление в Кемском и Александровском уездах.

18 октября новое правительство учредило Временную следственную комиссию для рассмотрения злоупотреблений и противозаконных действий агентов советской власти в Кемском и Александровском уездах, и вчерашние лидеры антибольшевистского движения на Мурмане, соратники союзников и социалистов из ВУСО были привлечены к следствию в качестве «советских агентов»⁴¹. Такова была горькая ирония их политической судьбы.

Внутриполитические катаклизмы сорвали объявленную мобилизацию в армию Северной области, и боевые действия с большевиками по-прежнему велись силами союзников. 4 сентября в Архангельск прибыла американская военная экспедиция под командованием полковника Стюарта, основу которой соста-

вил 339-й пехотный полк*. Согласно меморандуму президента США, солдаты направлялись для охраны военных складов. В действительности им была уготована иная участь. Еще 27 августа Д. Фрэнсис писал в госдепартамент, что «будет поощрять продвижение американских войск после их высадки в глубь русской территории — к Котласу, Сухоне и Вологде», а также в такие места, как Петроград и Москва, где складированы военные грузы, которые «Советское правительство в нарушение всех обещаний и соглашений вывезло из Архангельска»⁴². В результате из трех батальонов 339-го полка два сразу по прибытии были направлены на фронт — на железнодорожное направление и Северную Двину.

Американцы составляли большую часть союзной военной экспедиции на архангельском фронте, общая численность которой с их прибытием достигла 9 тыс. человек. Но ее командование стремилось добиться получения новых подкреплений. 2 сентября в адрес постоянных военных представителей в Верховном военном совете Антанты поступила просьба об этом от генерала Пуля. А прибывший в Париж из Архангельска 7 сентября помощник военного атташе США майор Риггз обратился к генералу Блису с просьбой о дополнительном направлении еще 5 американских батальонов. Но это вызвало негативную реакцию американского руководства*, которую изложил на заседании ВВС 14 сентября генерал Блисс, и союзные военные представители вынуждены были согласиться с ним⁴⁵.

Тем временем военные действия на Севере продолжались. 9 сентября генерал Пуль доложил в британское военное министерство о сосредоточении главных усилий на котласском направлении. Он видел главную задачу в том, чтобы уничтожить или захватить речную военную флотилию большевиков и считал, что после этого войска «не встретят сколько-нибудь серьезного сопротивления до Котласа», овладеть которым предполагал к 20 сентября, а зимой развернуть наступление на Вятку.

Получив подкрепления, интервенты перешли в наступление по левому и правому берегам Двины при поддержке военных

* В составе экспедиции находились также инженерный батальон (788 человек) и медицинские части. В конце сентября прибыли еще более 500 американских военнослужащих. Общая численность экспедиции США на Севере составила 5710 человек⁴³.

* Американское руководство, основываясь на информации, полученной от Фрэнсиса, предупредило Лондон что, если вмешательство Ф. Пуля в дела русской администрации не будет прекращено, «президент вынужден будет рассмотреть вопрос о выводе американских войск из-под его командования и приказать полковнику Стюарту действовать самостоятельно, в соответствии с объявленной политикой правительства»⁴⁴.

судов и авиации. Им удалось окружить 1-й Вологодский полк, но красноармейцы сумели прорваться из окружения. Наиболее упорные бои развернулись в районе сел Чамово и Тулгас, которые в конечном счете были захвачены союзниками. К концу сентября они продвинулись на 90 км вверх по Двине, но не сумели решить главные задачи наступления. 5 октября генерал Пуль информировал военное министерство, что продвижение к Котласу отложено им до весны⁴⁶.

17 сентября американские войска вступили в Шенкурск — второй по величине город губернии, создав выгодный стратегический плацдарм, с которого они могли угрожать глубоким тылам противника на железнодорожном и северо-двинском направлениях.

В сентябре—начале октября продолжались упорные бои на железной дороге на Вологду. 18 сентября генерал Пуль уведомил британское военное министерство о перенесении сюда своих главных усилий. Основная цель наступления заключалась в овладении станцией Плесецкая, важным пунктом советской обороны и узлом транспортных коммуникаций. Но решить эту задачу интервенты не сумели.

Важное значение союзное командование уделяло мурманскому фронту. В конце августа командующий войсками мурманской экспедиции генерал Мейнард обратился в военное министерство и, ссылаясь на угрозу германского наступления, попросил срочно прислать пехотную бригаду, 3 батареи полевой артиллерии, батарею минометов и 2 пулеметные роты. С прибытием в сентябре—начале октября итальянских, английских, канадских и французских военнослужащих численность его экспедиции составила около 15 тыс. человек, в том числе более 10 тыс. солдат и офицеров держав Антанты.

Столкновения с советскими войсками на Мурмане носили эпизодический характер. А наиболее крупной операцией, проведенной в регионе, стало изгнание белофиннов, укрепившихся в приграничных районах Карелии. Наступление, осуществленное под британским руководством в основном силами финского легиона и карельского полка, было начато в конце августа и завершилось в начале октября полным разгромом белофиннов, вынужденных покинуть районы Карелии. В конце сентября была отбита попытка белофиннов овладеть Печенгой. В начале октября стала очевидной невозможность германского наступления на Мурмане, и союзное командование сосредоточило свои основные усилия на укреплении войск для борьбы с большевиками⁴⁷.

В конце сентября — начале октября между Архангельском

и столицами союзных держав шел оживленный обмен мнениями о перспективах северной экспедиции. 26 сентября госсекретарь США Лансинг подготовил правительственный меморандум о политике на Русском Севере. В нем указывалось, что нет оснований ожидать создания эффективных вооруженных сил русских и следует отказаться от всех военных усилий союзных держав в Северной России, «кроме охраны самих портов и такой территории вокруг них, где может создаваться угрожающая обстановка». Но эта формулировка была достаточно расплывчатой и позволяла держать войска вдали от Архангельска. Более однозначным был другой тезис этого документа: «Новые американские войска не должны направляться в северные порты»⁴⁸.

27 сентября Р. Лансинг ответил на запрос Д. Фрэнсиса: «Существует ли состояние войны между Соединенными Штатами и большевистским правительством?» Ответ носил достаточно двусмысленный характер: «Правительство Соединенных Штатов никогда не признавало большевистских властей и не считает, что его действия по охране складов в Архангельске или помощи чехам в Сибири создают состояние войны с большевиками»⁴⁹.

Несмотря на получение из США достаточно сдержанных инструкций и весьма непростые личные отношения с генералом Пулем, Фрэнсис не изменил своим антибольшевистским интервенционистским взглядам и пытался соответствующим образом воздействовать на политических лидеров в Вашингтоне. В телеграмме от 29 сентября он обосновал, например, выгоды скорейшего соединения с чехословаками и захвата Вологды, Вятки и Перми как с экономической, так и с военной точки зрения, полагая, в частности, что мобилизация там может дать 180 тыс. новобранцев. Посол выражал надежду, что до закрытия навигации удастся овладеть Вологдой, а возможно Котласом и Вяткой⁵⁰.

2 октября состоялась «долгая и очень дружеская» (по оценке Пуля) его беседа с Фрэнсисом, который ознакомил с меморандумом Лансинга, указав, что американские войска предписано использовать только в оборонительных целях. Однако конфиденциально он добавил, что «будет смотреть либерально на последнюю часть приказа»⁵¹.

30 сентября в Архангельск прибыло 2600 солдат союзников во главе с британским генералом У. Э. Айронсайдом, назначенным начальником штаба главнокомандующего. Он привез инструкции, ориентирующие в основном на оборонительный характер действий экспедиции⁵². Но генерал Пуль по-прежнему придерживался наступательной стратегии, хотя и столкнулся с растущим сопротивлением советских войск.

Таким образом, двухмесячный период пребывания у власти Верховного управления Северной области был исключительно богат событиями и драматическими коллизиями. Внешне привлекательные лозунги социалистов-«верховников» и их программа «Спасения Родины и завоеваний Революции» на деле обнаружили свою несостоятельность. Расхождение слова и дела, неспособность справиться со сложными проблемами текущей жизни, наконец полная зависимость от интервентов обрекли Верховное управление на растущую критику справа и слева, утрату доверия населения и предопределили его отставку.

Союзная интервенция, начатая под антигерманскими знаменами, приобрела однозначно антибольшевистский характер. Взошедшие с ее помощью ростки гражданской войны дали свои кровавые результаты. Но внутривнутриполитические катаклизмы и апатия населения не способствовали быстрому формированию антисоветской армии. А небольшие воинские контингенты интервентов не сумели добиться сколько-нибудь значительных успехов ни на одном из главных направлений. Обнажился глубокий кризис военно-политической стратегии союзников, во многом предопределенный неясностью ее целевого предназначения. Ради чего сражались союзники на Севере России? Для спасения ее населения от немцев и финнов? Восстановления Восточного фронта? Защиты складов? Свержения большевиков? Это был тот «проклятый вопрос», на который было трудно дать ответ, и это во многом предопределило бесперспективность союзной военной интервенции.

ГЛАВА 4

БЕЛЫЙ СЕВЕР ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ АНТАНТЫ

Падение социалистического Верховного управления и формирование «делового» правительства обозначили начало принципиально нового этапа в истории Северной области. Отказавшись от идеи «спасения завоеваний революции», правительственная администрация приступила к разработке и реализации новой концепции политического и социально-экономического развития, всецело подчиненной интересам и потребностям военного времени, укреплению боевого потенциала северной контрреволюции.

Руководство Северной области уделяло особое внимание налаживанию взаимопонимания и всестороннего сотрудничества с союзным командованием, дипломатами и деловыми кругами Запада. Окончание мировой войны устранило те официальные мотивы, которыми ее организаторы объясняли интервенцию в Россию. А пока русский вопрос и судьба северной экспедиции дискутировались в странах Антанты, ее солдаты переживали суровые испытания в бескрайних просторах Северной России.

В ПОИСКАХ «СРЕДНЕГО» КУРСА

7 октября после трудных переговоров с представителями деловых кругов и союзными послами Н. В. Чайковским было сформировано Временное правительство Северной области (ВПСО). Новое название кабинета не было простой сменой вывески. За этим стояли серьезные изменения, происшедшие в антисоветском лагере на Севере России.

Претензии Верховного управления на приоритет его власти в отношениях с интервентами не увенчались успехом. Ограниченность территории Северной области размерами одной неполной губернии (вместо 5—6 планировавшихся), находящейся в сфере военных действий и подчиненной союзному военному командованию, привела местных политических лидеров к выводу, что «при таких условиях для планомерной и постоянной законо-

дательной деятельности Верховного управления не оказалось благоприятных условий»¹.

Кроме того в начале октября в Архангельск пришло известие об учреждении 23 сентября на Государственном совещании представителей местных правительств, партий и политических группировок в Уфе Директории — Временного Всероссийского правительства. В этих условиях северное правительство могло оставаться только областным.

Новое правительство вновь возглавил Н. В. Чайковский, что должно было символизировать преемственность власти, ее демократические тенденции, а кроме того он как член Уфимской Директории выступал в качестве «единственного носителя верховной власти», через которого область должна была поддерживать связи с другими местностями России, освободившимися от большевиков².

Костяк правительства составили кадеты: П. Ю. Зубов, заведующий отделом народного образования и секретарь ВПСО, и делегированные торгпромом С. Н. Городецкий, ставший заведующим отделом юстиции, а также врач Н. В. Мефодиев, возглавивший отдел торговли, промышленности и продовольствия. На управляющего Архангельским отделением Госбанка, в прошлом октябриста князя И. А. Куракина было временно возложено руководство отделом финансов. Полковник Б. А. Дуров, наряду с должностью генерал-губернатора и командующего войсками (занимаемой с середины сентября), стал заведовать отделами — военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа.

Несмотря на преобладание кадетов, Чайковский характеризовал новое правительство как «беспартийное». Ключевой идеей правительственной декларации стал призыв «поступиться местными и классовыми интересами», «отложить партийные разномыслия» ради совместной работы с союзниками. В этом документе подчеркивалось «полное преобладание в крае общесоюзных задач и интересов над местными», проистекавшее из потребностей совместной борьбы против немцев и большевиков. Первоочередное внимание правительства отводилось «воссозданию русской армии и продвижению ее вперед во что бы то ни стало». К числу основных задач были отнесены также налаживание правопорядка, организация товарообмена и распределения продовольствия, обновление системы денежного обращения. Для решения этих задач при ВПСО были образованы финансово-экономический совет и комитет снабжения³.

Новое правительство стремилось сплотить антибольшевистское движение посредством проведения «среднего» курса, балансируя между «правыми» и «левыми» и уравнивая борьбу

щиеся фракции. Для реализации своего политического курса и расширения опоры власти были предприняты усилия по созданию ряда межпартийных организаций и объединений.

29 октября был создан областной отдел «Союза возрождения России», который возглавил губернский правительственный комиссар В. И. Игнатьев — энес, один из наиболее ревностных сторонников и проводников в жизнь провозглашенного курса. Его заместителями стали П. Ю. Зубов и видный местный общественный деятель И. В. Багриновский, а почетным председателем был избран Н. В. Чайковский. В состав исполкома вошли представители эсеров, энесов, меньшевиков, кооперации и др. Началось создание уездных отделений СВР, развернута активная организационная и пропагандистская деятельность. В северном отделе «Союза» обсуждались основные мероприятия правительственной политики перед вынесением на обсуждение ВПСО. Именуемый его устроителями организацией «внеклассовой и внепартийной», «Союз» объединял прежде всего левоцентристские элементы и должен был, по мнению В. И. Игнатьева, «создать опору для левой части правительства». Но именно это обстоятельство вызывало растущую оппозицию его деятельности справа⁴.

Еще более широкий спектр интересов и далеко идущие планы были связаны с образованным в декабре 1918 г. Объединенным Комитетом Архангельских Общественных Организаций (ОКАОО). 10 декабря на совещании представителей ведущих организаций и учреждений области по вопросу о помощи делу создания русской армии со стороны общественности, состоявшемся по инициативе и под председательством Игнатьева, был учрежден временный оргкомитет в составе 5 человек (от губернского земства, городской управы, торгпрома, губсовпрофа и совета кооперативов). На этой основе спустя полторы недели и был создан ОКАОО. В обращении к населению он определил свою главную цель как «слияние всех сил Северной области, участвующих в освобождении, представителей всех политических и классовых организаций, печати и партий в борьбе за возрождение единой, великой и свободной России». В его уставе подчеркивалось, что он чужд партийных и классовых интересов и включает в свой состав представителей общественных, научных, промышленных, торговых, профессиональных и других организаций Архангельска⁵.

Председателем Объединенного Комитета стал И. В. Багриновский. Первоначально этот орган действовал весьма активно, издавал газету «За Родину» и по замыслам его организаторов должен был превратиться в подобие предпарламента⁶. Но по-

степенно отношения между его участниками все более обострялись и в конце концов представители левых организаций вышли из его состава. Превратившись в орган правых сил, Объединенный Комитет утратил свое влияние на общественно-политическую жизнь Северной области.

Заметным событием в архангельском политическом калейдоскопе осени 1918 г. стали выборы в Городскую Думу. В отличие от таких органов, как Верховное управление и Временное правительство Северной области, возникших самочинно, а не посредством волеизъявления избирателей, выборы в Городскую Думу столицы белого Севера должны были выявить рейтинг различных политических группировок.

На 60 мест гласных Думы претендовали кандидаты, баллотировавшиеся по 5 спискам. Но главная борьба развернулась между социалистическим блоком (в который вошли эсеры, энесы, меньшевики и кандидаты от губернского совета профсоюзов) и внепартийным блоком Национального возрождения. В последний объединились кадеты, группа газеты «Отечество», а также кандидаты от организации квартальных комитетов, торгпрома, союза домовладельцев, союза мелких и средних торговцев и ряда других буржуазных организаций. Во главе первого блока стояли лидеры профсоюзов Ф. И. Наволочный и М. И. Бечин, бывшие члены ВУСО А. А. Иванов и А. И. Гуковский, а второй возглавляли М. М. Филоненко, председатель торгпрома М. В. Перешнев, председатель биржевого комитета Н. В. Грудистов, члены ВПСО С. Н. Городецкий и Н. В. Мефодиев.

Борьба носила упорный характер, нелিপеприятная полемика развернулась на страницах местной печати. День выборов — 13 октября стал «черным воскресеньем» для буржуазного блока. Получив менее 43% голосов, он провел в гласные Думы 26 своих кандидатов. 53,4% избирателей проголосовало за социалистов, и они получили 32 места в Думе. Но, анализируя итоги выборов, следует указать, что в них приняли участие лишь 40% избирателей, в том числе 44% — в буржуазных и 36% — в рабочих кварталах. «Массам населения надоела политика, в которой оно изверилось», — не без серьезных на то оснований писал политический обозреватель газеты «Отечество»⁷.

Городским головой был избран эсер А. И. Гуковский, а председателем городской управы — эсер М. М. Федоров. Потерпев неудачу в попытке провести на руководящие должности в Думе своих кандидатов*, фракция блока Национального возрождения прибегла к обструкции этого органа.

* На пост городского головы претендовал М. М. Филоненко: потерпев очередную неудачу, он в знак протеста выехал в начале ноября за границу.

Победу социалистов на выборах в Городскую Думу вряд ли следует переоценивать. Она имела скорее психологическое значение и не повлияла серьезно на усиление их влияния на правительственную политику. Дума была, что называется, пятым колесом в телеге государственного управления области, а что касается итогов и характера ее работы, один из журналистов справедливо заметил: «Дума преет в мелочных и бесконечных разговорах»⁸.

При всей остроте политической борьбы внутри Северной области ее руководство уделяло особое внимание процессам, происходившим в российском антибольшевистском движении, искало поддержки у его лидеров. Уже в декларации, опубликованной Чайковским 9 октября, приветствовалось известие об образовании Уфимской Директории. Но прямой связи с ней не существовало. И лишь 25 октября Чайковским была получена первая телеграмма от председателя Директории эсера Н. Д. Авксентьева, причем уже не из Уфы, а из Омска; куда она вынуждена была перебраться. Авксентьев запрашивал об отношении Архангельского правительства к Всероссийскому и указывал на желательность для союзников получения декларации о его подчинении всероссийской власти. В телеграфной переписке руководства Директории с русскими послами в европейских столицах подчеркивалась значимость благоприятного отзыва союзных представителей в Архангельске и Владивостоке для ее признания⁹.

В ответной телеграмме Чайковский уведомил Авксентьева, что 28 октября им заявлена декларация союзным послам в Архангельске, а копия ее направлена русскому послу в Париж. В декларации ВПСО подчеркивалось, что оно считает Северную область неотъемлемой частью единого Всероссийского государства, признает его верховной властью Всероссийское правительство, образованное совещанием членов Учредительного Собрания в Уфе и находящееся ныне в Омске под председательством Н. Д. Авксентьева. Глава северного правительства заявил о готовности подчиняться его распоряжениям до созыва нового Учредительного Собрания¹⁰.

Однако отношение к Директории в правых кругах области было иным. Архангельский губернский комитет кадетов издал специальное обращение к населению области, в котором осудил ее намерение созвать в начале 1919 г. Учредительное Собрание прежнего «революционного» состава и по существу выразил сомнение в правомочности существования Директории как высшей временной власти, подотчетной Учредительному Собранию. «Только власть, чуждая классовых устремлений, стоящая на го-

сударственной точке зрения и ярко национальная способна при поддержке наших союзников возродить Россию», — завершали свое обращение кадеты¹¹.

Авксентьев настаивал, чтобы Чайковский прибыл в Омск и занял свое место в составе Директории. Это соответствовало и пожеланиям последнего, который после консультаций с Фрэнсисом, одоббившим его намерение, собирался в скором времени отбыть из Архангельска. Однако его отъезд сначала был задержан выступлением в формирующемся Архангелогородском полку, а в ночь на 18 ноября в Омске произошел переворот под руководством адмирала Колчака, разогнавшего Директорию.

Вопрос об отношении к омскому перевороту был вынесен Чайковским на заседание архангельского правительства 30 ноября. Он лично задал тон обсуждению, высказавшись за необходимость издать от имени правительства обращение к населению с протестом против насилия, совершенного над членами Всероссийского правительства. «Действиями тех военных, которые принимали участие в перевороте, нарушены два принципа, на которых должна воссоздаваться армия: нарушена дисциплина и принцип невмешательства армии в политику. Нанесен непоправимый ущерб делу объединения России», — подчеркивал он. Мы как граждане и как члены Областного Правительства, признавшего власть Всероссийского, не можем оставаться равнодушными и долг наш выразить протест против акта насилия, имеющего столь печальные последствия для жизни всей страны», — заключил свою обвинительную речь Н. В. Чайковский. Но против его предложения высказались представители правого крыла — генерал Марушевский*, С. Н. Городецкий и Н. В. Мефодиев. Марушевский предложил «обратиться к союзникам, давшим нам силу, на которую мы опираемся, и в согласии с их мнением разрешить вопрос об организации центральной власти».

* Марушевский Владимир Владимирович (1874 — ?), из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник русско-японской и первой мировой войн. К Февральской революции — генерал-майор, командир 3-й особой русской бригады во Франции. Вернувшись после свержения царизма в Россию, стал последним начальником генерального штаба русской армии. За отказ сотрудничать с большевиками после их прихода к власти был арестован, а после освобождения выехал сначала в Финляндию, а затем в Швецию. По прибытии в Архангельск 19 ноября 1918 г. был назначен помощником генерал-губернатора и помощником командующего русскими войсками Северной области, а на деле был командующим до начала августа 1919 г. 30 мая 1919 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Являлся членом северного правительства. 23 августа 1919 г. выехал из Архангельска с особой миссией в страны Скандинавии и Финляндию. Умер в эмиграции.

А Городецкий пророчески заявил, что «если диктатура адмирала Колчака поведет к более успешной борьбе с большевиками и к укреплению власти, то возможно, что мы будем не протестовать против нее, а приветствовать ее появление». Не придя к единому мнению, правительство постановило: «Окончательное решение вопроса о декларации по поводу событий в Омске отложить и поручить Чайковскому путем личных переговоров со старшиной Дипломатического корпуса выяснить отношение Послов к создавшемуся положению»¹².

Чайковский провел консультации с Нулансом, возглавившим после отъезда в начале ноября Фрэнсиса дипломатический корпус, и Линдлеем, которые не советовали правительству и ему лично выступать с какими-либо осуждающими заявлениями. Но в Чайковском взял верх «демократ» и он направил личное послание на имя адмирала Колчака*, председателя Сибирского правительства П. В. Вологодского и представителям союзных держав, осуждающее события в Омске, заявив об отказе подчиниться «диктаторской власти»¹³.

Переворот в Омске и провозглашение А. В. Колчака Верховным Правителем способствовали заметной активизации правых политических кругов в Архангельске. Одним из их политических центров стал «Союз Национального Возрождения» и его фракция в Городской Думе, к ним примыкало реакционное политиканствующее офицерство, группировавшееся вокруг славяно-британского легиона и генерала Пуля. Печатными органами правых стали газеты «Отечество» и «Русский Север».

Правые политические тенденции заметно усилились в среде торгово-промышленного класса, который развернул наступление против рабочих, профессиональных и кооперативных организаций, тесно связанных с левыми политическими группировками. Потребность консолидации усилий деловых кругов воплотилась в создании в феврале 1919 г. «Объединенного комитета торгово-промышленных организаций», в состав которого вошли представители более 10 комитетов и организаций. «Комитет» провозгласил своими задачами общественно-политическую и идейную борьбу «с вредными направлениями», оказание денежной и материальной помощи режиму в борьбе с большевиками¹⁴. Впрочем, архангельские предприниматели не отличались заметной щедростью в финансировании антибольшевистской борьбы.

«Правые общественные группировки, — вспоминал губерн-

* Спустя несколько месяцев Чайковский кардинально изменил свои суждения о Колчаке и весной 1919 г. выступал в качестве его «адвоката» перед главами союзных держав в Париже.

ский комиссар В. И. Игнатьев, — почувяв силу в союзниках, в политиканствующем правом офицерстве, решили, что их дело и так уже сделано, что им ничем жертвовать в борьбе против большевиков не придется — союзники и военщина обеспечили им существование их социального господства, и что рабочие и крестьяне подставят свои головы и спины за них в борьбе»¹⁵. Но в действительности вся борьба была еще впереди и исход ее не был предопределен.

Размежевание в обществе усиливалось, и проводить в жизнь «средний» курс, лавируя между правыми и левыми, преодолевая партийные, политические, классовые различия и конфликты с союзниками, становилось все труднее, тем более, что и в самом правительстве не было единодушия.

5 января Н. В. Чайковский получил телеграмму от русского посла в Париже В. А. Маклакова, который от имени князя Львова приглашал его принять участие в совещании послов и общественных деятелей в связи с предстоящей мирной конференцией. 9 января правительство постановило считать поездку своего председателя в Париж настоятельно необходимой¹⁶.

13 января в Архангельск прибыл из-за границы генерал Миллер*, приглашенный Чайковским на должность генерал-губернатора и командующего войсками. Сложилась деликатная ситуация, ибо уже в течение двух месяцев эти посты занимал, хотя и в качестве временно исполняющего обязанности, генерал Марушевский, и по мнению правительства и правых кругов он действовал весьма успешно. 15 января на заседании ВПСО было принято компромиссное решение. В. В. Марушевский оставался членом правительства и командующим войсками Северной области, но с подчинением его генералу Миллеру как генерал-губернатору, имеющему в отношении русских войск Северной области права командующего отдельной армией¹⁷.

* Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867—1937), из дворян Санкт-Петербургской губернии, уроженец Двинска. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник первой мировой войны. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса. В августе 1917 г. назначен представителем Ставки при Итальянском Главном Командовании. На Севере был генерал-губернатором, командующим Северным фронтом, членом, а в феврале 1920 г. — заместителем председателя правительства. В 1919 г. произведен в генералы от кавалерии. В эмиграции принял на себя власть правительства Северной области. В 1920—1922 гг. — Главноуполномоченный генерала Врангеля в Париже, затем начальник его штаба. С 1929 г. — заместитель председателя, а с 1930 г. — председатель Русского Обще-Воинского Союза. 22 сентября 1937 г. похищен в Париже сотрудниками НКВД, доставлен в Москву, судим и расстрелян. Согласно другой версии, погиб во время похищения.

Два дня спустя правительство подтвердило свое решение о командировании Н. В. Чайковского на Парижское совещание. Его заместителем на период поездки был назначен П. Ю. Зубов — ближайший соратник Чайковского и сторонник его политики «среднего» курса. Он же возглавил и отдел земледелия. Но наибольшая власть сосредоточилась в руках Е. К. Миллера, ставшего заведующим отделом иностранных дел. Опасаясь последствий заметного поправления состава правительства, возможности превращения Миллера в военного диктатора и отхода от декларируемого политического курса, Чайковский принял единичное решение о назначении губернского комиссара энеса В. И. Игнатьева, временно управляющего отделом внутренних дел, членом правительства с возложением на него обязанностей управления отделом внутренних дел. Это назначение призвано было уравновесить ситуацию в ВПСО, ограничив влияние Миллера на внутренние дела.

Но произведенное Чайковским назначение вызвало конфликт в правительстве. Его правое крыло в лице Мефодиева, Городецкого, Марушевского и Миллера потребовало объяснений. В результате дискуссии было принято компромиссное решение: «На Управляющего отделом Внутренних дел возложить обязанности Губернского правительственного комиссара Архангельской губернии с подчинением его по последней должности Генерал-Губернатору Северной области». Но конструкция власти оставалась крайне противоречивой, ибо, по утверждению Игнатьева, Миллер как генерал-губернатор должен был подчиняться ему в качестве управляющего отделом внутренних дел.

Впрочем, принятое решение вполне соответствовало концепции Чайковского о взаимном уравнивании военной и политической властей в системе управления Северной области; о чем он впоследствии писал генералу Деникину и устно излагал американскому президенту В. Вильсону в Париже. Кроме того сохранение в руках социалиста руководства сферой внутренних дел должно было стать гарантией защиты «демократических принципов», а генерал Миллер своим участием в этих делах должен был как бы страховать политику правительства в глазах британского командования¹⁸. Но реальная жизнь жестоко разбивала эти умозрительные схемы.

23 января на борту ледокола «Иван Сусанин» Н. В. Чайковский вместе с делегатами деловых кругов Севера Н. В. Грудистовым и А. С. Чудиновым покинул Архангельск. Предполагалось, что вскоре он вернется обратно, но возвращение это так и не состоялось, хотя вплоть до падения Северной области Чайковский оставался номинально главой ее правительства.

Отъезд Чайковского оказал существенное влияние на расстановку сил в правительстве и политическую жизнь области. «Чайковский олицетворял левую половину правительства, а еще вернее его центр, — рассуждал В. В. Марушевский. — Его отъезд обезличивал правительство. Никто из его членов не пользовался достаточным весом, чтобы дать этому правительству авторитет. Против Чайковского шли все правые элементы. После его отъезда образовалось пустое место, правительство обесцветилось, разумная политическая борьба ослабла и лишь левые заработали в подполье»¹⁹. Думается, что с утверждением генерала следует согласиться.

В начале февраля реорганизованное правительство выступило с двумя обращениями к населению области. В них подчеркивалась преемственность главных целей борьбы, провозглашенных Временным правительством 9 октября 1918 г., забвение старых распри, классовых и партийных целей, ради «спасения и воссоздания Единой Свободной Великой России». ВПСО заявляло о решимости строить государственную жизнь на демократических принципах, охраняя права церкви и религий, принцип народовластия в деятельности местных самоуправлений, права и свободы граждан и их организаций. Указывалось на недопустимость преследования за одну только принадлежность к политическим партиям и группировкам²⁰.

Откликаясь на призыв правительства о консолидации и забвении старых споров, совещание работников кооперативных организаций губернии 10 февраля выступило с идеей объединения демократических сил и создания демократического центра. Эта идея нашла поддержку у члена ВПСО Игнатьева и стала широко популяризоваться на страницах газеты «Возрождение Севера». Но правые круги встретили это предложение в штыки, именуя его не иначе как «новым абсурдом»²¹. Они тяготели к режиму военной диктатуры и сильной личности, видя таковую в лице генерала Миллера.

Таким образом, призывы правительства к единству различных политических сил и социальных групп во имя совместной борьбы с большевиками оставались гласом вопиющего в пустыне. Коалиция на основе «среднего» курса была необходима, но вызывала опасения и взаимное недоверие как правых, так и левых политических группировок, а в целом население области относилось безразлично к своему правительству и его программам.

Ситуация в Северной области во многом зависела от умонастроений населения «глубинки» и деятельности органов местного самоуправления. Еще Верховное управление приступило к

восстановлению городских дум и земств. Но в проходивших осенью 1918 г. выборах гласных городских дум в уездных центрах участвовало в среднем лишь 20—30% избирателей, в том числе в Мезени — около 22%, в Шенкурске — 29% и лишь в Холмогорах около половины избирателей²².

В сентябре — начале октября 1918 г. состоялась сессия губернского земского собрания, обсудившая задачи земства в новых условиях, его взаимоотношения с правительством и союзниками. Земство в Архангельской губернии было введено Временным правительством в июне 1917 г. и, фактически просуществовав менее года, не успело зарекомендовать себя, пустить глубокие корни. Поэтому при выборах земских гласных осенью — зимой 1918/19 г. часто звучали недоуменные вопросы: «Что нам может дать земство?» «На что оно нам?» Автор одной из статей по земской тематике констатировал: «Земства, особенно в отдаленных уездах, представлялись какими-то вопросительными знаками». В выборах земских гласных в Онежском уезде участвовала четверть избирателей, в Холмогорах — около 40%, а в уезде 46% — такой массовый абсентеизм был характерен и для других уездов²³.

Становление земских учреждений происходило в условиях борьбы различных тенденций. Слева высказывалось недоверие в земству как к восстановлению старых порядков и в противовес ему Советы квалифицировались как органы более демократичные и понятные населению. А по мере укрепления государственной администрации и усиления в ней правых тенденций земство стало подвергаться критике и гонениям за его «демократичность». Правительство приступило к созданию своих органов в противовес земским. Последние обвинялись в некомпетентности, дороговизне и содержании за счет казны. Имели место (например, в Онеге и Пинеге) репрессии в отношении земских гласных и руководителей земств со стороны уездных правительственных комиссаров, судебных органов, союзных и русских военных властей.

В целом местное население весьма пессимистично относилось к деятельности органов земского и городского самоуправления, как и к уездным комиссарам и правительственным комитетам, и не связывало с ними особых надежд. Не пользуясь обычно сколько-нибудь значительным авторитетом, они не представляли собой надежной опоры власти на местах.

Важной составной частью государственного аппарата являлось судебное ведомство. Отдел юстиции ВПСО возглавлял председатель Архангельского окружного суда, политик правых взглядов С. Н. Городецкий. Аналогичных убеждений придержи-

вались и его ближайшие соратники. При заведующем отделом юстиции была организована консультация, игравшая роль маленького сената, где окончательно редактировались и согласовывались законопроекты перед внесением их в правительство. Ведомство Городецкого тесно сотрудничало с союзниками, имевшими собственный репрессивный аппарат, состоявший из международной следственной комиссии, контрразведки с судебным отделом, тюрем и концлагерей*, куда лишь в порядке исключения допускались чины русского судебного ведомства.

Северное правительство предпринимало усилия, направленные на ослабление всеобъемлющего контроля и диктата союзников над своим судебным ведомством. На заседаниях ВПСО неоднократно обсуждались вопросы размежевания функций союзной и русской контрразведки, о передаче права прежде всего политических арестов в руки генерал-губернатора. Но союзники относились к этому без энтузиазма и их контрразведка оставалась, по утверждению генерала Марушевского, организацией «с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно», причем нередко осуществляла аресты по просьбе правых кругов, на которые те по политическим соображениям не решались сами²⁴.

Важное место в системе репрессивного аппарата занимала Особая следственная комиссия, учрежденная в августе 1918 г.**. Ее деятельность получала различные оценки. И если демократические круги обвиняли ее в массовых и часто несобоснованных арестах, то военно-полевой прокурор С. Ц. Добровольский критиковал ее за бюрократизм и волокиту, полагая, что лидеров большевиков «нужно было ликвидировать в порядке военно-полевого суда», но ограничить масштабы арестов и сроки разбирательства с другими лицами²⁵.

Усиление правых тенденций в политической жизни области воплотилось в привлечении к следствию и суду лиц, ранее сотрудничавших с Советской властью, но предавших ее и оказавших большие услуги антибольшевистскому движению. Погиб в тюрьме один из руководителей мурманского переворота В. М. Брамсон. Даже личное заступничество генерала Марушевского не спасло от преследования генерала Звегинцева, хотя Г. М. Веселаго покровительство американцев помогло бежать за границу. В феврале 1919 г. был заключен под стражу бывший началь-

* Наиболее печально известным был концлагерь на острове Мудьюг, основанный в августе 1918 г.

** Она сотрудничала с союзной контрразведкой, составившей не менее 70 списков (по 20—25 человек) большевиков и сочувствующих им, подлежащих розыску и аресту (ЦГАСА. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 14. Л. 63—65).

ник обороны Архангельского района полковник Н. Д. Потапов, оказавший ценные услуги организаторам переворота 2 августа 1918 г.

В Северной области сложилась и система военной юстиции, состоящая из особых военных судов, военно-судебного отделения командующего войсками области, военно-окружного суда и кассационного присутствия. В основу законоположений и военных уставов были положены документы царского времени. В Архангельской губернской тюрьме ежедневно содержались 600—700 человек (в 3 раза больше нормы), были созданы ее временное отделение и изоляционный дом в Кегострове. Согласно рапортам с мест, постоянно были переполнены и другие места заключения²⁵. Широко использовалась практика высылки военных и гражданских лиц в отдаленные районы области во внесудебном порядке.

Губернский комиссар и заведующий отделом внутренних дел В. И. Игнатьев не без серьезных на то оснований характеризовал отдел юстиции и суд Северной области как самые чернотенные учреждения²⁶. Весьма нередки были столкновения его ведомства с их руководством.

Политические проблемы Северной области были неразрывно связаны с социально-экономическими. Одной из ключевых по-прежнему являлась проблема финансов. Она была особенно трудноразрешимой для области, включавшей в себя неполную губернию, изолированной от других районов страны, несшей бремя общегосударственных расходов*, нуждавшейся в импорте большинства промышленных и продовольственных товаров и не имевшей достаточных денежных средств как для оплаты поставок из-за рубежа, так и для внутренних расчетов. Призрак финансовой катастрофы постоянно витал над белым Севером.

18 октября ВПСО приняло постановление о выпуске «Займа доверия» на 10 млн. руб. Фактически к середине декабря была осуществлена эмиссия краткосрочных обязательств на 20 млн., а общая сумма, начиная с августа, составила уже 35 млн. руб. Но и это не решило проблемы денежных средств. Тогда 25 января и 12 февраля правительство разрешило дополнительный выпуск «Займа доверия» еще на 25 млн. с доведением общей суммы обязательств до 70 млн. Причем, если первоначально займ носил добровольный, то затем приобрел принудительный характер и, наконец, процентные начисления были сняты. а «чайковки» стали одной из разновидностей денежных знаков²⁷.

* В бюджете Северной области за 1918 г. расходы составили 86,25 млн. руб., в том числе учреждений общегосударственного характера — 53 млн., а доходы — 27 млн. (Возрождение Севера. 1919. 5 мая).

Но русские власти, как и союзники, нуждались в более надёжной и твердой валюте. Эта тема стала предметом сложных переговоров и острых дискуссий. В результате рассмотрения ряда проектов в центре внимания оказалось британское предложение выпуска «северных рублей», обеспеченных золотым фондом в Банке Англии. Проект вызвал острые споры и немало сомнений. Северное правительство, опасаясь подчинения англичанами местной экономики, тщательно обговаривало свое участие в проекте, масштабы эмиссии и курс «северных рублей» в отношении фунтов стерлингов. Настороженность и критику этот план вызвал в Омске и в русских политических и деловых кругах за границей, считавших вредными отдельные соглашения с иностранцами. Серьезную озабоченность выражали американцы и особенно французы, опасавшиеся резкого усиления британского влияния в экономике Севера.

Но в конечном счете этот проект был принят, и 11 ноября ВПСО издало постановление об учреждении Государственной Эмиссионной Кассы (ГЭК) в составе назначаемых им 4 членов и англичанина-председателя (особого финансового советника), кандидатура которого должна была согласовываться с британским правительством. На первые полгода этот пост занял глава брокерского дома Э. М. Харвей. ГЭК выпускала заготовленные в Лондоне «северные рубли», обеспеченные депозитом в фунтах стерлингов в Банке Англии по твердому курсу 1 ф. ст.: 40 «северным рублям». Британцы должны были покупать эти денежные знаки для своих нужд, а ГЭК передавала ВПСО в виде займов сумму, равную одной трети от выпускаемых «северных рублей». Займы гарантировались лесными ресурсами Северной России²⁸.

Первая эмиссия «северных рублей» была произведена в конце 1918 г., а вторая в 1919 г. Казалось бы их выпуск должен стать взаимовыгодным и перспективным, так как появлялась твердая валюта для внешних и внутренних расчетов Северной области. Британские представители настаивали на полной и скорейшей замене «северными рублями» других денежных знаков. Но этому не суждено было свершиться. Прежде всего ощущался острый дефицит этих денежных знаков. Но существовали и другие важные обстоятельства. Уже первые шаги по внедрению «северных рублей» привели к резкому усилению контроля Великобритании над экономикой области. Британские представители получили возможность знакомиться с финансово-экономической документацией правительства и воздействовать на него, манипулируя курсом этой валюты. Начался процесс обесценивания других денежных знаков в отношении «северных рублей»,

что особенно отразилось на положении малоимущих слоев населения. Кроме того переход на эту денежную единицу затруднял отношения с Омским правительством. Соединение с восточной контрреволюцией, на что делалась главная военно-политическая ставка, еще более осложнило бы денежную проблему, так как было очевидно, что «северные рубли» не будут приняты на других территориях.

Усиление влияния Великобритании на Севере при помощи внедряемой ею денежной системы не вызвало особого энтузиазма других союзников*. ВПСО пыталось использовать это в своих целях. Например, 7 февраля оно обратилось к ним с меморандумом о предоставлении гарантии займа в 300 млн. руб., включив эту сумму в общероссийский государственный долг. Необходимое количество денежных знаков предполагалось выпустить при помощи Эмиссионной Кассы²⁹.

Таким образом, финансовое положение Северной области продолжало оставаться критическим. Сохранялся тяжелый дефицит бюджета, наряду с нахождением в обращении 6 разновидностей денежных знаков стремительно шел процесс их обесценивания и натурализации обмена. В связи с этим правительство считало необходимым не только дальнейшее реформирование денежной системы, но перенесение центра тяжести на усиление обложения населения, введение новых налогов, повышение цен. А это грозило серьезными социальными осложнениями.

Другим сложным и весьма деликатным вопросом было снабжение и внешнеэкономические связи Северной области, которая нуждалась в огромных поставках грузов военного и гражданского предназначения. Согласно данным доклада командующего военно-морскими силами США на Севере контр-адмирала Мак-Кулли, в навигацию 1918 г. в Архангельск и Мурманск было доставлено 84400 тонн военных грузов, 8 тыс. тонн грузов адмиралтейства, 67750 тонн угля и 15 тыс. тонн грузов общего характера³⁰. От союзного Комитета снабжения поступило муки, сахара, круп и чая на сумму около 24 млн. руб., которые через Архангельский союз кооперативов были распределены среди населения (он же осуществлял и расчеты с союзниками)³¹.

В урожайные годы Архангельская губерния производила до 3,5 млн. пудов зерна и, ввозя столько же из других губерний, имела более 1 пуда в месяц хлеба на едока. В 1918 г. губернию поразил тяжелый неурожай, а союзники давали до 2 млн.

* Посол Франции Ж. Нуланс утверждал: "Английское командование окупило все свои расходы в новых рублях, освобождая таким образом английскую казну, которая взяла на себя только незначительные оккупационные расходы". (Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. 1917 - 1919. Paris, 1933. Vol. 2. P. 206).

пудов хлеба в месяц, в среднем 13 фунтов на едока*. В последние месяцы 1918 г. средняя норма отпуска хлеба по карточкам составляла в губернии 5 фунтов в месяц на ребенка до 5 лет, 10 фунтов для 50% взрослого населения и 20 фунтов — для другой половины взрослого населения. В Архангельске она составляла 10 фунтов для детей, 15 — для взрослых и 22 — для рабочих, занятых тяжелым физическим трудом.

Кроме того по карточкам распределялось в Архангельске 1,8 фунта риса, 9/10 фунта сахара, 100 г чая на едока в месяц. Рабочим было положено 8 фунтов мяса и 1,8 фунта жиров, но эти карточки обычно не отоваривались³². «Работать на таком пайке не могут. Положение унижительное, невыносимое», — телеграфировал 22 декабря в Омск Н. В. Чайковский⁶³. Правда, часть необходимых продуктов северяне покупали на рынке, где наиболее доступна была соленая рыба по цене 1—1,5 руб. за фунт.

Союзный Комитет снабжения представлял собой монополиста на поприще импортной деятельности, диктуя цены, ассортимент и объемы поставок. В его руках находились валюта и морской транспорт. Он располагал полной поддержкой союзных правительств, военных и деловых кругов. Но, по справедливому замечанию председателя русского комитета внешней торговли П. Г. Калинина, союзный Комитет снабжения превратился бы «в бесплатную столовую для голодающих самоедов», если бы лица, входящие в него, не составили союзный экспортный комитет, который организовал массовый вывоз товаров из Северной области, стремясь при этом обойти русские власти. Этот вывоз осуществлялся главным образом по компенсационным (условным) обязательствам, когда вопрос о валютном расчете переносился на неопределенный срок, или даже без компенсаций, по «особым удостоверениям» союзных чиновников в счет обязательств прежних правительств, чаще всего не известных русским сотрудникам**. При этом коммерческая деятельность официальных дипломатических союзных представителей и военного командования находилась вне компетенции и контроля русских органов. Все это давало практически неограниченные возможности для злоупотреблений союзных чиновников при «вакханалии вывоза»

* В августе 1918 г. планировалась русская морская экспедиция за продовольствием в Сибирь. Но по настоянию союзников, ссылавшихся на необходимость сохранения ледоколов и обязавшихся обеспечить необходимые поставки продовольствия, она была отменена.

** В навигацию 1918 г. на этих условиях было вывезено около 43 тыс. тонн грузов, более чем на 4,7 млн. ф. ст. (Миниц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л., 1931).

грузов из области. Вышеупомянутый П. Г. Калинин характеризовал сложившуюся систему внешнеэкономических отношений термином «колониальное завоевание»³⁴.

Северное правительство предпринимало определенные усилия для ослабления своей зависимости от англичан посредством развития экономических отношений с другими союзными державами. В октябре 1918 г. в Архангельске было создано «Экономическое французское бюро». В декабре при посредстве Ж. Нуланса было достигнуто предварительное соглашение о передаче в концессию* на 99 лет ряда участков в Мурманске и его окрестностях³⁵.

В октябре 1918 г. в США отбыл бывший член ВУСО Г. А. Мартюшин, призванный представлять там интересы Северной области, уделяя особое внимание проблемам развития экономических связей и снабжения Севера. В феврале 1919 г. в Архангельске был учрежден Северный отдел Русско-Американского комитета для «содействия экономическому сближению России и Севера с Америкой»³⁶.

Для ослабления тисков иностранной экономической зависимости осенью 1918 г. было создано Северное областное общество снабжения. В него вошли представители торгово-промышленного класса, земского и городского самоуправления и кооперативов. Для кредитования его деятельности был создан Северный Торгово-Промышленный банк. Они, действуя вместе с правительственным органом — Главным комитетом снабжения, занимавшимся надзором, выдачей разрешений на ввоз и вывоз, должны были создать своего рода «русский северный трест» и составить конкуренцию союзникам. Началась подготовка морской продовольственной экспедиции в Сибирь, было направлено несколько русских судов и представителей в ряд зарубежных стран. Однако эти организации не могли конкурировать с союзниками, так как испытывали острый дефицит валюты и тоннажа, к тому же «палки в колеса» им ставили англичане. Да и внутри Северного областного общества снабжения шла сложная борьба, деятельность его подвергалась сильной критике справа. В конечном счете представители земств и кооперативов покинули эту организацию, что еще более ослабило ее. Все это

* Ни этот, ни еще более масштабный проект концессии на Мурмане англичанина Э. Шеклтона не были реализованы. Северное правительство сочло нецелесообразным заключать такие соглашения до образования постоянного Всероссийского правительства. К тому же, правительство Франции, стремясь защитить свои экономические интересы в России в борьбе с другими державами, отказалось признавать концессии, испрашенные у ВПСО (Миниц И. И. Указ. соч. С. 141; ГАРФ. Ф. 5581. Оп. 2. Д. 441. Л. 13 об).

вело к застою русской международной торговли и сохраняло полную зависимость от иностранцев.

Важной проблемой внутренней политики правительства оставались взаимоотношения с рабочими и профсоюзами. К числу основных вопросов, волнующих рабочих, относились уровень зарплаты, занятость, заключение новых коллективных договоров. В ходе обсуждения этих проблем на заседании финансово-экономического совета в начале ноября 1918 г. Н. В. Чайковский указал, что радикальное разрешение рабочего вопроса невозможно в условиях войны и призвал к компромиссу, обеспечивающему возможность работы предприятий и существование рабочих³⁷. Но диалога рабочих и предпринимателей явно не получалось. Каждая из сторон добивалась прежде всего реализации собственных интересов, упрекая оппонентов в эгоизме. Осень — зима 1918/19 г. характеризовались наступлением буржуазии на рабочих и профсоюзы. Владельцы предприятий отказывались выполнять старые коллективные договора, а заключение новых шло трудно и болезненно.

Еще на октябрьском совещании представителей промышленников, профсоюзов и госконтроля области было решено создать самостоятельный или при одном из отделов ВПСО отдел труда для урегулирования отношений между рабочими и предпринимателями и учреждения при нем примирительной камеры для разрешения мелких конфликтов. Но проект такого отдела, представленный В. И. Игнатьевым, был отвергнут финансово-экономическим советом. Газета «Возрождение Севера» писала 3 января: «Ставятся заплаты на социальные прорехи, ставятся без плана, без системы, одна на другую, а кругом новые дыры, новые требования».

Профсоюзы, призванные защищать интересы рабочих, сами подвергались гонениям со стороны союзного командования и правительственной администрации. Так, прекратил существование печатный орган «Рабочий Севера», губсовпроф и большинство союзов вынуждены были оставить занимаемые помещения, что осложнило даже проведение собраний. В конце ноября был на три четверти обновлен состав исполнительной комиссии губсовпрофа и постепенно отношение руководства профсоюзов, прежде лояльного к властям, изменилось, что и привело в конечном счете к мартовскому кризису.

В целом отношения правительства и рабочих были весьма напряженными. Как вспоминал генерал Марушевский, «имея рабочую Соломбалу, с одной стороны, и порттовую Бакарицу, с другой, Архангельск был как бы в большевистско-демократи-

ческих тисках, которые могли раздавить и правительство и микророскопические силы союзников»³⁸.

В центре острых дискуссий находились проблемы аграрной политики. Деятельное участие в их разработке принимало земство, ибо еще Верховное управление своими постановлениями от 14 и 21 сентября передало в его ведение все земли, леса и прочие угодья, находящиеся в пользовании местного населения. Оттягивать разрешение вопросов аграрного переустройства становилось все труднее, и в ноябре правительство учредило земельное совещание по вопросам землепользования и землевладения при отделе земледелия во главе с Чайковским.

Земельный вопрос в Архангельской губернии неизменно упирался на проблему так называемых расчисток*. Нужда в новых землях удовлетворялась почти исключительно за счет их увеличения. Вопрос о расчистках имел давнюю и запутанную правовую природу. Первый законодательный акт о них от 15 декабря 1820 г. разрешал государственным крестьянам производить расчистки с правом пользования ими в течение 40 лет с последующей передачей «в пользу подлежащих обществ». После этого законодательство постоянно менялось и наконец в 1914 г. был разработан законопроект о поземельном устройстве, в соответствии с которым в состав земельного надела входили и расчистки. Но не было определенности в порядке пользования ими — будут ли они общественной или частной собственностью.

Состоявшиеся в феврале 1918 г. 4-я сессия губернского земельного комитета и губернский съезд Советов высказались за то, чтобы расчистки, служащие для поддержания трудового крестьянского хозяйства, оставались в ведении прежних владельцев и лишь расчистки, превышающие потребно-трудовую норму, передавались в пользование малоземельных крестьян. Но II губернский съезд Советов отверг эти решения как «соглашательские» и принял резолюцию об отобрании их в общенародное достояние и раздел по едокам³⁹.

13 января 1919 г. ВПСО приняло постановление «О расчистках в Архангельской губернии». Все расчистки на казенных землях передавались из ведения Управления госимуществ в ведение земства. Они оставались в пользовании прежних владель-

* Расчистками именовались земли, разработанные крестьянами на месте предоставленных им лесных участков. В 1917 г. площадь расчисток в Архангельской губернии составляла 107704 дес., или 27% от площади земель, находившихся в пользовании крестьян. Имели расчистки 33% крестьянских хозяйств. Средняя площадь расчисток, приходящаяся на одного владельца, более чем в 2,5 раза превышала средние размеры наделов на 1 душу — 3,5 и 1,3 дес. (ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 219. Л. 12 об. — 13).

цев и их законных правопреемников, если не превышали норму в 11 дес. на двор, имели сельскохозяйственное значение, служа нуждам чисто земледельческого или промыслово-земледельческого хозяйства, либо являлись единственным источником средств существования для лиц, ведущих сельское хозяйство*.

Расчистки, не подходящие под эти условия, в том числе превышающие предельную норму, поступали в земельный фонд волостного земства. Но в законе имелась оговорка об исключении в «тех случаях, когда волостное земство, в интересах данного хозяйства, найдет необходимым оставить ее в пользовании прежнего владельца по средним арендным ценам». Порядок распределения расчисток, поступающих в фонд волостного земства, должен был определяться специальной инструкцией, вырабатываемой губернским земством, право разбора споров о расчистках и признания договоров недействительными переходило к волостным земским управам⁴⁰.

19 февраля правительство утвердило постановление о казенных и бывших удельных оброчных статьях, которые также передавались в ведение и распоряжение земства для распределения между крестьянами по той же норме — не более 11 дес. на хозяйство. Причем, внаемные земельные оброчные статьи, являвшиеся расчистками и служившие интересам трудового хозяйства, оставались после истечения срока пользования у прежних владельцев и их воспреемников⁴¹.

Принятые правительством документы были направлены на создание в северной деревне «крепких» крестьянских хозяйств, основанных в основном на применении для обработки земли сил владельца участка и членов его семьи, освобождая их от принудительной опеки общины. Закрепление трудовой нормы пользования землей и ограничение сосредоточения ее в одних руках в принципе отвечало широкому крестьянским пожеланиям. Но возвращение прежним владельцам части уже пущенных в передел земель неизбежно должно было обострить борьбу в деревне. Принятые постановления несли в себе немало двусмысленности и недоговоренности. Открытым оставался вопрос о частной собственности**. Предстоял сложный процесс разработки и

* Расчистки, срок пользования которыми истек, облагались волостным земством особым поземельным сбором в размере не свыше средних местных арендных цен.

** «Отменить частную собственность на землю правительство не решалось, — вспоминал один из участников разработки аграрной реформы В. И. Игнатьев, — но сочло необходимым не допускать частных сделок, проводя вместо них аренду» (Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М., 1922. С. 41).

согласования инструкций по реализации этих документов. Добавим, что они принимались в качестве «временной меры», «впредь до разрешения земельного вопроса в полном объеме» будущим всероссийским правительством. В результате процесс реализации принятых решений затянулся, вызывая недовольство крестьян.

В целом крестьянство, погруженное в разрешение собственных проблем, оставалось весьма безразличным к правительству. Причем, если трудности и повинности военного времени отталкивали крестьян от него, то тяжелое продовольственное положение и забота о поддержании семей заставляли часть из них откликаться на призыв властей и вступать в белую армию, что, впрочем, не обеспечивало ее прочности. Иное дело — белопартизанские отряды. Первые из них возникли уже в августе—сентябре, но более массовый характер их формирование приобрело в конце осени—зимой 1918/19 г. Это движение носило четко очерченный локальный характер, и основными центрами его стали с. Тарасово, Шенкурский уезд, долины рек Пинеги и Печоры. И хотя общая численность этих отрядов была невелика и составляла до 1500 человек, но именно они образовали костяк будущих белых полков⁴².

Итак, провозглашенные правительством идеи «среднего» курса и широкой коалиции антибольшевистских сил сталкивались со все большими трудностями, усиливалось политическое размежевание. Безразличие или явная оппозиция к правительственной политике были характерны для массовых умонастроений в народных низах.

«В атмосфере притаенного
Мы живем, как на вулкане,
Ничего определенного
Не видать в тумане»⁴³.

Эти строки сотрудника газеты «Возрождение Севера» А. П. Дедкова, выступавшего под псевдонимом «Мистер Кепстен», достаточно емко и точно отражали ситуацию на белом Севере, в канун весны 1919 г. Главную опору режима по-прежнему составляли войска интервентов. Но их положение также резко осложнилось.

ИНТЕРВЕНТЫ НА СЕВЕРЕ: БРЕМЯ ТРУДНЫХ РЕШЕНИЙ

Осенью 1918 г., когда сражения мировой войны постепенно затихали, гражданская война в России разгоралась все сильнее. Главнокомандующий союзными войсками на Севере генерал

Пуль при поддержке дуайена дипломатического корпуса Фрэнсиса по-прежнему настаивал на энергичных наступательных действиях против большевиков. Они добивались отправки новых подкреплений в Северную Россию. «Если бы американские войска прибыли к Пулю, — телеграфировал Фрэнсис в Вашингтон 3 октября, — он, думаю, мог бы разгромить большевиков и захватить Вологду и Котлас». В ином случае, считал, он, сомнительно, что союзники и правительство смогут удержаться в Архангельске. Спустя неделю посол телеграфировал о необходимости срочной отправки войск на Мурман и в Архангельск для захвата ими Петрограда и Москвы. Он считал, что для этого хватило бы 50 тыс. человек, а 100 тыс. было бы более чем достаточно. Фрэнсис добавлял, что Пуль может взять Петроград и с 10 тыс. солдат, но не сможет удержать его⁴⁴.

13 октября Ф. Пуль телеграфировал в Лондон план дальнейшего наступления на вологодском направлении с использованием дополнительно 4 британских пехотных батальонов и 3 артиллерийских батарей, которые следовало перебросить с Мурмана. Он утверждал, что в таком густонаселенном районе это усилит антибольшевистские настроения и поможет провести массовую мобилизацию в армию, а овладение в ходе зимнего наступления Вологдой откроет дорогу на Вятку⁴⁵. 14 октября генерал на борту крейсера «Аттентив» отбыл из Архангельска в Лондон в надежде отстоять свои планы. Пуль планировал через месяц вернуться на Север, но этому не суждено было сбыться.

Командование союзными войсками перешло к 38-летнему бригадному генералу Айронсайду*. Энергичный, с высокой профессиональной подготовкой, боевым опытом мировой войны (до направления на Север командовал бригадой во Франции), прекрасный лингвист (знал более 10 языков), неплохой политик, он выгодно отличался от Ф. Пуля. Прибыв в Архангельск, генерал приступил к тщательному ознакомлению с военной и политической ситуацией, состоянием фронта и тыла. Выводы, к которым он пришел, были весьма неудовлетворительными.

В докладах в Лондон У. Айронсайд констатировал низкое

* Айронсайд Уильям Эдмунд (1880—1959), сын военного хирурга. В британской армии с 1899 г. Окончил военную академию. Участник первой мировой войны. В сентябре 1918 г. с должности командира пехотной бригады во Франции направлен начальником штаба главнокомандующего союзными войсками на Севере России. В ноябре 1918 г. официально назначен главнокомандующим военной экспедицией и оставался им до окончания интервенции. В дальнейшем занимал различные командные должности в британской армии. В 1939—1940 гг. был начальником имперского генерального штаба. Фельдмаршал. При возведении в пэры в 1941 г. принял титул «барона Архангельска».

качество союзных войск и офицерского состава, их слабую оснащенность и подготовленность к боевым действиям в условиях Северной России*. Тревогу генерала вызвал низкий моральный дух войск и нежелание солдат воевать. Уже в октябре французские солдаты дважды отказались выполнять приказ о наступлении на станцию Плесецкую. Они открыто заявляли, что прекратят воевать с большевиками после окончания военных действий с Германией и призывали к этому американцев. Усиливались межнациональные противоречия в войсках интервентов и недоверие к англичанам и их командованию.

Особенно сложной была ситуация на Железнодорожном фронте, куда в октябре выезжали Айронсайд, французский военный и американский морской атташе и ряд других офицеров из Архангельска. Айронсайд заменил здесь британского командующего на французского полковника Лукаса. Генерал Финлейсон, ранее осуществлявший общее руководство действиями союзных войск на Железнодорожном и Двинском фронтах, стал командовать последним. Большое внимание У. Айронсайд уделял созданию работоспособного штаба союзной экспедиции, который к его приезду фактически отсутствовал, и переориентации деятельности разведотдела с политических на военные нужды. Серьезную озабоченность генерала вызывал подбор кадров офицеров, способных в условиях отсутствия сплошного фронта возглавить отдельные колонны и действовать относительно самостоятельно⁴⁶.

В отличие от своего предшественника, новый командующий являлся сторонником перехода в основном к оборонительной стратегии. При этом особое внимание уделялось организации местных вооруженных сил. Русское командование в лице полковника Дурова и его начальника штаба генерала Самарина Айронсайд нашел малокомпетентным, не пользующимся авторитетом в войсках и политическим доверием правого офицерства. Генерал обратился в Лондон с просьбой направить для их замены двух высокопоставленных русских офицеров.

Мобилизация в русскую армию дала к середине октября 200 офицеров и 100 унтер-офицеров, а к концу месяца численность мобилизованных в Архангельском районе составила около 1900 человек. Но 29 октября в формируемом Архангелогородском полку произошла вспышка неповиновения. И хотя ее удалось прекратить без применения оружия, это стало серьезным симптомом неблагополучия в формируемых русских частях⁴⁷.

* Например, считавшийся наиболее боеспособным французский колонийный батальон был подготовлен к боевым действиям в условиях тропиков, но не Арктики.

Основные боевые действия в этот период по-прежнему велись на железнодорожном и северо-двинском направлениях. В начале октября союзники вновь предприняли наступление с целью овладения станцией Плесецкая. Наиболее удачным было их продвижение из района Селецкого, где они, овладев населенными пунктами Кодыш, Средь-Мехреньга и Тарасово, подобно дамклову мечу, нависли с востока над Плесецкой. Но в ходе ноябрьского контрнаступления советские войска отбросили здесь части интервентов, захватив деревни Кодыш и Тарасово. Правда, Тарасово союзники совместно с белопартизанами сумели вернуть почти сразу в результате успешной контратаки, а д. Кодыш в дальнейшем не раз переходила из рук в руки...

Тяжелая ситуация для союзных войск сложилась в октябре на Северной Двине. Получив подкрепления, советские части при поддержке судов флотилии перешли в контрнаступление. Положение союзников усугублялось тем, что их военные суда, опасаясь ледостава, ушли в начале октября в Архангельск. Пользуясь этим, корабли речной флотилии большевиков разрушили артиллерийским огнем оборонительные сооружения и места, предназначенные союзным командованием для зимней стоянки. Потеряв несколько сот человек убитыми и ранеными, интервенты вынуждены были отступить более чем на 50 км и закрепились на линии Тулгас-Топса.

В тяжелых оборонительных боях в Тулгасе встретили американские, шотландские и канадские солдаты 11 ноября — день подписания перемирия с Германией. В критической ситуации положение спасли канадские артиллеристы, а также бомбардировки британскими самолетами из Двинского Березника советских кораблей. Тяжелые бои продолжались здесь несколько дней. Но начавшийся в середине ноября ледостав заставил советское командование отвести военные суда на стоянку в Котлас, а без их поддержки дальнейшее наступление стало бессмысленным⁴⁸.

После окончания мировой войны в центре обсуждения политиков, военных и общественности стран Антанты оказался вопрос о целесообразности и новом обосновании интервенции в России и, в частности, на Севере, ибо, как признавал член британского военного кабинета У. Черчилль, «все аргументы, которые вели к интервенции, исчезли»⁴⁹.

Северное правительство поспешило опубликовать обращение «К населению области и союзных с Россией стран», в котором подчеркивалось, что «большевизм — мировая опасность» и его ликвидация «должна предшествовать полному окончанию войны». В документе содержался призыв к союзникам оставить свои войска в России для борьбы с большевиками⁵⁰.

Союзные дипломаты и военные руководители в Архангельске обратились к своим правительствам за разъяснениями об их дальнейшей политике и судьбе экспедиции в Северной России. Причем, характер обращений и позиции их авторов серьезно различались*. Но руководители держав Антанты не спешили с официальными декларациями о политике в России. В высших политических сферах этих стран в ноябре—декабре шли острые дискуссии по русскому вопросу, но попытки прийти к консенсусу не имели успеха. В силу этого окончательное решение вопроса было перенесено на международную мирную конференцию, а дипломатам в Архангельске рекомендовалось не вступать в объяснения о целях союзной политики в России.

Однако откладывание решения этой проблемы означало оставление союзных войск в России и на Русском Севере. Это требовало объяснений. В официальной мотивации союзников центральное место уделялось их «моральным обязательствам» перед «лояльными русскими». «Как можем мы уйти лишь потому, что наши прямые цели были достигнуты, — восклицал британский военный министр А. Мильнер, — и оставить этих людей на произвол наших общих врагов прежде, чем они успеют вооружиться, обучиться и соорганизоваться, настолько, чтобы быть достаточно сильными защитить себя. Это было бы позорной изменой и шло бы вразрез с английскими понятиями о чести и человечности»⁵².

Для объяснения удержания войск на Севере использовался и климатический фактор: невозможность осуществить эвакуацию, когда замерзло Белое море. Но в действительности после окончания мировой войны прежде всего политические, антибольшевистские мотивы определяли цель и смысл союзной интервенции. Уже 14 ноября на заседании британского военного кабинета было принято решение о сохранении войск в России и поддержке антибольшевистских правительств в интересах Британской империи. «Покинуть Архангельск, — писал в своих мемуарах У. Айронсайд, — означало нанести смертельный удар белым армиям, сражающимся в других местах, и я знал, что сделать это — означало пойти против общей стратегии союзников в русской гражданской войне»⁵³.

Руководители стран Антанты стремились избегать в публичных заявлениях признаний об антибольшевистской направленности

* Командир американцев полковник Стюарт считал, что экспедиция выполнила свою задачу и ее вывод целесообразен. Но консул Пуль, представлявший интересы США после отъезда Френсиса, настаивал на оставлении американских войск и, выступая перед солдатами 28 ноября, подчеркнул: «Вы защищаете наше дело в России от кровавого бедлама большевизма»⁵¹.

сти интервенции. Но командование северной экспедиции вынуждено было быть более откровенным. В его прокламации к солдатам, в частности, говорилось: «В войсках, кажется, существует самое смутное понимание того, за что мы сражаемся в Северной России. Это может быть объяснено в нескольких словах. Мы — против большевизма, который означает анархию в полном и чистом виде. Большевизм — это болезнь, которая, подобно раку, убивает свою жертву и никому не приносит ничего хорошего»⁵⁴.

Важным, но не афишируемым фактором продолжения интервенции являлись экономические интересы союзных держав, борьба за раздел сфер влияния в России. Именно это обстоятельство особо выделял, например, американский консул Де Витт Клинтон Пуль в своей телеграмме в Вашингтон 13 ноября 1918 г.⁵⁵.

Предстоящая зимняя кампания на Русском Севере вызывала серьезное беспокойство британского командования. Резко затруднялась связь со странами Антанты и возможность получения экстренной помощи в чрезвычайных ситуациях. Для навигации был открыт лишь незамерзающий порт Мурманска, поэтому поддержание надежных коммуникаций по суше между двумя союзными военными группировками на Севере составляло важную заботу командования. Генерал Айронсайд был весьма встревожен растущей активностью советских войск и тем, что большевики могут начать партизанскую войну.

Крайне беспокоило союзное командование состояние собственных войск. После прекращения мировой войны солдаты все чаще задавали вопрос, зачем они ведут эту войну, и не получали от своих командиров вразумительных ответов. Оторванность от дома, тяжелые и непривычные условия службы крайне негативно воздействовали на психику и умонастроения солдат. Деморализация союзных войск усиливалась под воздействием умело организованной пропаганды большевиков. Тысячи листовок и памфлетов разбрасывались в расположении интервентов. В них поднимались именно те вопросы, которые волновали иностранных солдат*. Попытки британского командования организовать контрпропаганду не давали результатов.

Большое внимание союзники уделяли формированию белой армии. 5 ноября Айронсайд учредил военный совет в составе высокопоставленных русских офицеров под своим председатель-

* Вот лишь некоторые названия листовок: «Зачем вы пришли в Мурманск?», «Понимаете ли вы, что делаете?», «Почему вы не возвращаетесь домой?», «На чьей вы стороне? Рабочих или капиталистов?» и др.

ством для оказания помощи в вопросах, касающихся ее создания. Особые надежды он возлагал на прибывшего в ноябре в Архангельск генерала Марушевского, последнего начальника генштаба русской армии при Временном правительстве, назначенного командующим белой армии Севера. Последний, в свою очередь, поставил условием своей деятельности гарантию поддержки союзного командования. Добавим, что особо тесные и доверительные отношения сложились у Марушевского с французами, так как в годы мировой войны он командовал русской бригадой во Франции.

Союзники оказывали содействие в осуществлении мер, с которых В. В. Марушевский начал свою деятельность: 1) восстановление уставов, дисциплины, знаков отличия и наград старой армии; 2) регистрация офицерства и призыв его на военную службу; 3) реорганизация в работе штаба, тыла, расстановке офицерских кадров, борьба с пьянством, кутежами, азартными играми в офицерской среде, создание благоприятных условий для их службы, налаживание нормальных взаимоотношений с командным составом союзных войск.

Но процесс строительства русской армии и налаживание отношений белогвардейцев и интервентов происходили весьма не просто. Генерал Марушевский утверждал, что ему и его подчиненным на каждом шагу приходилось испытывать недоверие и унижение со стороны союзников. Увы, с этим приходилось мириться, ибо «все отрасли военного дела, фронт и тыл находились в полном и непосредственном ведении интервентов». «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, — резюмировал Марушевский, — проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми»⁵⁶.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство, касающееся отношений русских властей с интервентами. Архангельск стали постепенно покидать союзные дипломаты. Первым это сделал в начале ноября Д. Фрэнсис, 15 декабря — Ж. Нуланс, а их преемники не были уже столь авторитетны и влиятельны. И если ранее северное правительство пыталось использовать дипломатический корпус в качестве своеобразного противовеса британскому военному командованию, то сейчас оно было лишено такой возможности. А это означало укрепление на Севере британской военной диктатуры. Хотя, истины ради, заметим, что Чайковский и его сподвижники оценивали деятельность самого Айронсайда несравненно более положительно, чем его предшественника.

Что касается Айронсайда и его политического соратника Лин-

для, то некоторые политические тенденции в Северной области и российском антибольшевистском движении вызывали их серьезные сомнения. Большинство русских офицеров, отмечали они, — сторонники царизма, а крестьяне, из которых следовало создать армию, выступают против его реставрации. «Я начинаю сомневаться в том, что мы правы, оседлывая Россию еще раз всеми отбросами царизма, — записал Айронсайд в своем дневнике 16 ноября 1918 г. — Они, кажется, ничему не научились». Линдлей пошел еще дальше, телеграфируя в Лондон 6 декабря: «Мы должны выбирать между поддержкой старых офицеров и имущих классов, которые полностью дискредитировали себя при старом режиме, ничему не научились и мечтают вернуть старый порядок, и поддержкой людей непрактичных и трудно работающих, но которые имеют реальное будущее в стране и хотят создать новый порядок из настоящего хаоса». Он осудил переворот Колчака, высказался за созыв Учредительного Собрания, разогнанного большевиками, и предложил объявить об этом публично, полагая, что это будет положительно воспринято населением Севера. Но официальный Лондон отказался дать своему архангельскому полпреду такую санкцию³⁷.

11 декабря в столице Северной области произошло восстание солдат Архангелогородского полка. Получив приказ о выступлении на фронт, солдаты захватили винтовки и заявили об отказе воевать с большевиками. В окнах казармы появились красные флаги. Попытки мирным путем разрешить конфликт и заставить мятежников сдаться не имели успеха. Из казарм вышла лишь рота, состоявшая из бывших русских военнопленных, прибывших из Голландии. Для руководства подавления восстанием прибыли генералы Айронсайд и Марушевский. Начальник управления командующего русскими войсками подполковник Жилинский в это время находился в резиденции правительства, через каждые 10—15 мин. информируя его встревоженных членов о происходящем. Только после залпов из бомбометов и пулеметного огня восставшие сдались. 13 человек было расстреляно. Извещая население о происшедших «небольших недоразумениях», генерал Марушевский заверил, что «в будущем никакие случайности, угрожающие спокойствию жителей, мною допущены не будут»³⁸. В действительности ни у него, ни у союзников такой уверенности не было. Декабрьское восстание стало лишь одним из длинного ряда выступлений в белой армии Севера.

В декабре 1918 г. общая численность войск интервентов на Севере составляла, по данным начальника британского геншта-

ба генерала Вильсона, 23516 человек, а белогвардейцев — 7156 человек⁵⁹:

Национальность	Мурманская группировка		Архангельская группировка	
	штыков	на до- вольствии	штыков	на доволь- ствии
Англичане*	3905	6832	3121	6283
Французы	250	731	1400	1686
Американцы	—	—	4200	5203
Итальянцы	1200	1251	—	—
Сербы	958	1200	—	—
Всего союзников	6313	10334	8721	13182
Белогвардейцы	3500	4441	1700	2715
Общая численность	9813	14775	10421	15897**

Общая численность советских войск на архангельском и мурманском направлениях колебалась зимой 1919 г. от 15 до 18 тыс. человек⁶⁰.

В конце 1918 г. столкновения на фронте носили эпизодический характер и ограничивались в основном разведкой боем. Исключение составили события конца декабря на железнодорожном направлении, когда союзное командование предприняло новую попытку овладеть Плесецкой. Наступление планировалось осуществить силами пяти отрядов, наносивших удары по трем главным направлениям. Но боевые действия, которые велись в непривычных условиях, при слабом взаимодействии отрядов были обречены на неудачу. К тому же часть солдат славяно-британского легиона перешла на сторону большевиков, предупредив их о планах наступления. Интервенты сумели овладеть лишь д. Кодыш, которую вынужены были оставить неделю спустя под давлением большевиков. Следствием этой неудачи явилось твердое намерение генерала Айронсайда не вести

* В состав англичан включены и канадцы - 45 офицеров и 554 других чинов (Sweetenham J. Allied Intervention in Russia and the Part Played by Canada. London, 1966. P. 54).

** По данным генерала Блисса, в середине февраля 1919 г. численность архангельской группировки составляла 16230 человек, в том числе 3325 белогвардейцев, а мурманской - 16200 человек, из них 6450 белогвардейцев (The Papers of Woodrow Wilson, Princeton, 1986. Vol. 55. P. 191).

более наступательных действий в зимних условиях и все силы сосредоточить на обороне⁶¹.

В ходе декабрьского наступления войска Колчака овладели Пермью и двинулись на Глазов и Вятку. Это возродило надежды союзников и лидеров контрреволюции на соединение с частями Колчака. На этом энергично настаивал и представитель английского правительства при Колчаке генерал Нокс. В конце 1918 г. полковник Шапошников перебросил свои силы с Мезени на Печору и овладел Усть-Цильмой и окружающим районом. Численность его отрядов в Мезенско-Печорском крае составляла 500—600 человек. В середине января на Среднюю Печору вышел отряд чехословаков под командованием князя Вяземского, отбросивший на 300 км отряд Мандельбаума, направленный на Печору командованием 6-й армии. Советское руководство оценивало положение здесь как критическое. Но упорные бои, продолжавшиеся в Печорском крае и на Пермском участке Восточного фронта, не увенчались соединением сил восточной и северной контрреволюции⁶².

Благоприятно для союзников складывалась военная ситуация на Мурмане. После устранения германо-финской угрозы основные усилия были сосредоточены на подготовке военных действий против большевиков и формировании белогвардейских частей. 16 января отряд союзников овладел населенным пунктом Ругозеро почти в 100 км от станции Сорока. В середине февраля войска интервентов и белогвардейцев под командованием британского генерала Прайса перешли в наступление четырьмя колоннами с целью овладения станцией Сегежа. Их действия облегчались тем, что 164-я финский полк красных был отведен в Петрозаводск в связи с угрозой вторжения белофиннов в южную Карелию, а 41-й стрелковый полк был рассредоточен на расстоянии более 100 км. 19 февраля станция Сегежа была захвачена союзниками и, отразив контратаки большевиков, они продолжали наступление, отбросив неприятеля за р. Сегежу к ст. Уросозеро, где бои шли еще в течение двух последующих месяцев.

Однако внутренняя ситуация на Мурмане оставалась весьма напряженной. Сказывалась острая нехватка финансовых средств, продовольствия, медикаментов и пр. В декабре генерал Мейнард совершил короткую поездку в Лондон, где добился ассигнований в 150 тыс. ф. ст. на нужды края. Этих средств было явно недостаточно и в дальнейшем обстановка в крае продолжала оставаться сложной. У союзного командования сложилось хорошее взаимопонимание с помощником генерал-губернатора В. В. Ермоловым, но он, будчи консерватором по поли-

тическим убеждениям и сторонником жесткого курса, не находил общего языка с рабочими Мурмана, среди которых зрели антиправительственные и антисоюзнические настроения. Крайне тревожило союзное командование положение в финском легионе и карельском полку, где, согласно поступавшей информации, готовилось восстание и требовались срочные меры для его предотвращения⁶³.

Наиболее крупным сражением зимы 1919 г. было шенкурское. Шенкурский плацдарм, глубоко вклинившийся в расположение советских войск, имел важное стратегическое значение. Общая численность войск, объединенных в Важскую колонну под командованием британского полковника Грэхема, составляла 1700 человек. В их распоряжении имелось более 30 орудий и 70 пулеметов. Шенкурск и подступы к нему по р. Ваге были прекрасно укреплены. Шенкурск — изначальный пункт далекоидущих планов наступления большевиков на Севере, конечной целью которого было освобождение Архангельска. На Шенкурск наступали сводные отряды (общей численностью, по различным данным, от 2700 до более 3 тыс. человек, на вооружении которых было более 20 орудий и 50 пулеметов) с трех сторон — от Верх-Паденьги, Кодемы и вдоль р. Ваги. С 19 января развернулись основные бои за город, который буквально накануне покинул находившийся здесь с инспекционным визитом генерал Айронсайд. 23 и 24 января стали решающими днями сражения, Шенкурск был окружен с трех сторон. 24 января полковник Грэхем был возведен в чин бригадного генерала, но ничто уже не могло помочь обороняющимся. От полного уничтожения их спасло то, что в ночь на 25 января они скрытно покинули Шенкурск, отступая по заброшенной лесной дороге, так как основная уже контролировалась большевиками. Тяжелое оружие, склады с амуницией, боеприпасами и продовольствием были брошены в Шенкурске.

В течение двух последующих недель шли упорные бои, в ходе которых интервентам и белогвардейцам удалось остановить наступление советских войск. Последние, продвинувшись примерно на 90 км к северу от Шенкурска, не смогли вместе с тем выполнить главную задачу — выйти в тыл обороны неприятеля на Северной Двине у устья Ваги. Тем не менее итоги шенкурского сражения имели важное военно-политическое и морально-психологическое значение для большевиков. Что касается союзных войск, бои за Шенкурск способствовали дальнейшему падению их морального духа, к тому же они произвели сильное впечатление на общественность стран-участниц интервенции, активизировали движение за вывод войск из Северной России⁶⁴.

Овладение Шенкурском знаменовало переход инициативы на Севере в руки советского командования и оно пыталось развить успех на других участках архангельского фронта. Части 18-й дивизии нанесли в январе удар на Тарасово, планируя в дальнейшем наступать на Селецкое. В конце января советские войска овладели с. Тарасово и начали наступление на Средь-Мехреньгу. Положение здесь сложилось критическим для интервентов и белопартизан, но, получив подкрепление с Мурмана, они сумели отстоять этот район. Бои здесь продолжались в феврале и марте.

Зимой советские части вели успешные наступательные действия на Пинеге. Овладев деревней Труфаногорской, они захватили телеграф и перерезали единственную сухопутную дорогу, связывающую Архангельск с Мезенью, Вашкой, Печорой, и тем самым резко осложнили действия белогвардейцев в Мезенско-Печорском районе. Бои велись на подступах к г. Пинега, но захватить его большевики не смогли⁶⁵.

В целом в ходе боевых действий на архангельском фронте зимой 1919 г. советские войска добились существенных успехов и значительно укрепили свои позиции, что серьезно осложнило положение интервентов и белогвардейцев, вызывало большую озабоченность руководства Северной области и в военно-политических кругах стран Антанты.

Назначенный 14 января военным министром Великобритании У. Черчилль в тот же день телеграфировал У. Айронсайду и Ч. Мейнард, что он уделит особое внимание их трудному положению. Он подчеркнул, что сохранение союзных войск на Севере имеет прежде всего моральное значение. «Лучше рисковать несколькими тысячами человек (хотя риска не будет, если железная дорога будет действовать нормально), — утверждал военный министр, — чем позволить рухнуть всей системе Русско-Сибирского сопротивления Большевику. Какой Мир (!) будем мы иметь, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока будет находиться под властью Ленина?» Черчилль информировал Айронсайда и Мейнарда, что в течение нескольких дней великие державы примут принципиальные решения в Париже, которые будут энергично проведены в жизнь⁶⁶.

16 января Д. Ллойд Джордж на заседании Совета Десяти в Париже выдвинул идею проведения встречи представителей различных русских политических групп и партий с участием большевиков, которая была одобрена В. Вильсоном. 21 января американский президент и британский премьер сумели, несмотря на сопротивление руководителей Франции и Италии, отстоять идею такой конференции. На следующий день текст обращения В. Вильсо-

на «Ко всем воющим группировкам в России» был одобрен на Совете Десяти и радио, и телеграфом распространен по миру. Конференцию планировалось начать 15 февраля на Принцевых островах (Принкипо).

Но предложение это было немедленно отвергнуто белогвардейским Русским Политическим совещанием в Париже. Правительство Северной области в телеграмме в Париж от 27 января сочло это предположительное совещание «по времени неосуществимым, по существу же совершенно неприемлемым, вредным и опасным актом». Резко осудил это предложение по прибытии из Архангельска в Лондон глава ВПСО Н. В. Чайковский. Идея Принкипо была отвергнута и другими белогвардейскими правительствами, так что, несмотря на принципиальное согласие Советского правительства, ей не суждено было быть реализованной⁶⁷.

Выдвижение и обсуждение идеи конференции на Принцевых островах совпало по времени с тяжелыми ударами по войскам союзников на Северном фронте. Генерал Айронсайд обратился в Лондон с просьбой об оказании немедленной помощи. Но в это же время американский дипломат У. Буллит, участник переговоров в Париже высказался за необходимость срочно эвакуировать союзные войска из Архангельска в Мурманск, а оттуда на родину. Он подчеркнул, что «вывод этих войск имел бы большое значение как доказательство полной добросовестности нашего предложения о конференции на Принцевых островах», и предупредил об опасности повторения на Севере трагедии Галлипольской экспедиции⁶⁸.

Но предложение Буллита было отвергнуто* и в центре обсуждения оказалась тема конкретной помощи войскам северного экспедиционного корпуса. Такие меры были изложены в документах британского генштаба от 31 января и 4 февраля. Речь шла о недопущении вывода американских и французских войск, более того, принято решение об отправке на Север дополнительно 2 пехотных, 1 саперного батальона и пулеметной роты (1 пехотный батальон и пулеметная рота — американские, 1 пехотный батальон — французский, а саперный батальон — французский или итальянский), а также замене 10% личного состава экспедиции. Кроме того, британский генштаб настаивал на отправке в Мурманск для обеспечения железнодорожного сообщения со ст. Сорокой 2395 человек (железнодорожные войска, са-

* В феврале 1919 г. У. Буллит по поручению американского и британского руководства выехал в Москву, где встречался в марте с представителями Советского правительства. Но по возвращении его полномочия были дезавуированы.

перы, строители, войска связи и др.), а также на необходимости иметь резерв для Мурманска и Архангельска в составе 1240 человек. Планировалось послать в Мурманск из Франции отряд танков «Рено». 26 и 30 января генерал Мейнард получил приказы из военного министерства и вынужден был направить на архангельский фронт 2 пехотных батальона и пулеметную роту⁶⁹.

4 февраля Черчилль послал Ллойд Джорджу в Париж меморандум генштаба и предупредил, что если не направить подкреплений на Север, то там могут пройти большие неприятности с британскими и союзными войсками, за безопасность которых отвечает правительство Великобритании. Успех большевиков в Северной России, добавлял военный министр, «придаст делу большевиков мощный импульс и это почувствуется не только в Сибири и Южной России, но и во всем цивилизованном мире»⁷⁰.

Однако продолжение интервенции в России и отправка туда подкреплений наталкивались на растущую оппозицию за рубежом. «Последние известия из России о неудачах и поражениях американской экспедиции заставляют местную прессу и общественных деятелей бить тревогу за судьбу американских солдат в России», — писал в Архангельск в феврале 1919 г. представитель Северной области в США Г. А. Мартюшин. «Американская демократия против посылки своих войск в Сибирь и Северную область», — резюмировал он⁷¹.

14 февраля в сенате США состоялось голосование резолюции № 411, внесенной Х. Джонсоном, которая требовала вывода американских войск из Северной России. Лишь голос вице-президента Т. Маршалла перевесил чашу весов в пользу противников этой резолюции.

В феврале американское военное руководство активно обсуждало предложение англичан об отправке в Мурманск двух отрядов железнодорожных войск США общей численностью в 720 человек. 18 февраля военный министр Н. Бейкер направил письмо председателям комитетов по военным делам сената и палаты представителей Конгресса. Он информировал о согласии президента на отправку этих войск, что мотивировалось необходимостью обеспечить большую безопасность союзных солдат на Севере, улучшить снабжение, а если потребуется срочно перебросить подкрепления передовым частям на Мурмане и в Архангельске и, наконец, облегчить быстрый вывод американских и союзных войск из Северной России так скоро, как это позволят погодные условия весной. Известие об этом 20 февраля было получено в Архангельске⁷².

Движение за вывод войск из России нарастало и в Великобритании и не считаться с ним британское правительство не могло. Но в нем по-прежнему присутствовала и другая тенденция, проводимая сторонниками интервенции в России. Наиболее энергично и последовательно отстаивал эту линию военный министр У. Черчилль. Острая дискуссия о русской политике разгорелась на заседании кабинета 12 февраля. Черчилль настаивал на продолжении интервенции, но Ллойд Джордж заявил, что это потребует направления в Россию не менее 1 млн. солдат. В конечном счете начальнику генштаба было поручено выработать документ с прогнозом относительно эффективности следующих направлений политики: интервенция, эвакуация, оказание помощи антибольшевистским правительствам оружием и деньгами.

14 февраля Черчилль прибыл в Париж, где попытался доказать лидерам союзных стран необходимость продолжения военной интервенции в России, но не преуспел в этом. В частности, президент США заявил, что союзная интервенция не принесет ничего хорошего. В России недостаточно войск, чтобы победить большевиков, и никто не сможет послать больше⁷³.

Противоречивые суждения высказывал начальник британского генштаба Г. Вильсон. В его докладной записке от 15 февраля утверждалось, что обязанностью и целью союзников является «сокращение большевизма» путем «решительного наступления» и «совместных акций на всех фронтах». Генштаб предлагал организовать наступление по Северной Двине на Котлас, «чтобы протянуть руку колчаковским силам, наступающим в направлении Вятки». Количество союзных войск на Севере предполагалось увеличить к 15 мая с 23 до 30 тыс., а белогвардейцев — с 11 до 15 тыс. человек. Но вернувшись после поездки с Черчиллем в Париж, где безуспешно отстаивались замыслы продолжения и расширения военной интервенции, Вильсон в докладной записке от 24 февраля высказался уже за скорейший вывод союзных войск с Севера, как только позволят сделать это погодные условия, вероятно начиная с июня. Для обеспечения эвакуации он считал возможным направить в Северную Россию воинские подкрепления⁷⁴.

В конце февраля — начале марта из Архангельска поступили новые тревожные сообщения, свидетельствующие об ухудшении состояния союзных войск. 22 февраля британские солдаты, переброшенные с Мурмана, отказались занять боевые позиции у д. Кодыш. Они требовали ответа на вопросы: «Зачем мы находимся в России?» «Почему воюем с большевиками?» «Как долго мы будем здесь оставаться?» К ним выехал сам генерал Ай-

ронсайд. «Никогда в своей жизни я не встречался с мятежом в британских войсках», — вспоминал он. Двое сержантов, организаторов выступления, были арестованы, судимы и приговорены к пожизненному заключению. Причем, как утверждал Айронсайд, лишь секретный приказ короля не выносить смертные приговоры после прекращения мировой войны спас им жизнь⁷⁵.

1 марта французские солдаты, находившиеся на коротком отдыхе в Архангельске, отказались выступить на фронт. Прибывшие на место Айронсайд и Доноп не смогли убедить их выполнить приказ. 113 солдат были разоружены морскими пехотинцами с французского крейсера «Гвидон» и заключены под стражу. А несколькими днями раньше отказался выступить на позиции отряд французских лыжников (200 человек) на Мурмане. Союзное командование не исключало подобных выступлений и в других воинских частях⁷⁶.

В этих условиях, учитывая также массовое движение протеста в Великобритании против военной интервенции, британский военный кабинет 4 марта принял решение о выводе своих и союзных войск из Северной России в возможно короткие сроки. Военному министру поручалось осуществить необходимые для этого приготовления⁷⁷.

Итак, США и Великобритания приняли принципиальные решения о выводе войск с Русского Севера, но они не скоро и не просто были воплощены в жизнь. Передача эвакуации в руки ярого интервенциониста У. Черчилля привела к тому, что он и его сподвижники предприняли энергичные шаги, чтобы торпедировать принятые решения.

В то же время по мере складывания и развития союза антибольшевистских сил на Севере России обнаруживалась и его внутренняя противоречивость, несхожесть, а нередко и органическая несовместимость составляющих его элементов. Достигнутая политическая коалиция не могла быть достаточно эффективной в условиях гражданской войны и правые силы энергично ратовали за установление военной диктатуры.

Северное правительство, выступая за сохранение и расширение иностранного военного присутствия при ограничении вмешательства союзников во внутренние дела области, отнюдь не преуспело в последнем. Интервенты действительно оказывали правительству разнообразную помощь и, более того, по существу обеспечивали его существование. И в то же время фактическое установление в Северной области оккупационных порядков

подрывало устой режима, лишало власти сколько-нибудь массовой поддержки населения. Фактор патриотизма, который действовал против большевиков после заключения ими сепаратных мирных договоров с Германией, с окончанием мировой войны действовал противоположным образом, то есть стимулируя национальное единение вокруг большевиков.

ГЛАВА 5

ВРЕМЯ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Зимние поражения и решения союзников о выводе своих войск из Северной России, сложные внутривластные процессы в области поставили под вопрос само существование здесь антибольшевистского режима. Но весеннее наступление армий адмирала Колчака возродило надежды на соединение сил северной и восточной контрреволюции, а воинствующий антисоветизм финского руководства вселял надежды на возможность создания единого фронта на Севере и Северо-Западе и осуществление победного натиска на красный Петроград. Замена деморализованных союзных частей новыми добровольными формированиями, укрепление белой армии, становление режима военной диктатуры призваны были упрочить положение Северной области. Разрабатываемые планы борьбы с большевиками на Севере России были частью общего сценария сокрушения большевизма. Но им не суждено было воплотиться в жизнь ни в северном варианте, ни в общероссийском масштабе.

ТРУДНАЯ ВЕСНА ДЕВЯТНАДЦАТОГО

Весна 1919 г. в Северной области ознаменовалась глубоким политическим кризисом. Признаки его явственно обнаружились уже в конце февраля. И дело заключалось не только в резком обострении борьбы между правыми и левыми группировками, но и в размежевании среди левых сил. Часть из них по-прежнему выступала за сотрудничество с правительством. Но под влиянием заметного поправления его политического курса, усиления репрессий, наступления на права рабочих и профсоюзов среди части архангельских социалистов и руководства профсоюзов усиливались настроения в пользу полного разрыва с властями. 23 февраля председатель губсовпрофа меньшевик М. И. Бечин заявил на собрании союза металлистов на судоремонтном заводе об отказе меньшевиков и эсеров в России от борьбы с большевиками и Советской властью. На следующий день он огласил в Городской Думе подготовленную ею секретарем О. И.

Антушевичем декларацию по поводу эпидемии тифа в губернской тюрьме. В ней, в частности, подчеркивалось, что «эпидемии болезни предшествовала эпидемия арестов, которая разрослась до размеров общественного бедствия», и требуется радикальное лечение, чтобы «вырвать болезнь с корнем»¹.

Архангельские меньшевики установили связи с большевистским подпольем города, готовившим вооруженное восстание. Правда, контакты эти ограничивались в основном обменом информацией и оказанием технической помощи. На собрании архангельских эсеров с обсуждением вопроса о конференции на Принкипо большинство высказалось за переговоры о мире с большевиками, резкой критике была подвергнута политика правительства Северной области. Было принято решение о создании законспирированного губкома эсеров во главе с Т. П. Сидниным².

Политическое недовольство особенно усилилось в канун второй годовщины Февральской революции. Мучимые тревожными предчувствиями власти не желали никаких торжеств, но опасались, что в случае запрета пройдут самочинные демонстрации и митинги, которые придется подавлять силой. Разрешив проведение торжественных заседаний на судоремонтном заводе и в Городской Думе, правительство приняло превентивные меры. Был приведен в повышенную боеготовность гарнизон, вооружены сотрудники военных учреждений, проведены массовые обыски в Архангельске в поисках оружия, предприняты попытки пресечь распространение революционных прокламаций.

12 марта на собрании, организованном профсоюзами на судоремонтном заводе с участием более 1000 рабочих, прозвучали выступления профсоюзных лидеров М. И. Бечина, Ф. И. Наволочного, С. М. Цейтлина, Г. В. Успенского, К. Н. Ключева, Ф. А. Семакова, полные уничтожающей критики правительства и требований прекращения гражданской войны. «Советская власть есть естественная и единственная защитница интересов рабочего класса», а правительство «держится лишь при помощи заморских гостей», — утверждалось, в частности, в докладе Бечина. Эти выступления встретили положительный отклик в рабочей аудитории. Аналогичные речи вышеназванных ораторов прозвучали вечером и на многолюдном заседании Городской Думы.

Политический резонанс случившегося был чрезвычайно сильным и власти поспешили прибегнуть к карательным мерам. В ночь на 13 марта в городе были произведены массовые аресты. На чердаке здания губсовпрофа были обнаружены 8 винтовок и револьвер, что послужило формальным основанием для

обвинения руководства профсоюзов в создании склада оружия для свержения правительства. Были изъяты документы совета профсоюзов и произведены аресты его лидеров и лиц, выступавших на собраниях 12 марта*. Местные газеты опубликовали правительственное сообщение с осуждением происшедших инцидентов. Власти обещали «действовать решительно и твердо»³.

В связи с событиями 12 марта разразился затяжной кризис в Городской Думе Архангельска. Усилиями правого блока было выражено недоверие социалистическому руководству в лице городского головы Гуковского и членов управы. Сложил полномочия и президиум Думы, его секретарь Антушевич был арестован. Последующими усилиями союзной и белогвардейской контрразведки удалось разгромить большевистское подполье и предотвратить готовившееся им восстание в Архангельске. Маховик репрессий раскручивался все сильнее.

Крайне напряженная ситуация в конце февраля — начале апреля сложилась на Мурмане. Не улеглись еще волнения, связанные с демонстрациями и митингами в Мурманске, Александровске, Кандалакше в канун годовщины Февральской революции, как генерал Мейнард получил информацию о восстании, назначенном в Мурманске на 23 марта. Его тревога усиливалась ростом недовольства против белогвардейской администрации и союзников в финском легионе и карельском полку, а также сведениями о готовящемся наступлении большевиков. В Мурманске были проведены массовые обыски и аресты. Одновременно Мейнард, Ермолов и командующий союзными военно-морскими силами контр-адмирал Грин обратились со специальными обращениями к населению, предупреждая, что выступление против власти будет авантюрой и на успех восстания нет каких-либо шансов.

31 марта Ч. Мейнард телеграфировал в военное министерство просьбу о срочном направлении подкреплений в связи с полученной информацией о готовящемся 6 апреля восстании финского легиона, к которому мог присоединиться и карельский полк. Их общая численность составляла 3400 человек. Действительно, подготовка к восстанию среди «красных финнов» велась еще с января, предпринимались и попытки связаться с советским командованием. Руководители заговора планировали объединить усилия финского легиона, карельского полка и железнодорожных рабочих, взорвать мосты в районе Кандалакши и, прорвав фронт, соединиться с большевиками.

* 2 июля Бечин, Наволочный, Цейтлин и Клюев были приговорены к 15 годам каторжных работ. Успенский и Семаков скрылись от суда. Антушевич был оправдан.

Британское командование направило в этот район несколько своих отрядов, начало аресты и одновременно переговоры с финскими legionерами. В результате восстание удалось предотвратить. В течение нескольких месяцев союзники вели сложные переговоры с правительством Финляндии, завершившиеся 19 июля 1919 г. подписанием соглашения о репатриации legionеров и в сентябре они вернулись на родину⁴.

Весной произошел ряд инцидентов в американских войсках. В начале марта группа военнослужащих в районе Тулгаса подготовила «Резолюцию № 1» — ультиматум с требованием замены их на фронте не позднее 15 марта, предупреждая, что после этого срока солдаты не будут воевать с большевиками. Заговорщики предполагали арестовать офицеров, заявить советскому командованию о своем желании покинуть Россию и осуществить эвакуацию. Руководители заговора были выданы и арестованы, но командование не посмело сурово наказать их и через несколько дней они были освобождены.

30 марта американские солдаты, находившиеся в Архангельске на 10-дневном отдыхе, отказались вернуться на железнодорожный фронт, требуя объяснить, за что воюют в России. В конце концов полковнику Стюарту удалось убедить их отправиться на фронт, но подобные выступления могли приобрести более опасные масштабы. Консул Пуль телеграфировал в Вашингтон 31 марта о необходимости объявить солдатам, что отдан приказ об их выводе из России и это произойдет так быстро, как возможно, но не позднее 30 июня.

Выступления американских солдат на Севере России вызывали активное обсуждение в печати США, широких кругах общественности. Противники интервенции в Конгрессе заявили, что попытки наказать солдат будут осуждены и угрожали провести расследование как самих инцидентов, так и причин пребывания войск в России и их участия в боях, что противоречило декларациям президента и госдепартамента⁵.

Стремясь воспользоваться кризисным положением в Северной области, советское командование предприняло в марте попытку организации общего наступления с целью овладения Архангельском. Главный удар наносился на железнодорожном направлении, где большевики имели более 4 тыс. человек против 2 тыс. у неприятеля. Основные события развернулись у д. Большие Озерки, которой красные овладели 18 марта, поставив под угрозу ст. Обозерскую и сообщение Архангельска с Онежским районом и Мурманом. Но в упорных боях, которые велись здесь затем в течение месяца, ни одной из сторон не удалось добиться перелома. Безуспешны оказались атаки большевиков и на

других участках. Хотя, как признавал генерал Айронсайд, угроза была велика и, если бы красные атаковали одновременно и скоординированно, то железнодорожный фронт рухнул бы⁶.

Для стабилизации положения в области власти, наряду с ужесточением репрессий, пошли на политический маневр. 31 марта генерал Марушевский издал приказ, разрешающий выезд в Советскую Россию лицам, сочувствующим большевизму. До 10 апреля они должны были зарегистрироваться в штабе командующего, а затем высланы за линию фронта. На это объявление откликнулось несколько тысяч человек*, покинувших территорию области, что способствовало значительной стабилизации политической ситуации.

После мартовского кризиса политическая инициатива перешла в руки правых сил, которые энергично настаивали на установлении в области военной диктатуры. Кандидатура диктатора виделась им в лице генерала Миллера. Игнатьев с тревогой писал в Париж Чайковскому о разрушении созданной последним политической конструкции, основывающейся на «равновесии» между гражданской и военной властью, в результате постепенного «поглощения генерал-губернатором всех функций внутреннего управления». Выход виделся ему в устранении должности генерал-губернатора⁷.

Сам Миллер не форсировал процесс создания военной диктатуры, исходя как из внутри-, так и из внешнеполитических условий. 15 марта посол во Франции В. А. Маклаков телеграфировал из Парижа в Архангельск «о дальнейшем росте авторитета демократических идей в международной конъюнктуре», подчеркивая, что вопрос о признании и оказании помощи антибольшевистским правительствам напрямую ставится в зависимость от их демократичности. Эта телеграмма вызвала известную растерянность у руководства области. «Если демократичность нашего правительства берется под сомнение, то Вы сами знаете, как и почему оно конституировалось именно в таком составе», — писал Чайковскому Зубов⁸.

Чтобы продемонстрировать «демократическое реагирование» на внешнеполитическую конъюнктуру и выпустить пар социального недовольства ВПСО приняло 26 марта постановление о созыве представителей земств и городов «для обсуждения

* Генерал Марушевский полагал, что выехало из области 5—6 тыс. человек. По данным историка В. В. Тарасова, в списки для выезда немедленно записались 7 тыс. человек в Архангельске и 8,5 тыс. в Мурманском крае. Часть была выпущена из области, но многие привлечены к суду (Марушевский В. В. Белые в Архангельске. Л., 1930. С. 177; Тарасов В. В. Указ. соч. С. 131).

вопросов особой государственной важности». К ним были отнесены: налоги, расширение бюджетных прав земского и городского самоуправления, меры борьбы с безработицей, медико-санитарное и продовольственное дело, свободная торговля, образование, суд. Предполагалось, что земско-городское совещание состоится в начале мая, но оно было созвано лишь три месяца спустя⁹.

15 апреля Русское Политическое совещание от имени «объединенных правительств России» направило председателю Парижской Мирной конференции декларацию, определявшую цели «национального движения», в которой подчеркивалось, что оно «борется за осуществление тех самых принципов истинной демократии и социальной справедливости, во имя которых собралась и Мирная конференция». Северное правительство в глазах руководителей союзных стран в целом отвечало тем демократическим началам, которые они хотели бы видеть в российском белом движении. Как свидетельствовал председатель Политического совещания князь Львов, «по демократизму» союзники ставили его на первое место, на второе — сибирское, а на последнее, третье — южное правительство. При этом Львов заметил, что северное правительство «не возбуждает сомнений в реакционности главным образом благодаря Чайковскому и потому, что оно не сильно и не существенно»¹⁰.

Действительно, Чайковский был весьма популярен в политических кругах держав Антанты, а его имя «революционера и демократа» весьма полезно для представительства и защиты интересов белого движения. Апробированные в политической практике Северной области рецепты «среднего» курса, внеклассовости и внепартийности, «равновесия» военной и гражданской властей в управлении находили благожелательный отклик политиков и общественных деятелей союзных стран*, хотя в самой области и происходил уже постепенный отход от этих декларируемых принципов.

Зимой—весной 1919 г. северное руководство делало последовательные шаги по сближению с Омским правительством, Чайковский отказался от своей прежней роли обличителя, а затем превратился в защитника Колчака. В конце марта в

* Наиболее обстоятельно Чайковский обобщил накопленный в Северной области опыт и охарактеризовал особенности военно-политической и правовой организации государственного управления в письме генералу Деникину 23 апреля 1919 г. Он настоятельно рекомендовал использовать этот опыт на Юге, а спустя 10 месяцев сам попытался претворить свои рецепты в жизнь, войдя в состав Южно-Русского правительства. Подробнее см.: Голдин В. И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918—1920 гг.). Вологда, 1989. С. 48—51.

Усть-Кожве на Печоре состоялось соединение специальной северной военной экспедиции с передовыми частями сибирских войск и казалось, что вот-вот будет создан единый фронт против большевиков. Это сулило большие военно-стратегические, морально-политические и экономические выгоды как северной, так и восточной контрреволюции. Войска Колчака, соединяясь кратчайшей морской дорогой с Европой, получали возможность приобрести все необходимое для снабжения армии и тыла. Северная область, войдя под покровительство Верховного Правителя, освободилась бы тем самым от пут тотальной британской диктатуры. Союзники надеялись облегчить свое положение и обеспечить безопасность своих войск на Севере. Наконец, были бы созданы благоприятные условия для решающего натиска против большевиков.

В конце марта генерал Миллер высказался за признание Колчака Верховным Правителем и подчинение ему. В апреле между Архангельском, Парижем (Чайковский) и Омском шел активный обмен мнениями об условиях подчинения Севера правительству Колчака. 30 апреля правительство Северной области, учитывая рекомендации Чайковского и Политического совещания, постановило признать Омское правительство как Временное Всероссийское Национальное правительство и адмирала Колчака как Верховного главу государства (временно). Телеграфируя об этом в Омск, ВПСО оговаривалось, что сохраняет за собой «требуемую обстоятельствами самостоятельность в области практических действий впредь до непосредственного нашего соединения». Правительство информировало союзных дипломатов, выражая надежду, что они признают Временное Всероссийское правительство. Было издано и специальное воззвание к населению¹¹. В качестве представителя ВПСО в Омск был направлен князь Куракин*.

Руководство военного министерства и генштаба Великобритании высказалось за официальное признание союзниками Колчака. 26 апреля Черчилль обсудил этот вопрос с Ллойд Джорджем. Три дня спустя он был вынесен на рассмотрение британского кабинета, а затем перенесен на коллективное обсуждение союзников в Париже.

Тем временем У. Черчилль и его сторонники предпринимали энергичные усилия, направленные на расширение интервенции в России и оказание помощи белому Северу. Впоследствии

* В связи с отъездом Куракина правительство было реорганизовано, и в его состав вошел эсер М. М. Федоров в качестве управляющего отделом народного образования.

Ллойд Джордж жаловался, что они воспользовались его отсутствием в Лондоне. Но, истины ради, следует указать на непосредственность действий самого премьера, который, высказываясь за примирение в России и невозможность решить ее политические проблемы военным путем, посредством интервенции, в то же время санкционировал основные предложения своего военного министра. Так, 8 марта он одобрил направление военных подкреплений на Север, а 4 апреля Черчилль ознакомил членов кабинета с текстом послания Ллойд Джорджа в свой адрес: «Я не хочу какого-либо вмешательства в притотвления, предпринимаемые Вами для осуществления эвакуации и обеспечения безопасности войск в Северной России»¹². Это развязало Черчиллю руки для того, чтобы под предлогом подготовки эвакуации осуществить крупную наступательную операцию с целью разгрома большевиков на Севере и соединения с войсками Колчака.

Для подготовки общественного мнения в консервативной британской печати активно муссировалась тема грозной опасности, нависшей над союзными войсками в Северной области, и необходимости оказания им срочной военной помощи. Военное министерство опубликовало обращение о наборе добровольцев из числа демобилизованных, с хорошей военной подготовкой солдат и офицеров для направления на Русский Север в составе специальных сил поддержки. На обращение откликнулись многие участники минувшей войны. Наконец, в начале апреля была подготовлена «Белая книга» о преступлениях большевиков в России, также призванная содействовать продолжению интервенции¹³.

15 апреля британский генштаб подготовил доклад «Положение в Северной России». В нем рассматривались два возможных сценария развития событий: 1. Архангельское правительство после ухода союзников продолжит свое существование, а русские войска смогут вести боевые действия самостоятельно; 2. Русские войска разложатся, а правительство падет. В этом случае предполагалась эвакуация 18 тыс. русских граждан, в том числе 5 тыс. солдат славяно-британского и французского легионов.

Разумеется, что предпочтительнее было развитие событий по первой схеме. Для этого предлагалось осуществление встречных наступательных действий и соединения северных и сибирских войск. Последние должны были овладеть Вяткой, выйти к Котласу, а при благоприятном развитии событий захватить и Вологду. Генштаб рекомендовал дать Айронсайду директиву о продвижении английских войск при поддержке флотилии на

Котлас. Особую роль при этом должны были сыграть направляемые на Север две бригады добровольцев по 5 тыс. каждая. Численность белой армии планировалось довести к концу лета до 23 тыс. человек и отправить на Север из-за границы 700 русских офицеров. Эти и другие меры, осуществляемые совместно с Адмиралтейством и Форин Оффис, должны были предшествовать эвакуации союзных войск. Предлагаемые генштабом директивы были одобрены военным министром и назначенный начальником штаба к Айронсайду генерал Уолше доставил их в Архангельск¹⁴.

В конце марта — первой половине апреля части 8-го и 4-го Северных полков вместе с британскими и американскими подразделениями вели наступательные бои на Пинеге. В это время белогвардейцы практически полностью контролировали район рек Печоры, а также Мезени и Вашки, откуда советские части отступили на Вычегду и Вымь. Успех боевых действий на Пинеге означал бы переход в их руки огромного Пинежного-Печорского края и возможность установить более прочные связи с войсками Колчака.

В ходе Пинежской наступательной операции союзное командование планировало нанесение ударов по пяти направлениям с переброской войск на большие расстояния. Например, колонна англичан и белогвардейцев должна была совершить 100-верстный рейд из района Усть-Пинеге, чтобы выйти в тыл красным у с. Карпогоры. Незнание реальных условий привело к тому, что эти замыслы осуществить не удалось и наступление завершилось неудачей¹⁵. В целом же, борьба в этих удаленных районах области, и особенно на Печоре, носила крайне жестокий и кровопролитный характер. Нередко она проявлялась в столкновениях небольших партизанских отрядов, утративших политические и социально-классовые разногласия, и превращалась в сведение групповых и личных счетов, взаимное истребление. Типичным проявлением этих жестокостей являлись проруби на глубокой Печоре, дополненные заваленные трупами.

Перспективы антибольшевистской борьбы на Севере в решающей степени определялись состоянием белой армии. В документах весны 1919 г. сквозили довольно оптимистические ее оценки. Численность армии росла за счет новых мобилизаций и командование приближалось к исчерпанию мобилизационной способности области, оцениваемой в 25 тыс. человек. Происходило формирование полков и соединений фронтовых районов. При этом наибольшую озабоченность вызывало комплектование командного состава, и, так как внутренние ресурсы были ис-

черпаны, командование старалось привлечь русских офицеров из-за рубежа.

Весной большая часть русских войск направлялась уже непосредственно на фронт, заменяя деморализованные подразделения союзников. Решению этой задачи способствовало и формирование в городах области национального ополчения, которое брало на себя патрульную и караульную службу. Идея его создания возникла зимой 1919 г. и реализовалась прежде всего в Архангельске. В состав ополченцев зачислялись добровольцы по рекомендации квартальных комитетов. Состоявшее из проверенных лиц, выходцев из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, национальное ополчение представляло собой надежную опору режима. Настоящей белой гвардией называл его генерал Марушевский. Численность ополченцев в Архангельске весной составила 3—4 тыс. человек¹⁶.

Правительство Северной области сочло необходимым отметить заслуги организаторов белой армии Севера. В. В. Марушевский был награжден 18 апреля орденом Белого Орла с мечами, а 30 мая произведен в генерал-лейтенанты. В тот же день Е. К. Миллеру было присвоено звание генерала от кавалерии. Но состояние вооруженных сил области было далеко от идиллии. В конце апреля — мае произошел ряд солдатских восстаний (на Северной Двине в районе Тулгаса, в пулеметной роте Шенкурского батальона и на Пинеге). Русское командование было убеждено, что без союзных войск не удастся удержать область. «Здесь важна была не сила, — рассуждал Марушевский, — а наличие иностранного мундира, в котором простолюдин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоявшую за ним. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими рассуждениями о политических вкусах и идеалах нашего мужика». Твердую силу, по мнению генерала, представляли лишь партизаны, и то, когда сражались в районе своих деревень¹⁷.

Тем временем британское военное руководство предпринимало усилия, направленные на привлечение на Русский Север новых союзных войск или замену деморализованных частей. Обеспокоенность Черчилля вызвали заявления ряда французских высокопоставленных лиц о выводе своих войск из региона. Тревога усиливалась тем, что французы осуществляли в это время поспешную эвакуацию с Юга России. Черчилль лично связался с Клемансо, который в конце концов согласился направить в Архангельск для замены французского контингента пехотный батальон и персонал для 3 артбатареи.

В конце марта—апреле в Мурманск прибыли 720 солдат

американских железнодорожных войск. В середине апреля в Архангельске приступил к своим обязанностям новый командующий войсками американской экспедиции генерал Ричардсон, прибывший с группой офицеров. Накануне он встречался с президентом США В. Вильсоном, который поставил его главной задачей подготовку скорейшей эвакуации из Северной России. Одновременно планировалось значительное расширение американского военно-морского присутствия в регионе: прибытие 2—3 крейсеров и значительного количества небольших военных судов. На Север была направлена и большая группа британских кораблей для северодвинской речной и онежской озерной флотилий. В конце мая в Мурманск вновь прибыл авианосец «Найрана»¹⁸.

4 мая британское военное министерство, руководствуясь полученной тремя днями ранее санкцией премьера, направило телеграмму генералу Айронсайду о подготовке к нанесению мощного удара по большевикам в направлении Котласа для соединения с войсками генерала Гайды. Копия приказа была послана британскому представителю при ставке Верховного Правителя генералу Ноксу, который энергично и небезуспешно добивался от Колчака нанесения главного удара на своем северном фланге для соединения с архангельской группировкой¹⁹.

Ллойд Джордж поставил вопрос о планах соединения союзных войск на Севере с Колчаком на обсуждение Совета Четырех 9 мая, утверждая, что это будет означать конец большевизма, но не встретил энтузиазма по этому поводу у своих партнеров. Вильсон высказался за скорейший вывод союзных войск из России и подчеркнул опасность вмешательства в революции в других странах.

Французы отрицательно отнеслись к давлению англичан на адмирала Колчака с целью заставить его нанести главный удар на северном направлении. Во-первых, они считали, что основное внимание должно быть уделено наступлению его войск на юге и соединению с армией генерала Деникина в своей зоне влияния. Во-вторых, французское руководство напомнило, что, согласно союзным договоренностям, все планы Колчака должны согласовываться и реализовываться через главнокомандующего войсками Антанты в Сибири генерала Жанена²⁰. Но, в конечном счете, не только столкновение интересов и амбиций не позволило союзникам достичь намеченных целей, но прежде всего упорное сопротивление советских войск.

Большие опасения союзного командования вызывала возможность наступления советских частей при поддержке флотилии по Северной Двине сразу вслед за ледоходом, когда оно еще

было лишено возможности вывести свои военные суда из Архангельска. Эти тревоги имели под собой реальные основания. Большевики планировали нанести главный удар вдоль Двины и, отрезав северодвинскую группировку противника посредством выхода в тыл ее войск, наступающих по Ваге, овладеть главной союзной базой в Двинском Березнике. В ходе наступления, начавшегося 25 апреля, советские войска заняли ряд деревень, и в том числе Тулгас на левом берегу Двины, но большего достичь не смогли. Взаимодействие их войск и речной флотилии налажено не было, а командование обороняющихся успешно использовало береговую артиллерию и авиацию. В результате контрнаступления интервентов и белогвардейцев во второй половине мая силы большевиков были отброшены на исходные позиции²¹.

На Мурманском направлении военная инициатива неизменно находилась в руках союзных войск, к операциям которых все шире привлекались белогвардейские части. В связи с вступлением в районы Олонецкой губернии правительство Северной области назначило 10 марта врио ее правительственного комиссара В. В. Ермолова (с сохранением за ним и прежних обязанностей), который приступил к формированию администрации губернии. 11 апреля интервенты и белогвардейцы овладели важным населенным пунктом Уросозеро, а несколько дней спустя взяли под свой контроль весь район Выгозера.

Эти успехи, некоторая стабилизация положения в тылу, наконец прибытие в апреле 500 британских солдат и более 700 американских военных железнодорожников побудили генерала Мейнарда поставить в своих телеграммах в военное министерство 17 и 25 апреля вопрос о проведении наступательных операций с целью овладения станциями Масельская и Медвежья Гора, г. Повенец и выхода на северное побережье Онежского озера. На этом энергично настаивало и белогвардейское руководство, ибо такое продвижение означало не только повышение морального духа войск, но и возможность проведения мобилизации в обширных районах Карелии. Более того, генерал Мейнард считал возможным летом овладеть Петрозаводском и просил выяснить условия совместных действий с Финляндией.

Британское военное министерство в телеграмме от 29 апреля уведомляло Мейнарда, что вопрос о наступлении передает на его усмотрение, но не сможет направить ему новых подкреплений и предупреждало, что ему придется кормить население захваченных местностей. Генерал ставился в известность о политических осложнениях, связанных с Олонецким походом белых финнов, который «полезен как чисто военное предприятие против

большевиков», но «может вызвать антагонизм русских». «Поэтому нежелательно, чтобы вы соединялись с этими финскими войсками, пока мы не получим ясное заверение от Финляндского правительства, что у них нет никаких аннексионистских планов в этой части русской территории», — советовало военное министерство²².

В целом взаимоотношения Временного правительства Северной области, союзников и Финляндии после окончания мировой войны носили сложный и достаточно запутанный характер. Новое финское руководство вынуждено было искать признания и взаимопонимания с державами Антанты, чего нельзя сказать об его отношениях с представителями русского антибольшевистского движения. Смена внешнеполитических ориентиров явно проявилась в возвращении в декабре в Финляндию после полугодового «лондонского сидения» генерала Маннергейма. Он вернулся в качестве главы государства и главнокомандующего; накануне отъезда из Англии состоялась его встреча с генералом Мейнардом.

Финское руководство по-прежнему рассматривало как свою важнейшую задачу присоединение Восточной Карелии. В связи с этим активизировалась деятельность старых и учреждались новые организации: Восточно-карельский комитет национального союза, Комитет по завоеванию Беломорской Карелии; готовилось и правительство для Восточной Карелии, которое должен был возглавить финн Сарйо.

1 января в Хельсинки состоялся так называемый «карельский съезд», организованный Карельским просветительным обществом. Его делегация привезла 19 февраля в Стокгольм для передачи посланникам союзных стран и шведскому правительству адрес с «пожеланиями карел» об объединении с Финляндией и сожалением, что английская военная экспедиция на Мурмане не содействует этому²³.

Но 16—18 февраля в Кеми состоялся другой «карельский съезд». В нем участвовали 15 представителей с мест от Архангельской и Олонецкой губерний. Съезд высказался за провозглашение Карелии самостоятельной страной. Был избран Народный комитет в составе 5 человек, двое из них должны были выехать на Парижскую мирную конференцию. Комитет должен был созвать Учредительное Собрание, призванное объявить самостоятельность Карелии и решить, присоединиться ей к России или к Финляндии.

Посетивший этот последний февральский съезд командир 237-й бригады британский генерал Прайс зачитал телеграмму генерала Мейнарда, в которой указывалось, что «союзное ко-

мандование не поддержит никакого предложения об отделении от России». 7 марта в письме Прайсу Мейнард отказался считать обратившихся к нему членов Карельского народного комитета — «выразителями голоса карельских выборщиков», признав такое право лишь за земским съездом и уездным комиссаром Кемского уезда. А кемское уездное земское собрание осудило решения кемского карельского съезда, расценив их как поспешные действия безответственных лиц, в которых наблюдается «признак чисто империалистических намерений известных кругов Финляндии»²⁴.

Беспокойство британского командования вызвало участие в работе вышеназванного съезда и Народного комитета офицеров карельского полка. Мейнард счел нужным предупредить, что полк создан при помощи союзников для поддержки правительства Северной России, «а не с целью поддержать одну только Карелию». Но конфронтация карельских офицеров и солдат полка сначала с белогвардейцами, а затем и с британским командованием все более усиливалась и в начале апреля потребовались экстренные меры для предотвращения восстания в полку. В дальнейшем часть его солдат дезертировала, часть примкнула к белофиннам, а часть вступила в красные партизанские отряды. 20 мая английское командование издало приказ о расформировании полка и создании ряда новых карельских подразделений²⁵.

Попытки руководства Финляндии добиться поддержки в странах Антанты своих территориальных претензий к России не имели особых успехов. Хотя, с другой стороны, союзники и представители российской контрреволюции довольно активно обсуждали планы использования финских войск для похода против большевиков и овладения Петроградом и Петрозаводском. И на этой основе мог быть достигнут известный компромисс, хотя лидеры белой России и не спешили соглашаться с главными требованиями Финляндии — признанием ее независимости и передачей ей части русских территорий.

Ситуация резко осложнилась, когда в ночь на 21 апреля белофинские отряды так называемой «олонецкой добровольческой армии» перешли границу Карелии и двумя колоннами двинулись на контролируемые большевиками Олонец и Петрозаводск. 23 апреля был захвачен Олонец, куда прибыл из Финляндии заранее созданный оргкомитет, полностью состоявший из финнов во главе с О. Окессоном. Фактически он стал первым олонецким правительством. Надежды, что в ряды «олонецкой добровольческой армии» в массовом порядке вольются жители Ка-

релий, оказались иллюзией и пришлось приступить к вербовке добровольцев из Финляндии.

Наступление белофиннов в Карелии вызвало серьезную обеспокоенность лидеров российской контрреволюции, тревожные телеграммы генералов Миллера и Юденича в Париж и личное послание Миллера Маннергейму*. Под давлением руководства стран Антанты финское правительство вынуждено было дать заверения, что поход добровольцев направлен против большевиков, для оказания помощи местному населению и оно «не стремится без согласия великих держав поставить их перед свершившимся фактом в карельском вопросе»²⁶.

Тем временем бои в Карелии приобретали все более трудный характер для захватчиков. 12 мая они сдали Олонец и «министры» были вынуждены бежать, формально отказавшись от власти в пользу Олонецкой директории во главе с Г. В. Куттеевым. Ее центром стало с. Видлица около финской границы. Очевидно было, что белофинны не смогут самостоятельно овладеть и Петрозаводском. В этих условиях они попытались наладить взаимодействие с британским командованием на Мурмане, войска которого в ходе майского наступления заняли Массельскую, Медвежью Гору, Повенец и вышли к Онежскому озеру.

31 мая в Медвежью Гору прибыл представитель командования «олонецкой армии» с предложением о сотрудничестве для полного очищения от большевиков районов севернее Петрограда. Ч. Мейнард, заинтересованный в таком сотрудничестве, тем не менее, руководствуясь указаниями военного министра, потребовал письменных гарантий, что аннексия Карелии не входит в планы белофиннов. Он также поставил условие, что они должны действовать под его руководством и, если займут Петрозаводск, то должны немедленно передать его русской администрации, а сами уйти. Северное правительство, стремясь наладить сотрудничество с белофиннами и генералом Юденичем, срочно командировало в Финляндию генерала Марушевского²⁷.

Таким образом, весна 1919 г. начавшаяся в Северной области с серьезных внутриполитических и военных осложнений, завершилась некоторой стабилизацией ситуации, переходом военной инициативы в руки интервентов и белогвардейцев и надеждой на то, что соединение усилий союзников, Финляндии, восточной, северной и северо-западной контрреволюции прине-

* Миллер и Маннергейм были однокашниками по Николаевскому кавалерийскому училищу, поддерживали отношения и в дальнейшем и в частности, неоднократно встречались в Париже в 1918 г.

сёт желанные результаты и будет способствовать скорому крушению власти большевиков.

КОНЕЦ СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Лето начиналось обнадеживающе для северной контрреволюции. 27 мая и 10 июня в Архангельске состоялись торжественные встречи двух бригад британских добровольцев общей численностью более 8 тыс. человек. Сюда прибыли также американский крейсер «Де Мойнс» и английские военные суда для укрепления речной флотилии.

В это же время состоялся обмен посланиями между главами держав Антанты и адмиралом Колчаком об условиях оказания помощи Всероссийскому и присоединившимся к нему правительствам в борьбе с большевиками*. 3 июня совещание руководителей союзных стран высказало удовлетворение полученными от Колчака заверениями «о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей» и выразило готовность предоставить ему и другим правительствам необходимую помощь²⁸. Это решение стало важной вехой в деле развития сотрудничества союзников с антибольшевистскими силами России.

10 июня указом Верховного Правителя войска и флот Северной области были слиты в единое целое с сибирскими вооруженными силами, а генерал Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северном фронте. 23 июня в Архангельск прибыл представитель штаба Колчака штабс-капитан Бекиш. В его обязанности входило установление постоянной связи с командованием Северного фронта, а также с генералом Юденичем и руководством Финляндии²⁹.

Тем временем командование интервентов на Севере вносило последние коррективы в планы летней кампании. В направленных генералом Айронсайдом в Лондон 6 июня предложениях ключевой являлась идея овладения Котласом в надежде со-

* 1 июня генерал Миллер уведомил консула Франции в Архангельске Гияра об одобрении полученной декларации союзников в части невозможности установления мира внутри России путем сношений с советскими властями и высказался за признание правительства Колчака и оказание помощи всем антибольшевистским правительствам. В телеграммах Миллера в Омск 8 и 9 июня приветствовался сам факт обращения союзников как отказ от попыток соглашения с большевиками, но указывалось на недопустимость ультимативного тона декларации и несогласие с рядом ее положений — о сроках созыва Учредительного Собрания, о признании национальных государств (ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 248—249 об; Ф. 176. Оп. 3. Д. 17. Л. 17—20).

единиться с сибирскими войсками. Наступление планировалось на начало июля. Вся операция, осуществляемая силами британской и славяно-британской бригад при поддержке флотилии и авиации, должна была занять около 15 дней. В дальнейшая смешанная бригада оставалась в Котласе, а британская бригада должна была, двигаясь вверх по Вычегде, соединиться с войсками генерала Шапошникова. Вторая британская бригада и белогвардейцы должны были нанести большевикам удары на Пинежском, Важском и железнодорожном направлениях. Эвакуацию* союзных войск планировалось завершить в октябре—ноябре 1919 г.³⁰

Черчилль направил план Айронсайда в Париж для одобрения его Ллойд Джорджем и тот 10 июня выразил согласие на его реализацию. На следующий день военный министр добился утверждения этого плана на заседании военного кабинета. Но полученные известия о поражениях войск Колчака вызвали серьезные сомнения в Лондоне о реальности только что одобренного плана. Этот вопрос вновь был обсужден военным кабинетом 18 июня и после острой дискуссии принятие окончательного решения было перенесено на 27 июня.

На этом заседании, проходившем под председательством лорда Керзона, Черчилль и генерал Вильсон упорно отстаивали согласованный с Айронсайдом план операций, предполагавший наступление на Котлас и при благоприятном развитии событий соединение с Колчаком. Это позволило бы обеспечить самостоятельное существование Северной области и спокойно, без нанесения ущерба престижу Великобритании эвакуировать войска. Если бы даже соединение с сибирскими войсками не состоялось, то превентивные удары по большевикам способствовали бы безопасному выводу союзных контингентов. Военные руководители уверяли, что большевики неспособны оказать существенное сопротивление и удастся избежать значительных потерь.

Подчеркнем, что Черчилль рассматривал северную ситуацию в общем контексте борьбы с большевиками в России, считая необходимым оказывать всемерную помощь белым армиям и в дальнейшем. Члены кабинета были обеспокоены прежде всего благополучной эвакуацией войск из Северной России. В конечном счете предложения руководителей военного ведомства были одобрены и в тот же день Айронсайду была направлена телеграмма, санкционирующая наступление³¹.

* Эвакуация союзников началась 3 июня, и в течение первого месяца Север покинули более 3200 американских, французских, британских и сербских солдат.

В это время вновь возродились планы использования чехословаков общей численностью до 30 тыс. человек для прорыва фронта большевиков и соединения с архангельской группировкой с последующей их эвакуацией на родину из северных портов. У. Черчилль внес меморандум по этому вопросу на обсуждение Совета Четырех 25 июня. Но неоднократное обсуждение этой проблемы как в этом органе, так и в Верховном военном совете Антанты не дало в конечном счете результатов. Генерал Жанен запретил переброску войск чехословацкого корпуса и таким образом надеждам использовать его в качестве ударной силы для соединения сибирских и северных войск не суждено было сбыться³².

В начале июня белогвардейцы и интервенты предприняли попытку наступления на Пинега для соединения с войсками Мезенско-Печорского района. Упорные бои вновь развернулись за Усть-Почу. Артиллерия белых выпустила здесь более 7 тыс. снарядов, в том числе значительное количество с удушливыми газами. Но после контрудара красных от реализации наступательных замыслов пришлось отказаться. Полковник Дилакторский был заменен на посту командующего войсками района прибывшим из-за границы генералом Петренко³³.

В это же время вспыхнуло антибольшевистское восстание на Шуньгском полуострове в Карелии. Генерал Мейнард перебросил туда по озеру отряд в составе 400 белогвардейцев, оружие и снаряжение для повстанцев. Командующий белогвардейскими войсками на Мурмане генерал Скобелев предпринял наступление для соединения с полуостровом по суше, но безуспешно. В этих условиях, хотя британское военное министерство и не рекомендовало дальнейшего продвижения на юг, Ч. Мейнард отдал приказ о наступлении объединенными силами союзных войск и белогвардейцев.

Наступление началось 13 июня и 6 июля была наконец взята станция Каппесельга, что дало возможность соединиться с повстанцами. Бои здесь продолжались и в дальнейшем, положение упрочилось лишь в начале августа. Боевые действия на суше сопровождались столкновениями Онежской флотилии красных с формируемыми флотилиями белых и интервентов. Последние сумели сначала отразить удары советских кораблей, а затем постепенно овладели инициативой³⁴.

Летом продолжались поиски компромисса между белофиннами, союзниками и русскими властями Северной области во имя совместной борьбы с большевиками. 21 и 27 июня состоялся обмен посланиями между командующим «олонецкой добровольческой армией» полковником Сихве и генералом Мейнард.

дом. Белофинны, высказываясь за совместные действия с войсками Антанты, настаивали на отводе финского легиона, русских белогвардейцев и их администрации с той части территории, где они могли соприкасаться с олонецкими войсками. Мейнард отказался принять эти условия. Он подчеркнул, что не может войти в сношение по вопросу о сотрудничестве с олонецкой армией до тех пор, пока не будет уведомлен, что она действует по приказам финского правительства и пока не будет достигнуто договоренности о переходе захваченной ей территории под контроль русской администрации. Вместе с тем Мейнард извещал полковника Сихве, что отдал распоряжение войскам «работать в согласии со всяким отрядом Ваших сил, с которыми придется войти в соприкосновение».

27 июня войска олонецкой армии были выбиты красными из Видлицы — их главной базы. В результате этого была вынуждена отступить и колонна белофиннов, находившаяся на подступах к Петрозаводску. Правительство Финляндии рассматривало вопрос о направлении в Восточную Карелию своих регулярных войск. В начале июля оно обратилось к генералу Мейнарду через британскую военную миссию в Гельсингфорсе с предложением о совместных действиях против Петрозаводска. Финские дипломаты поставили этот вопрос перед руководством союзных держав, выдвигая одновременно идею проведения плебисцита среди карельского населения с представлением результатов его в Лигу Наций и Учредительное Собрание России³⁵.

В июне состоялся визит в Финляндию генерала Марушевского. Заметим, что генералы Айронсайд и Мейнард пытались убедить русского командующего отказаться от этой поездки, всячески противодействовал ей и глава британской военной миссии в Гельсингфорсе генерал Гоф. Англичане руководствовались принципом «разделяй и властвуй»; понимая что взаимодействие северного правительства с Финляндией и Юденичем будет означать ослабление их влияния в Северной области и в целом на российское белое движение.

В ходе встреч Марушевского с Маннергеймом и членами его кабинета были подробно обсуждены вопросы и условия сотрудничества в борьбе с большевиками. Тема совместных действий и отношений с Финляндией была рассмотрена Марушевским в ходе беседы с генералом Юденичем*. Представитель се-

* Как вспоминал Марушевский, Юденич принял его «сухо-официально». Объяснение этого кроется в претензиях северного правительства на Петроград, о чем оно информировало Верховного Правителя 4 июня 1919 г. (Марушевский В. В. Белые в Архангельске. С. 227; Красный архив. 1940. № 1. (98). С. 129).

верного правительства одобрил разработанный сотрудниками Юденича проект соглашения с Финляндией, главными пунктами которого были: признание ее независимости, уступка Печенги и организация плебисцита о присоединении к Финляндии в ряде уездов Олонецкой губернии, прилегающих к финской границе.

Вернувшись в Архангельск, генерал Марушевский выступил активным поборником тесного сотрудничества с Финляндией. В своем докладе от 19 июля он настаивал на немедленном направлении миссии в Финляндию для заключения военного договора, «заранее соглашаясь на все условия, которые она предложит». Эта точка зрения была поддержана правительством и генералом Миллером и доложена им Колчаку. Верховный Правитель и его кабинет выражали заинтересованность в военных операциях Финляндии против большевиков, но в то же время, руководствуясь великодержавными амбициями, отвергали условия Финляндии и предложения генералов Миллера, Марушевского и Юденича как неприемлемые³⁶.

Таким образом, при наличии общей заинтересованности в совместной борьбе с большевиками глубокие противоречия между руководителями белого движения, держав Антанты и Финляндии сделали поход ее регулярных войск против Советской России невозможным, что предопределило во многом исход сражений на Севере и Северо-Западе страны.

20 июня 3-й стрелковый полк белых и 2-й батальон Гэмпширского полка англичан при поддержке флотилии и авиации нанесли удар по советским позициям на Двине. Эта атака, ставшая прологом главного наступления на Котлас, увенчалась успехом. Был окружен и понес большие потери 479-й стрелковый полк красных, 500 человек, включая и командира полка, были взяты в плен. Наступающие овладели Топсой, Троицей и рядом других населенных пунктов на правом и Тулгасом на левом берегу Двины³⁷.

Казалось бы ситуация складывалась благополучно, но генерала Айронсайда мучили недобрые предчувствия. Он видел глубокие противоречия в белом лагере и не верил, что антибольшевистское движение может стать истинно национальным. Впрочем, эти неутешительные выводы он доверял пока лишь своему дневнику³⁸. Отступление войск Колчака делало все более призрачными надежды на соединение с ним, а падение уровня воды в Двине ставило под сомнение возможность продвижения флотилии к Котласу и овладение им.

Переход в наступление был окончательно сорван серией восстаний в белогвардейских частях в июле 1919 г. В ночь с 6 на

7 июля вспыхнул мятеж в районе Топса-Троица в 1-м батальоне Дайеровского полка, сформированного при личном участии Айронсайда из пленных красноармейцев и заключенных губернской тюрьмы. Колебания усилились и в соседнем 4-м стрелковом полку. Совместными действиями интервентов и белогвардейцев восстание было подавлено. 11 человек расстреляно, часть брошена в тюрьму, а остальные вместе со 2-м батальоном Дайеровского полка реорганизованы в рабочий батальон. Это восстание «было для меня сильнейшим шоком, большим, чем я признавался себе даже в самых сокровенных мыслях», — писал в мемуарах У. Айронсайд³⁹.

21 июля произошло еще более крупное восстание в 5-м стрелковом полку. Командование его было арестовано. Рухнул Онежский фронт и Северная область оказалась как бы разрезанной пополам. Сухопутное сообщение с Мурманом было прервано, а тылу Мурманского фронта стала угрожать большая опасность. Попытка интервентов и белогвардейцев в начале августа вернуть Онегу успеха не имела. 22 июля произошел мятеж двух рот 6-го Северного полка на железной дороге. Группа солдат перешла к большевикам, остальные были обезоружены, а 4 человека расстреляны. Аналогичное выступление готовилось в Селецком, но его удалось предотвратить. «Состояние русских войск таково, что стало ясно — все мои усилия по сплочению Русской Национальной Армии определенно потерпели неудачу», — телеграфировал генерал Айронсайд в Лондон 22 июля. — Необходимо эвакуироваться как можно скорее, если только численность британских сил здесь не будет увеличена»⁴⁰.

Выступления в белой армии были отражением процессов, происходивших в тылу, а на этом стоит остановиться подробнее. Настроение городского населения было в массе своей пассивно-равнодушным, а рабочих — оппозиционным к властям. Правда, удары, нанесенные по руководству профсоюзов весной, заставили его новых лидеров действовать более осторожно и лояльно по отношению к правящей администрации. В диалоге с ее представителями и предпринимателями профсоюзы ставили такие вопросы, как создание отдела труда, о безработице, о минимуме зарплаты, о прекращении репрессий и произвола в отношении рабочих и др.

Отсутствие существенного прогресса в этих переговорах заставило руководство губсовпрофа апеллировать в Омск. 22 июня в телеграмме на имя главы правительства П. В. Вологодского был выражен протест против политики местных властей, чьими «непродуманными действиями создаются условия, быстро толкающие массы на большевизм». Совет профсоюзов про-

сил командировать в область комиссара труда для обследования сложившейся ситуации⁴¹. Но это обращение осталось безрезультатным.

В августе профсоюзы обратились к земско-городскому совещанию с выдержанной в резких тонах докладной запиской «О состоянии Северной области». «Власть, которая взяла на себя управление областью, оказалась неспособной понять политическую ситуацию, — подчеркивалось в ней, — она подходила к созданию области старыми, испытанными во времена царизма методами». Профсоюзы призывали созвать областное учредительное собрание, создать демократическое правительство, восстановить права и свободы граждан, прекратить массовые репрессии⁴². В это время резко возросла угроза новых антиправительственных выступлений рабочих.

Летом осложнилась ситуация в деревне, которая до этого оценивалась как достаточно благополучная. Причины заключались в усталости крестьян от войны, тяжелом бремени реквизиций и повинностей, которое легло на их плечи. Причем, генерал Миллер выделял как главный фактор «непонимание деревней целей борьбы с большевиками»⁴³. С большими трудностями столкнулись власти в земельной политике.

4 апреля правительство Северной области приняло завершающее постановление в триаде основополагающих земельных законов — «О передаче монастырских, архиерейских, церковно-причтовых земель в ведение земства», которым власти стремились примирить интересы крестьян, приступивших в послереволюционный период к переделу этих земель, и духовного ведомства. В ведении монастырей оставались земли, необходимые им как самостоятельной трудовой земельной общине или имеющие культурно-экономическое значение. Порядок передачи и размеры монастырских и архиерейских земель, подлежащих переходу к земству, определялись особой комиссией в составе представителей земства, епархиального управления и отдела земледелия ВПСО. Церковно-причтовые земли передавались земству во всем объеме, а причт наделялся землей по норме, установленной из тех земель, которые раньше находились в его пользовании, посредством особого соглашения волостного земства с церковно-приходским собранием. Основание и порядок распределения земель духовного ведомства определялись волостными и уездными земскими управами⁴⁴.

Процесс реализации этого постановления шел непросто. Правые круги оценили документ как «политическую ошибку», а духовенство как «попрание своих прав». С подозрением отнеслись к нему крестьяне, фактически пользовавшиеся этими землями

с лета 1918 г. В ряде случаев дело доходило до прямых столкновений. Например, в Рикасовской волости Архангельского уезда из-за конфликта вокруг церковно-причтовых земель были арестованы 16 крестьян, в том числе председатель и 9 гласных волостного земства. Лишь 11 июля была разработана инструкция о порядке передачи земель духовного ведомства земству. Но к началу 1920 г. церковно-причтовые земли были приняты земством лишь в 23 приходах из 275. Губернская земская управа решила оставить за крестьянами в 1919 г. часть монастырских земель, находившихся в их пользовании⁴⁵.

Еще сложнее обстояло дело с реализацией постановлений о расчистках и оброчных статьях. Зажиточная часть крестьянства требовала срочного возвращения своих земель. Но основная часть деревни выступала против этого, ссылаясь на трудное военное время и потребность в таком случае нового общего передела земель, что было бы невозможно без крестьян-фронтовиков. Дело затруднялось и отсутствием инструкции о порядке передачи расчисток. Правда, 4-я сессия губернского земского собрания утвердила ее в мае и обратилась в правительство с просьбой внесения ряда изменений в закон о расчистках, однако ответа на свое обращение не получила. Консультация при управляющем отделом земледелия и отдел юстиции сочли 15 из 41 статьи инструкции земства подлежащими исключению как не согласованные с действующим законом, и лишь 19 статей не вызвали возражений.

В конечном счете губернская земская управа, откликаясь на многочисленные просьбы крестьян, обратилась к правительству с просьбой отложить, впредь до согласования инструкции, рассмотрение дел о расчистках, а также разрешить собрать урожай с них лицам, к которым они перешли до 13 января 1919 г. 25 июля северное правительство удовлетворило эту просьбу «в виде исключения», указав на необходимость возмещения по взаимному согласию убытков, понесенных действительными владельцами расчисток. При этом ВПСО руководствовалось документами и указаниями Всероссийского правительства в Омске, стремившегося к выработке общих оснований земельной политики в стране⁴⁶. Политический смысл этих решений заключался в стремлении привлечь на свою сторону основные массы крестьянства, а оговорки о временном характере и исключительности этих мер должны были успокоить имущие слои деревни.

Правительственная политика «среднего» курса нашла своеобразное преломление в сфере аграрных отношений. В связи с критикой земельных законов за неопределенность их содержания В. И. Игнатьев утверждал, что напротив, их главное досто-

инство заключается в гибкости и эластичности, которые в зависимости от последующего разрешения аграрного вопроса во всероссийском масштабе дадут возможность сделать из них вывод в сторону укрепления собственности, или в развитие идеи социализации земли⁴⁷. По существу же земельное законодательство правительства Северной области осталось на бумаге. Правые силы в административных и судебных учреждениях всячески тормозили реформы. А права и порядок действий земельных учреждений по земельным делам являлись неудовлетворительными и недостаточными для осуществления намеченных земельных преобразований. Все это в конечном счете вызывало законное недовольство крестьян.

«То, что окончательно расстроило планы интервенции, — не без серьезных на то оснований утверждал Ллойд Джорж, — так это неумение или нежелание антибольшевистских лидеров выполнять свои обязательства о земле». А генерал Айронсайд конкретизировал суждение своего премьера применительно к Северной России: «Было совершенно невозможно вызвать среди русских крестьян какой-либо энтузиазм в пользу возвращения к антисоветскому режиму». Всеобщее восстание на Севере, по его мнению, сдерживалось лишь наличием союзных войск⁴⁸.

Положение Северной области во многом определялось состоянием ее финансов. Область неспособна была вести самостоятельно дорогостоящую войну, полностью зависела от снабжения из-за рубежа. Отсюда происходила полная зависимость русских властей от союзников, и прежде всего от англичан, и местная администрация стремилась лишь несколько ослабить ее пути посредством диверсификации внешнеэкономических связей и всемерной активизации деятельности русского частного капитала и кооперации.

Весной англичане выступили с программой оздоровления финансово-экономической ситуации в крае, включавшей в себя в качестве главных пунктов введение единообразия денежного обращения в виде северных рублей, повышение их курса в отношении общерусских денег, введение контроля разрешений на ввоз в область вместо контроля заграничных балансов, стимулирование экспортеров леса и других материалов с внесением выручки в Банк Англии на счет Государственной Эмиссионной Кассы⁴⁹.

Однако предложения англичан вызвали сомнения у местного правительства. Введение северных рублей означало полную зависимость от Великобритании, а в случае соединения с Сибирью область оказалась бы в сложном положении, ибо они не могли иметь хождения в других районах страны. Повышение

англичанами их курса по отношению к общерусским деньгам* было по основной массе населения, так как северные рубли имелись лишь у наиболее зажиточных слоев — торговцев, предпринимателей, чиновничества.

В апреле была начата перфорация денежных знаков всех видов с целью оградить область от их наплыва из-за рубежа и из Советской России и для учета денежной массы. В Госбанке и уездных казначействах на купюрах выбивались буквы «ГБСО» — Государственный банк Северной области. Но эта акция имела больше негативных, чем положительных результатов. Изъятие денег, особенно на местах, на значительный срок вызывало недовольство населения, подогреваемое пропагандой большевиков, что правительство конфискует народные накопления. Поэтому население широко прибегало к перфорации «домашним способом», а Госбанк вынужден был принимать такие кредитные билеты, ввиду их недостатка. Значительная часть населения вообще уклонилась от перфорации, особенно крупных кредитных билетов, так как нештатпелованные стали приниматься охотнее и даже цениться дороже.

Союзные державы не удовлетворили просьбу ВПСО о предоставлении займа в 300—400 млн. руб. Но англичане высказали союзникам иное предложение: вместо займа, который северное правительство может потратить на что угодно, взять на себя ответственность за финансирование государственных расходов области в сумме до 10 млн. северных рублей в месяц (по 2,5 млн. от каждой из стран — Англии, Франции, США и Италии). В таком случае правительство Северной области несло бы лишь местные расходы. Французы выплачивали свою долю расходов, но США и Италия отнеслись к этому проекту без энтузиазма и отвергли ссылку на мурманское соглашение (от 6 июля 1918 г.) как утратившее силу после аннексии края ВПСО. Все это в конечном счете вело к ухудшению положения как правительства, так и населения области. В. В. Марушевский с солдатской прямоотой утверждал, что финансовая политика правительства «заслужила полное недоверие населения и привела это население к краху»⁵⁰.

Центральное место по-прежнему занимала тема внешнеторговых связей и снабжения области. В мае под давлением местных деловых кругов правительство либерализовало условия внешней торговли и прежде всего ввоза товаров из-за рубежа. Была отменена практика разрешений на ввоз импортных то-

* Курс северных рублей к общерусским, составлявший первоначально 40:48; летом 1919 г., был равен 40:80, а к уходу англичан — 40:100.

варов, за исключением фиксированного перечня предметов роскоши; грузы, ввезенные по безвалютному обмену, находились в полном распоряжении их хозяев, отменялось правило присылать товары только в адрес Главного комитета снабжения. Все это должно было стимулировать предпринимательскую деятельность и улучшить снабжение области.

Но отмена ограничений на импорт повлекла за собой скупку северных рублей и перевод их через Эмиссионную Кассу на фунты стерлингов в Лондон. В результате фонд, обеспечивающий выпуск северных рублей, стал сокращаться и правительство лишилось займов в Эмиссионной Кассе. 21 июня ВПСО приняло предложение П. Ю. Зубова о ввозе товаров лишь первой необходимости и всяческом поощрении экспорта. Это решение было направлено на согласование союзникам⁵¹.

Увеличению объемов экспорта мешали дефицит имеющихся грузов, незаинтересованность местных лесопромышленников, нехватка тоннажа и рабочей силы. Безуспешны были попытки Северного правительства добиться возвращения англичанами реквизированных русских судов. Тщетны были и усилия русских властей по отмене действия российско-британского договора 1916 г. о мерах обеспечения перевозки военных грузов на Север, ссылаясь на который англичане запрещали вход в северные порты как нейтральных, так и союзных судов без предварительного согласования с британским Адмиралтейством. Англичане не желали снимать свой «железный занавес» с портов Севера, чтобы сохранять контроль над его экономикой.

В условиях начавшейся эвакуации союзников руководство области, обеспокоенное перспективами ее самостоятельного существования, предпринимало настойчивые усилия, направленные на получение затреничной финансовой помощи, создание запасов продовольствия, промтоваров первой необходимости, каменного угля, концентрацию всех местных ресурсов для борьбы с большевиками.

Но вернемся к анализу политических процессов в Северной области. 12 июля на заседании правительства был обсужден вопрос об его упразднении в настоящем составе и передаче всей власти главнокомандующему. Правительство постановило, что «при наличии Всероссийской Верховной власти в Омске дальнейшее самостоятельное существование Правительства Северной области не отвечает целям воссоздания единого русского государства и укрепления Верховной власти». ВПСО решило ходатайствовать перед адмиралом Колчаком о сложении своих полномочий в пользу главнокомандующего генерала Миллера, который должен был реорганизовать военное и гражданское

управление областью. До получения согласия из Омска. управляющие отделами должны были выполнять свои служебные обязанности⁵². Тем самым был сделан важный шаг на пути к военной диктатуре.

Решение о самоупразднении правительства вызвало противоречивые оценки, немало вопросов и сомнений. Одобрительно отнеслись к этому правые силы, командный состав и кадровое офицерство. В левоцентристских кругах, согласившись в принципе с принятым решением, сочли, что момент для создания военной диктатуры выбран неудачно. «Я опасаясь, — писал А. А. Иванов Н. В. Чайковскому, — что он будет последним шагом, выбивающим какую-либо идеологическую основу из сознания крестьянских масс для борьбы их с большевиками». В то же время, он заверял, что вместе со своими сторонниками приложит все усилия, чтобы «облечь новую власть максимумом народного доверия». Намеченная реорганизация не была одобрена в телеграмме из Парижа от 29 июля за подписью князя Львова, Сазонова и Маклакова⁵³.

Сам генерал Миллер, учитывая сложность внутренней ситуации, усугубляемую предстоящей эвакуацией союзников, действовал осторожно, не афишировал приверженность идее военной диктатуры и отдавал окончательное решение на усмотрение Верховного Правительства.

Ситуация в Архангельске в связи с восстаниями в белой армии и организация эвакуации союзных войск обсуждались на заседаниях британского военного кабинета 23, 25 и 29 июля. Свои предложения прислали в Лондон генералы Айронсайд, Мейнард и уполномоченный Хоор. Члены кабинета, за исключением Черчилля, весьма критически оценили итоги военной интервенции в России и на Русском Севере. Ллойд Джордж заметил, что лишь один человек в кабинете (имея в виду Черчилля) всегда настаивал на интервенции для разгрома большевиков, но он лично всегда был против этого. Кабинет высказался за скорейшее осуществление эвакуации из Северной России, но против предложения Хоора о переговорах с большевиками о перемирии для безопасного вывода войск. Айронсайд получил полномочия провозгласить себя военным диктатором Архангельского района. Было решено эвакуировать до 13,5 тыс. русских, уничтожить военные склады, которые нельзя было вывезти, и передать местному населению остающиеся запасы продовольствия. Соответствующие инструкции были направлены в Мурманск и Архангельск⁵⁴.

Верховное руководство эвакуацией было поручено опытному военачальнику генералу Г. Роулинсону, который 4 августа вы-

ехал в Архангельск. В его распоряжение были выделены 2 батальона пехоты и 1 — морских пехотинцев, 2 пулеметных и 1 инженерная роты, 5 танков⁵⁵.

В конце июля Айронсайд и Хоор проинформировали русские власти о завершении эвакуации союзных войск до зимы. Правительство высказалось за продолжение борьбы на Севере, хотя и оценивало ее перспективы весьма скептически. Главные надежды связывались с разгромом большевиков на других фронтах. Соответствующие телеграммы были направлены Колчаку, Сазонову и Юденичу. Генерал Миллер настаивал на немедленном выступлении Финляндии против большевиков⁵⁶.

2 августа правительство Северной области ввиду создавшегося положения отменило свое решение от 12 июля о передаче всей полноты власти в руки главнокомандующего. А спустя 6 дней после консультаций с представителями земского и городского самоуправления правительство было реконструировано. Для придания ему демократического облика из его состава были выведены наиболее одиозные фигуры правой ориентации — Городецкий и Мефодиев. Ввиду наличия в области главнокомандующего, были упразднены генерал-губернаторство, отдел внутренних дел и должность командующего войсками, соответственно покинули правительство генерал Марушевский и Игнатьев. Председателем правительства вновь стал отсутствующий Чайковский, а его обязанности исполнял по-прежнему Зубов. Из старого состава в кабинет вошли также Миллер и Федоров. Были введены в правительство беспартийные И. В. Багриновский и Н. И. Каменецкий. Первый, бывший городским головой Архангельска, стал начальником губернии с правами управляющего отделом внутренних дел, а второй возглавил отдел финансов, торговли и промышленности. Управделами ВПСО с временным исполнением обязанностей инспектора труда стал меньшевик К. Г. Маймистов. Вакантными остались должности членов правительства от городского и земского самоуправления⁵⁷.

Для продолжения борьбы с большевиками необходимо было заручиться поддержкой населения — именно эту цель преследовал созыв в августе в Архангельске земско-городского совещания. Выступившие на открытии форума П. Ю. Зубов и Е. К. Миллер охарактеризовали всю тяжесть сложившейся ситуации и сформулировали главный вопрос, на который должны были ответить делегаты: Способна ли область самостоятельно продолжать борьбу с большевиками и готовы ли они оказать властям необходимую поддержку в этом?

Тон обсуждению был задан председателем совещания, гла-

вой губернской земской управы эсером П. П. Скомороховым. Главной причиной глубокого кризиса в области он назвал недоверие между правительством и населением. Охарактеризовав политику правительства как недемократическую и репрессивную, он призвал к его реконструкции, установлению демократического строя, амнистии политзаключенных. Но лейтмотивом его выступления стал призыв к продолжению войны и по возможности вместе с союзниками. В пользу сотрудничества с властями, ради продолжения борьбы с большевиками, высказался один из лидеров местной демократии А. А. Иванов и другие делегаты.

Одним из центральных вопросов стало конституирование совещания и его взаимоотношения с правительством. Последнее опасалось, что делегаты могут провозгласить себя законодательным органом. Но они скромно проголосовали за реконструкцию власти «при участии» совещания и создание представительного органа области. Земско-городское совещание должно было периодически созываться правительством. Делегаты одобрили реорганизацию правительства, в которое дополнительно вошли беспартийный В. Н. Цапенко, возглавивший учрежденный отдел труда, а также эсеры П. П. Скоморохов и Е. В. Едовин от земского самоуправления и земско-городского совещания.

Одним из наиболее острых на совещании стал вопрос об амнистии. В конце концов требование об амнистии всех политзаключенных (кроме большевиков) было отвергнуто властями. А деятельность комиссии по амнистии после совещания была постепенно ими «спущена на тормозах».

Совещание приняло обращение к населению области и грамоту к воинам Северной Армии о продолжении борьбы с большевиками. Делегаты утвердили также воззвание к союзным народам и правительствам с просьбой оставить войска на Севере. А в Великобританию отправилась делегация совещания, поездка которой, впрочем, оказалась безрезультатной. На этом форуме прервал свою работу, но продолжалась деятельность избранных им комиссий по обороне, внутреннему управлению и по выработке положения о 'представительном органе'⁵⁸.

Земско-городское совещание в целом оправдало возлагаемые на него надежды властей, способствовало определенному укреплению их позиций, благоприятно воздействовало на общественное мнение. «Если перемены утвердятся и будут осуществлены либералами и умеренными социалистическими элементами, — телеграфировал в Вашингтон Ф. Коул, — это будет большим шагом вперед в русском политическом развитии и вехой в строительстве демократической России»⁵⁹. Но надеждам

на поднимающуюся над Севером зарю демократии не суждено было сбыться. Ее проблески сменились вскоре режимом военной диктатуры.

Одновременно с земско-городским совещанием вопрос о целесообразности продолжения борьбы обсуждали военные. Генерал Роулинсон, прибывший 11 августа в Архангельск, провел ряд совещаний с союзным и русским командным составом. На них обсуждались различные планы: полная эвакуация области с перевозкой боеспособных русских частей на другие фронты, передислокация русских войск на Мурман, сохранение архангельского фронта. За первый или второй вариант высказывались британские генералы и командиры русских фронтовых частей, считавшие невозможным удержание огромного фронта после ухода союзников. Но генерал Миллер, ссылаясь на приказ Верховного Правительства и выражая надежду на успех боевых действий на других фронтах, прежде всего у Деникина и Юденича, принял окончательное решение продолжать защиту всей Северной области⁶⁰.

Известный оптимизм генерала Миллера и его штаба был связан с успешными боевыми действиями на Севере в августе—сентябре, когда общая численность войск интервентов и белогвардейцев составляла, по данным генерала Роулинсона, 53 тыс. человек. Белая армия, в состав которой влилось несколько сот кадровых офицеров, только что прибывших из-за рубежа, насчитывала до 25 тыс. человек⁶¹.

10 августа войска интервентов и белогвардейцев под командованием генерала Садлера-Джексона при поддержке флотилии и авиации начали наступление на Двине. Были окружены 2 полка красных и захвачено в плен до 2 тыс. человек. В результате силы большевиков здесь были обескровлены и лишены возможности вести активные действия. 29 августа белогвардейцы при поддержке 2 отрядов союзников, бронепоезда и 3 танков перешли в наступление на железной дороге. Большую помощь оказывала союзная авиация, использовавшая техническую новинку — бомбы с отравляющим газом. В ходе упорных боев белогвардейцы овладели станцией Емца и Шелексой, у генерала Миллера появились даже планы продвижения до Вологды, но наступающие были задержаны на подступах к Плесецкой. 7-й полк белых занял Кодыш, Тарасово и вел бои за Кочмас. 10 сентября белогвардейцам удалось наконец вернуть г. Онегу. В этом районе было занято и с. Чекуево. Успешно протекали военные действия и в Карелии⁶².

Последние недели пребывания союзных войск на Севере были использованы руководством области для проведения комп-

лекса чрезвычайных мер, которые должны были позволить пережить критический момент ухода интервентов и обеспечить самостоятельное существование края. Была объявлена мобилизация в армию лиц с 18 до 45 лет, а в национальное ополчение — с 17 до 50 лет. Причем, часть ополченцев стала направляться на фронт для охраны тыла и коммуникаций. Предпринимались попытки, правда не увенчавшиеся успехом, оставить в области часть союзных солдат в качестве добровольцев, а также начата их вербовка за рубежом.

Под руководством генерала Марушевского и полковника Добровольского была развернута работа по разгрузке Архангельска и окрестностей от опасных и неблагонадежных элементов. Речь шла прежде всего о перемещении заключенных и военнопленных отсюда на Мурман, где был создан или расширен ряд тюрем и концлагерей (наиболее печально известной из них стала каторжная тюрьма на Иоканьге, где содержалось до 1200 человек). Широко применялись превентивные аресты и высылка в отдаленные районы лиц, считавшихся подозрительными⁶³.

В сентябре были нанесены тяжелые удары по рабочей оппозиции и профсоюзам. Поводом послужила политическая забастовка с требованиями амнистии, прекращения гражданской войны, отмены смертной казни и военно-полевых судов, назначенная руководством губсовпрофа на 1 сентября. В ней приняли участие рабочие ряда предприятий Архангельска. Организаторы и активные участники забастовки были арестованы, высланы или мобилизованы в армию. 21 сентября на общем собрании губсовпрофа с представителями 8 отраслевых союзов было принято решение о ликвидации совета профсоюзов в связи с отсутствием гарантий нормального существования профсоюзов⁶⁴.

Осуществление чрезвычайных мер, направленных на стабилизацию положения области в преддверии эвакуации союзников, способствовало также завершению складывания режима военной диктатуры генерала Миллера. Важным политико-юридическим актом в ее оформлении явилось утвержденное А. В. Колчаком постановление Совета Министров от 26 августа* о введении Временного Положения об управлении Северным краем. В соответствии с ним Е. К. Миллеру были даны права Главного Начальника края с подчинением непосредственно Верховной власти. Он назначал помощника по гражданской части и при необходимости совет из особоуполномоченных. Ему подчинялись все должностные лица края⁶⁵.

* Радиотелеграмма из Омска поступила в Архангельск 10 сентября.

В конце августа начался отвод двинской флотилии интервентов и постановка минных полей на Двине и Ваге. Но в начале сентября красные приступили к разминированию, а 4 сентября их войска перешли в наступление. Тревогу союзного командования вызывали не только действия большевиков, но и состояние войск белых, их страшила опасность нового восстания. 16 сентября британские войска были погружены на суда и 22 сентября конвой прибыл в Архангельск. Но в тот же день быстро продвигающиеся по Двине большевики заняли Двинской Березник, основную базу противника в районе. Беспорядочное отступление белогвардейцев продолжалось и лишь на рубеже реки Шипилихи им удалось создать долговременную оборону. За короткий период красные продвинулись вдоль Двины более чем на 100 км⁶⁶. К 23 сентября завершился отвод британских войск и с железнодорожного направления, где инициатива находилась в руках белых.

Попытки русского командования хотя бы ненадолго задержать уход союзников были безуспешны. Трудный торг шел вокруг военного имущества. Белогвардейцы добивались его полной передачи, но британское командование, не веря в их способность к сопротивлению, предпочло уничтожить большую его часть. 26 сентября Архангельск был объявлен на осадном положении, войска и ополчение приведены в состояние особой боевой готовности. На рассвете 27 сентября последние корабли с войсками союзников покинули город.

14 сентября началось последнее наступление с участием интервентов в Карелии. Они овладели станцией Лижма, но не сумели полностью обескровить советские войска. 18 сентября начался отвод союзников с передовых позиций, а вслед за этим активизировались действия большевиков. 26 сентября они вновь заняли Лижму, хотя и не смогли развить успех наступления, что грозило бы противнику большими неприятностями. 8 октября последний поезд с сербскими солдатами прибыл в Мурманск, а 12 октября суда интервентов покинули город. Военная интервенция Антанты на Севере завершилась.

Общее количество участников союзной интервенции в Северной России составило примерно 43—44 тыс. человек*, хотя начи-

* По данным британского военного министерства с июня 1919 г. было эвакуировано из Северной России 42240 военнослужащих, включая солдат славяно-британского и финского легионов (Army. The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920. P. 45.). Если учесть, что некоторое количество солдат, в частности раненых, было эвакуировано ранее, а также морских пехотинцев, возвращавшихся на военных судах, и, наконец, погибших, то, видимо, численность экспедиции и составит названную цифру. Разумеется, число военнослужащих, находившихся на Севере в тот или иной момент, было значительно меньшим.

налась она с высадки всего нескольких сот морских пехотинцев в Мурманске весной 1918 г. Движимая первоначально военно-стратегическими устремлениями интервенция впоследствии приобрела однозначно антибольшевистский характер и, как таковая, потерпела неудачу, несмотря на значительные материальные затраты и людские потери*.

В интервью, данном по возвращении в Англию, генерал Айронсайд заявил, что северная экспедиция выполнила свое предназначение и теперь лояльные русские могут удержаться собственными силами⁶⁷. В действительности политики и военные руководители Антанты думали иначе и считали антибольшевистское движение в области, изолированной от других белых фронтов, обреченным. Падение белого Севера было только вопросом времени.

* Великобритания, которая несла большую часть союзных расходов, ватирила на интервенцию 23,135 млн. ф. ст. Британские общие потери составили 106 офицеров и 877 других чинов, в том числе убиты 41 офицер и 286 других военнослужащих. На Севере погибло 244 американца и 305 были ранены⁶⁸.

ГЛАВА 6

ПАДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

Тревога и неуверенность архангельских властей в завтрашнем дне после ухода союзников были столь велики, что генерал Миллер поспешил учредить должность главноуполномоченного по эвакуации в Мурманский край, на которую 7 октября был назначен доктор В. А. Белиловский. Он только что вернулся из поездки на Соловки и Мурман, где обследовал эвакуационные возможности по поручению городской Думы Архангельска. Для изучения ситуации в Мурманском крае и разрешения комплекса вопросов, связанных с эвакуацией, 9 октября в Мурманск отбыл начальник гражданской канцелярии генерала Миллера К. П. Шабельский¹.

Эвакуация союзников из Северной России совпала по времени с крупными успехами белых армий на других фронтах. Войска Деникина, овладев 20 сентября Курском, а 13 октября — Орлом, создали непосредственную угрозу Москве. Армия Юденича, перешедшая в конце сентября в наступление, в октябре вышла на ближние подступы к Петрограду. Казалось, что стабилизировалось положение и у Колчака. В сентябре его войска отбросили большевиков на северном фланге фронта к р. Тобол.

Советское командование вынуждено было перебросить ряд частей с Севера на наиболее угрожаемые направления. Это не только облегчило положение Северной области, но и позволило ее командованию провести ряд успешных наступательных операций. 29 сентября возобновилось наступление на Железнодорожном, Селецком и Онежском направлениях. 7-й полк овладел Котмасом. На Онеге белогвардейцы поднялись до Клещево, а 3-й полк, сменивший понесший большие потери 6-й полк на железной дороге, овладел, наконец, в середине октября Плещейкой².

В ноябре советское командование приступило к отводу войск с Пинеги на Двину. В это время вспыхнули антисоветские восстания в Карпогорах и Верколе. Пользуясь благоприятной ситуацией, белогвардейцы развернули преследование противника,

овладели долиной р. Пинега, наладили взаимодействие с 1-м Северным полком, расположенным в Вашско-Мезенском районе. На Вычегде успешно действовал направленный из Архангельска экспедиционный отряд под командованием ротмистра Орлова и бывшего председателя Усть-Сысольской земской управы эсера С. О. Лыткина, назначенного начальником Вологодской губернии. Опираясь на поддержку местных антибольшевистских сил, организовавших ряд восстаний, отряд овладел 6 ноября Яренском, создав угрозу Котласу, а 15 ноября — Усть-Сысольском. В руках белогвардейцев оказалась большая часть Коми края. В результате соединения с войсками Печорского района был создан общий фронт против большевиков протяженностью более 200 км³.

Из Архангельска в Омск и за границу шли победные реляции о выходе в районы Предуралья. В изданной прокламационной карте указывалось, что за время августовско-ноябрьского наступления в состав Северной области вошла территория площадью в 400 тыс. км². По данным командования фронта, было взято в плен за это время 14 тыс. красноармейцев, 95% из них влились в белые части⁴. Но это была пиррова победа, ибо в результате огромный фронт был еще более растянут. Части, расположенные в удаленных восточных районах области, практически были лишены возможности эвакуироваться в случае необходимости. Красноармейцы, вливавшиеся в белые части, отнюдь не были надежным контингентом. Они, а также насильно мобилизованные крестьяне, несли белой армии не силу, а разложение. «Армия потеряла понимание целей, потеряла идеологию войны, с которой первые лучшие борцы шли против большевиков», — признавал бывший член правительства Е. В. Едовин⁵.

К концу осени ситуация на фронтах гражданской войны резко изменилась: полностью разгромлена большевиками армия Юденича, поспешно отступали на юг войска Деникина, а в Сибири терпели поражение за поражением колчаковцы. Постепенно менялась ситуация и на Северном фронте, где красные в конце ноября—декабре вновь овладели большей частью Коми края, заняли Яренск и Усть-Сысольск, ликвидировали угрозу Котласу. Неудачу потерпела попытка декабрьского наступления белых на Двине, в результате чего командование полностью отказалось от наступательных замыслов и основное внимание уделяло организации обороны, а также идеологической работе в войсках с целью противодействия усиливающейся пропаганде большевиков о бессмысленности дальнейшего сопротивления изолированной Северной области.

В этих условиях руководство области стремилось сохранить связи с державами Антанты, и прежде всего с Великобританией, добиться продолжения оказания ими помощи белому Северу. С этой целью в Лондон в конце сентября был направлен в качестве специального представителя правительства капитан I ранга А. А. Игнатьев, сотрудничавший с англичанами еще зимой—весной 1918 г. в Петрограде, а на Севере служивший офицером для связи между британским и русским командующими. Наиболее важные вопросы руководство области пыталось решать через белогвардейские посольства, а также обращаясь непосредственно к высокопоставленным военным и политикам, находившимся ранее на Севере — Г. Роулинсону, У. Айронсайду, Ж. Нулансу, Д. Фрэнсису и др. Главной задачей являлась вербовка добровольцев за рубежом для службы на Севере, причем особые надежды возлагались на формирование бригады британских волонтеров. Но решить эту задачу не удалось. И причина заключалась не только в нехватке денежных средств, но и в негативной реакции на эту затею британского общественного мнения. Планировалось направление северной делегации для вербовки добровольцев и решения других вопросов в США. Но посол Б. А. Бахметьев в ответ на запрос генерала Миллера уведомил, что госдепартамент и военные власти не разрешают вербовку иностранными организациями добровольцев в Америке, а «опыт самих американцев в деле комплектования их сибирского отряда показал, что на какое-либо серьезное количество добровольцев для северного фронта нам рассчитывать нельзя»⁶. В конце концов на Север прибыли лишь небольшие отряды датчан, шведов и бельгийцев, появление которых не могло облегчить положение области. Не увенчались успехом и вербовка русских военнослужащих за границей, а также планы перевозки сюда остатков войск генералов Юденича и Бермондта.

В этих условиях лидеры северной контрреволюции вновь обратились к Финляндии в надежде заключить с ней военный союз против большевиков, который и спасет Северную область. Однако главным препятствием по-прежнему оставался отказ лидеров российского белого движения признать независимость Финляндии. Вместе с тем русский военный агент в Финляндии генерал Гулевич писал Е. К. Миллеру, что возможно договориться с финнами, передав им в бессрочную аренду Печенгу и выплатив денежную компенсацию участникам антисоветского похода⁷.

В начале декабря прошли переговоры о сотрудничестве между начальником штаба Мурманского района полковником Архиповым и начальником генерального штаба финской армии

генералом Энкелем, а также министром иностранных дел Р. Холсти. Финские руководители обещали пропуск русских военнослужащих в Северную область. Но сложная ситуация в карельском вопросе привела к тому, что после острой борьбы в финском правительстве были приняты в конце декабря решения о запрете проезда русских военнослужащих на Север через Финляндию и отказе от совместного выступления с русскими белогвардейцами против большевиков на олонецкой границе⁸.

Стремясь разрешить карельский вопрос и устранить тем самым камень преткновения во взаимоотношениях с белофиннами, русские белогвардейцы провели новый раунд переговоров. В декабре генерал Гулевич встретился с главой Олонецкого Временного правительства Г. В. Куттуевым. Это правительство после краха «олонецкого похода» находилось в Финляндии. Еще более актуальной и трудной проблемой было налаживание отношений с Временным карельским правительством, которое возникло летом 1919 г. в с. Ухта, на территории контролируемой русскими белогвардейцами. Его лидеры, в отличие от Олонецкого правительства, ориентировавшегося на белофиннов, выступали за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги. Но белогвардейская администрация отказалась признать выдвинутое требование и вступить в переговоры с Ухтой. Вместо этого в район были направлены карательные отряды и предпринята попытка насильственной мобилизации. Ответом стало формирование здесь повстанческого движения, чем не преминули воспользоваться в своих интересах белофинны.

С 12 по 18 февраля 1920 г. прошли переговоры уполномоченного правительства Северной области генерала Ключева с Ухтинским Временным карельским правительством. Докладывая об их итогах генералу Миллеру, Н. А. Ключев констатировал недоверие карел как к русским белогвардейцам, так и к белофиннам. Действительно, в карельском сепаратизме присутствовали и антирусские (как антибелогвардейские, так и антисоветские), и антифинские настроения, но в то же время осознанная необходимость заручиться чьей-то поддержкой в борьбе за собственную независимость.

Северный полпред предложил Ухтинскому правительству предоставить автономии отделившейся Карелии, пересмотреть ее задолженность дать ей выход к Белому морю и океану, финансировать строительство железной дороги в этом направлении, содействовать развитию торговли, обеспечить в кредит хлебом и др. Он заявил, что Северное правительство не будет воз-

ражать, а напротив будет приветствовать соглашение автономной Карелии с Финляндией⁹. Все это преследовало главную цель — совместную борьбу против большевиков.

Ухтинское правительство высказалось за немедленный вывод русских войск с территории к западу от Мурманской железной дороги, а в районе Кандалакши и Княжей губы — по обе стороны дороги, хотя белогвардейцам и разрешалось иметь небольшие отряды для ее охраны; предоставление Карелии права пользования железной дорогой; Северное правительство не должно было чинить препятствий объединению Карелии¹⁰. Переговоры были прерваны до 15 марта и генерал Ключев отправился для доклада в Архангельск, но этого не суждено было сделать ввиду его падения.

В конце января 1920 г. на переговоры в Финляндию выехал специальный уполномоченный Северного правительства генерал Бем. В инструкции, подготовленной для него генералом Миллером, акцентировалась идея образования в 1920 г. «единого антибольшевистского фронта от Черного моря до крайнего Севера». Левый фланг этого фронта должны были составить Финляндия и Северная область, успех действий которых должен был зависеть от взаимного доверия, а также моральной и материальной помощи Антанты.

Генерал Миллер охарактеризовал Е. Ю. Бему цели, к достижению которых тот должен был стремиться на переговорах: благоприятное для Северной области решение карельского вопроса; разрешение принимать добровольцев на Север и пропуск туда частей армии Юденича, «в крайности безоружных под видом отправляющихся домой»; свободный проезд через Финляндию и Северную область и обратно; обеспечение активной военной поддержки правого фланга Северного фронта со стороны Финляндии и Карелии, заключение договора о способах совместных активных действий против большевиков; учреждение взаимных представительства; выявление финнов о солидарности с северной контрреволюцией; установление всех видов связи.

В качестве «компенсации» Финляндии генерал Миллер предлагал следующее: продолжение борьбы белогвардейцев на Мурманском фронте; предоставление работы в Северной области финским подданным; предложение концессий на постройку железных дорог, соединяющих финскую сеть с Мурманской магистралью (для выхода к морю, а в дальнейшем для рельсовой связи с Сибирью); согласие на самое широкое самоуправление Карелии «при полном сочувствии ее дружбе с Финляндией»; допуск в бухту Печенги для транзита товаров и др.¹¹.

Пока руководство северной контрреволюции размышляло над

мерой уступок белофиннам с целью налаживания антисоветского сотрудничества, последние перешли границу и 9 февраля заняли Печенгу. Переговоры генерала Бема с финскими представителями были прерваны падением Северной области. Таким образом, надежды лидеров антибольшевистского движения на Севере России на достижение взаимоприемлемого соглашения с Финляндией и спасение, благодаря этому, режима оказались тщетными. Разделявшие их противоречия были сильнее общности антисоветских устремлений.

Поражения белых армий на других фронтах, крушение планов реанимации интервенции в «добровольческой» форме и заключения новых военно-политических союзов обрекали северную контрреволюцию на неизбежное поражение.

Характерной чертой внутривойсковой жизни Северной области было утверждение военной диктатуры генерала Миллера, являвшегося в соответствии с директивами из Омска главнокомандующим и Главным Начальником Северного края. Впрочем, происходил этот процесс небезболезненно и результаты его были далеки от ожидаемых. Первыми высказали сомнение в целесообразности введения в действие Временного Положения об управлении Северным краем комиссии по обороне и внутреннему управлению, избранные земско-городским совещанием. Они настаивали на срочном созыве этого форума для рассмотрения данного вопроса. Отказ правительства сделать это, а также прекращение помилований политзаключенных привели к выходу из его состава в знак протеста эсеров П. П. Скоморохова и Е. В. Едовина, что означало конец кратковременной «демократической эры».

6 октября после обсуждения сложившейся ситуации на заседании ВПСО было принято решение сообщить Российскому правительству о невозможности введения в действие Положения о Начальнике Северного края в том виде, как оно сообщено в радиотелеграмме из Омска. Большинство членов правительства во главе с заместителем председателя его П. Ю. Зубовым считало, что власть в области по-прежнему должна покоиться на коллегиальном принципе, часть же считала возможным ввести Положение при условии предоставления генералу Миллеру прав Верховного Правителя (Уполномоченного).

В то время как П. Ю. Зубов утверждал, что осуществление предписаний из Омска невозможно в настоящей сложной ситуации, после эвакуации союзников, ибо будет воспринято населением «как реакционный акт военного командования», сам генерал Миллер ставил перед Всероссийским правительством вопрос о расширении своих полномочий и прекращении тем самым вме-

шательства земско-городского совещания и его комиссий в свою деятельность, «игры в предпарламент». Он указывал, что это облегчит управление краем и ведение войны и будет приветствоваться армией и «некоторой частью населения».

В телеграммах из Омска была выражена поддержка предложений Миллера, подтверждена необходимость немедленного введения в действие Положения об управлении Северным краем с расширением функций его Главного Начальника, деятельность земско-городского совещания как постоянного учреждения была признана нецелесообразной ввиду сосредоточения всей законодательной работы в Омске. Чайковский был уведомлен об упразднении Архангельского правительства и ему было предложено войти в состав Всероссийского правительства в качестве министра без портфеля, председателя комиссии по выборам в Учредительное Собрание¹².

Но поражения сибирских войск, переросшие в катастрофу, и практически полный разрыв связей с Всероссийским правительством привели к тому, что правительство Северной области сохранилось, и вместе с тем превратилось по существу в совещательный орган при главнокомандующем. В то же время с целью камуфлирования режима военной диктатуры и получения сколько-нибудь значительной поддержки населения по-прежнему активно обсуждалась идея создания представительного органа области. Действовала даже специальная комиссия для выработки положения о нем под председательством начальника губернии И. В. Багриновского. Но этот процесс затянулся, что дало основание А. А. Иванову заявить в феврале 1920 г., что правительство не желает созыва представительного органа, а все его слова о нем лишь пустая игра с общественным мнением¹³.

Но в целом, местные лидеры демократии, и прежде всего эсеры, были настроены оборончески и весьма примирительно к режиму: «Для нас совершенно ясно, что говорить об искреннем соглашении с генералом Миллером не приходится. У нас военная диктатура и военный диктатор... Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем помогать ему там, где можем. Во всяком случае, всякую оппозицию против него будем сдерживать»¹⁴.

Однако недовольство и брожение в тылу и на фронте постепенно усиливались. На смену августовскому подъему в настроениях значительной части населения вновь пришли апатия, усталость, неверие в перспективы борьбы. Наряду с политическими для этого были и экономические причины, углубление хозяйственного кризиса в области. Заведующий продовольственным отделом Архангельской губернской земской управы Д. В. Дружи-

нин видел главную причину кризиса в неразумном расходовании народного творческого труда исключительно с целью реализации лозунга «все для войны, ничего для созидания». Он отмечал также отсутствие у власти и общественных организаций ясного плана экономической политики и понимания экономической жизни области. 55-тысячная армия была непосильной для нее. Поэтому Дружинин предлагал «бросить затею принудительного национального ополчения из деревни», освободить от военной службы всех поморов и колонистов, занимающихся рыбным промыслом, и обеспечить их промысловым оборудованием. Он призывал искать в экспортной политике новые рынки сбыта, урегулировать отношения государства и компаний, частных лиц, товариществ с тем, чтобы последние сдавали валюту государству¹⁵.

Проблема снабжения области из-за рубежа резко осложнилась после ухода союзников. Если на первых порах еще частично осуществлялись поставки в счет государственного долга России или краткосрочного кредита, то затем ситуация изменилась. В лучшем случае предоставлялись некоторые рассрочки платежей (США), Англия же настаивала на расчетах в валюте, а Франция — ценным сырьем. Но резервы валюты в области были крайне ограничены, а новых источников (за исключением леса) не предвиделось. Примерные расчеты на 1920-й год определяли негативное сальдо внешнеторговых связей в 1,2 млн. ф. ст.¹⁶.

Правительство взяло курс на политику «затягивания поясов». Были предприняты и попытки заставить торгово-промышленный класс увеличить свой вклад в оборону области и улучшение ее экономического положения. Приказом главнокомандующего от 29 октября предприниматели-экспортеры обязывались сдавать правительству иностранную валюту в обмен на русские деньги. Нарушителям грозили суровые санкции вплоть до лишения всех прав состояния, конфискации имущества и каторжных работ на срок от 4 до 6 лет. Был подготовлен закон о правительственном регулировании внешней торговли. По настоянию руководителя отдела торговли, промышленности и финансов Н. И. Каменецкого и управляющего областным банком А. А. Репмана были закрыты активные счета предпринимателей в банках, выдвинуто требование о возвращении ими ссуд под угрозой немедленной распродажи их товаров, введены жесткая торговая инспекция, твердый курс рубля, вывозные монополии.

Эти меры, в том числе попытки судебного преследования ряда предпринимателей, выехавших за границу, вызвали широкое недовольство в буржуазных кругах Севера и за границей, обвинения и угрозы в адрес властей области. Архангельский торг-

пром. заявил, что меры, предпринимаемые правительством, несут на себе налет большевизма, ведут к умерщвлению торгово-промышленной жизни и катастрофе со снабжением области. В подготовленной им в начале 1920 г. докладной записке выдвигались контрпредложения: восстановить Главный комитет снабжения при отделе торговли и промышленности на началах широкого общественного и торгово-промышленного представительства; разрешить экспорт товаров по компенсационным обязательствам и содействовать экспортеру, изъявившему желание доставлять взамен экспортируемого необходимый области импортный товар; отказаться от твердого курса рубля; оставлять часть выручаемой валюты в распоряжении экспортеров; наряду с существующим планом снабжения разрешить свободный ввоз продуктов питания и товаров первой необходимости и разрешить их продажу по вольным ценам¹⁷.

В конечном счете чрезвычайные меры властей, не дав желаемых результатов, обострили их отношения с торгово-промышленным классом и тем самым ослабили и без того узкую социальную базу режима. Одновременно в низах нарастало движение с требованием перемен, облегчения положения и прекращения гражданской войны. Массовые настроения из устало-равнодушных и пассивно-созерцательных превращались в оппозиционные к режиму. Усиливалась политизация населения, росли просоветские симпатии.

Кризис правящего режима, критикуемого справа и слева, достиг своего апогея в конце января—феврале 1920 г. Наряду с внутренними существовали и внешние факторы, оказавшие сильное влияние на развитие ситуации на Русском Севере: январское решение Верховного совета Антанты о снятии военно-экономической блокады Советской России, означавшее дальнейшее сокращение помощи антибольшевистскому движению*, тяжелые поражения войск Деникина, откатившихся далеко на юг, крушение сибирской армии и гибель Верховного Правителя. Кстати, последнее обстоятельство ставило под вопрос легитимность власти генерала Миллера, получившего бразды правления из Омска. В такой обстановке усилилось политическое маневрирование в правительственных кругах Северной области.

25 января на заседании правительства была обсуждена возможность формирования его нового состава из лиц, пользующихся доверием населения. В тот же день главнокомандующий

* 20 января ВПСО приняло решение поручить Е. К. Миллеру отправить телеграмму У. Черчиллю «о судьбе Северной области, борьба в коей с большевиками была начата по инициативе союзников». Но и этот «крик души» не принес желаемых результатов.

пригласил к себе лидеров местных эсеров А. А. Иванова, П. П. Скоморохова и доктора Полонского и обсудил с ними вопрос о формировании властных структур Северной области на новых началах¹⁸.

26 января в Архангельске состоялось совещание демократических организаций города и губернии с участием представителей кооперативов, губернского земства и ряда уездных управ, городской думы, профсоюзов, фронта, положившее начало целому ряду подобных форумов и консультаций «демократической общественности». Участники этого совещания приняли резолюцию об учреждении в области демократической власти. Ее платформа должна была включать в себя: создание областного представительного органа и ответственность правительства перед ним, восстановление политических свобод, провозглашенных Февральской революцией, отмену смертной казни и полную политическую амнистию (в том числе пересмотр всех дел военнослужащих), немедленный созыв губернского земского собрания, расширение состава земско-городского совещания, восстановление прав местного самоуправления и профсоюзов, утверждение законодательства в области труда, изъятие из рук военной власти гражданских дел, сокращение армии¹⁹.

Но главной «мятежной трибуной» стала 5-я сессия Архангельского губернского земского собрания, начавшая работу 3 февраля. Земские гласные раскрыли в своих выступлениях всю сложность работы своих учреждений на местах, беззакония и насилия властей, особенно военных, в отношении земства. Они подвергли резкой критике существующую власть и деятельность правительства. Резюмируя их выступления, председатель губернской земской управы П. П. Скоморохов заявил, что после ухода интервентов «мы вновь оказались в завоеванной стране. Аресты, расстрелы, произвол — вот наши завоевания». При таких условиях работать земству и кооперации невозможно. «Быть может во имя завоеваний Февральской революции ведется борьба, во имя их задушили всякую жизнь? — спрашивал Скоморохов и добавлял. — Власть внимательно прислушивается к голосу общественности, но лишь с одной целью: не для того, чтобы пойти по ее указаниям, а для того, чтобы поставить противодействие». Выход, по его мнению, заключался в изменении политических условий, устранении административных гонений, смене существующего курса на демократический²⁰.

Но от слов надо было перейти к делу, принять программу действий. А в этом земцы были далеко не единомышленны. С трибуны собрания звучали крайние предложения — от сдачи фронта, прекращения гражданской войны и мира с большевиками до

требований вести борьбу до победного конца. В результате было выработано компромиссное решение. В принятой 5 февраля резолюции указывалось, что в области создавалось положение, близкое к экономическому банкротству из-за произвола и бесконтрольного управления группы лиц, неответственных перед населением. Далее в резолюции отмечалось: «1) Отныне Временное правительство Северной области в своих действиях является подотчетным перед народом в лице представительного органа, а до его созыва — перед Губернским Земским Собранием; 2) настоящий состав Правительства, в силу указанных выше причин, немедленно передает власть образованному Губернским Земским Собранием Правительству».

О принятой резолюции председатель земского собрания А. А. Иванов и его заместитель Е. В. Едовин в тот же вечер довели до сведения генерала Миллера. У него проходило совещание с командующими фронтами, где и был обсужден вопрос об отношении к земскому собранию. Рассматривались два варианта — арест зачинщиков антиправительственного движения или подчинение их требованиям. Учитывая глубокий кризис власти и необходимость заручиться поддержкой демократии, была избрана линия переговоров и выработки компромисса²¹.

6 февраля Е. К. Миллер, выступая в губернском земском собрании, крайне неодобрительно отзывался о принятой резолюции, охарактеризовав ее как акт незаконный и революционный, ведущий к развалу управления областью. Он назвал себя сторонником эволюционного пути к новому правительству и образу правления. Генерал доказывал, что принятые решения негативно скажутся на положении фронта и тыла, на отношениях с границей, и призвал к спокойному преобразованию власти без потрясений и насильственных действий.

После заявления Миллера земцы стали наперебой уверять в отсутствии у них революционных намерений. «Мы не идем по пути переворота, — заявил П. П. Скоморохов, — мы предлагаем пути к спасению области. Наша задача — сохранить область, укрепить армию. Воссоздание России на демократических началах нами мыслится возможным при демократических способах управления». «На этот (революционный. — В. Г.) путь мы не встали и, Бог даст, не вступим и в будущем», — поддержал его А. А. Иванов. В итоге обсуждения была принята новая резолюция, где подчеркивалось, что земство не имеет намерений к насильственному перевороту, а выступает за создание сильной демократической власти, авторитетной в глазах населения. Было решено начать переговоры с Миллером о создании нового правительства²².

Тем временем резко изменилась ситуация на фронте. Наступление большевиков, начатое 4 февраля на Двине, где им удалось выбить белогвардейцев с занимаемых укрепленных позиций, переросло в сражение по всему Архангельскому фронту. Восстание, вспыхнувшее в ночь на 8 февраля в 3-м полку к западу от железной дороги, положило начало неудержимому распаду белой армии. Не помогали ни воззвание губернского земского собрания к солдатам и офицерам, ни приказы главнокомандующего (в том числе угрозы в адрес дезертиров и их семей), ни, наконец, отстранение от должности (в силу выраженного офицерами недоверия) начальника штаба Северного фронта М. Ф. Квецинского.

10 февраля члены правительства передали свои полномочия главнокомандующему, а в общественно-политических и деловых кругах развернулись споры о составе и задачах нового кабинета. Позиция демократов уже характеризовалась выше, а их оппоненты ратовали за передачу всей полноты власти главнокомандующему, при котором считали возможным учреждение создаваемого по его усмотрению представительного органа чисто совещательного характера. Правительство они предлагали создать из деловых, чуждых партийности людей. «Какой нелепицей казался этот торг в дни, уже сочтенные умирающей Северной области», — заметил Б. Ф. Соколов, в прошлом видный эсер, член Учредительного Собрания, с лета 1919 г. находившийся в качестве врача на Северном фронте²³.

14 февраля на заседании губернского земского собрания был объявлен состав нового правительства, председателем которого по-прежнему считался отсутствующий Чайковский. Его заместителем, фактическим главой кабинета стал генерал Миллер. В состав ВПСО вошли также эсеры Б. Ф. Соколов (управляющий отделом народного образования), барон Э. П. Тизенгаузен (управляющий отделом внутренних дел, находившийся в плену у карельских сепаратистов, и его обязанности были возложены на Соколова) и А. А. Иванов (без портфеля). Близок к эсерам был П. И. Максимов, делегат от Двинского фронта, назначенный управляющим отделом труда. В правительство вошли еще двое беспартийных — выдвигенец земства А. А. Репман стал управляющим отделом торговли, промышленности и финансов, а управляющим отделом земледелия — А. Е. Попов, выдвинутый деловыми кругами²⁴.

Новому и последнему правительству суждено было просуществовать всего четыре дня и его именовали в дальнейшем по-разному: правительстве «национального спасения», «эвакуации» и даже «правительство глупости», ибо демократы, войдя в его

состав, взяли на себя ответственность за прошлое, и в том числе за ошибки генерала Миллера.

В свою очередь, главнокомандующий вынужден был прибегнуть к помощи своих постоянных оппонентов для спасения агонизирующего режима и разваливающегося фронта. Характерен в этой связи его обмен посланиями с председателем губернской земской управы Скомороховым. В письме от 15 февраля Миллер, характеризуя ситуацию как тревожную, подчеркнул необходимость «взрыва патриотического настроения», пробуждения сознания масс и в лице Скоморохова обратился к земству с просьбой прийти на помощь для поднятия бодрости, духа населения путем устройства агитационных собраний и выступлений.

Скоморохов в своих пометках на письме генерала, в частности, подчеркнул: «Сейчас мы переживаем не только тревожный момент. Это — агония умирающего. Пропаганда большевиков сильна главным образом той системой управления, которая царит до сих пор в Северной области. Этого-то как раз Е. К. Миллер и не понимает». В ответном письме он подверг резкой критике продолжающиеся репрессии властей против населения, пытки, чинимые на фронте: «Еще раз обращаюсь к Вам с просьбой — не о помощи, нет, а только понять, что агитационное собрание и застенки несовместимы. ...При нашей застеночной агитации, направленной сознательно к гибели фронта, агитационными собраниями области не спасти»²⁵.

16 февраля состоялось первое заседание нового правительства. А на следующий день после обмена мнениями по докладам главнокомандующего и начальника его штаба было принято постановление, гласившее, что в условиях развала армии и при отсутствии поддержки ее со стороны населения «дальнейшая оборона области представляется невыносимой». 18 февраля состоялось последнее заседание правительства с представителями земства и г. Архангельска о передаче последним власти до прихода большевиков. Но они отказались взять на себя такую ответственность. Тогда была приглашена группа представителей профсоюзов во главе с только что освобожденным В. Ф. Петровым, бывшим председателем губсовпрофа, которые в соответствии с достигнутой договоренностью сформировали временный исполнительный комитет как орган переходной власти²⁶.

Тем временем завершался распад белогвардейской армии. Вспыхивали восстания, солдаты самовольно покидали фронт, переходя к большевикам или расходясь по домам. 15 февраля командующий Железнодорожным фронтом генерал Вуличевич доносил главнокомандующему, что рассчитывает продержаться на занимаемых позициях 5—6 недель; 16 февраля — не более:

2—3 дней; а уже на следующий день сообщил, что большая часть пехотинцев разошлась, и он с остатками войск отходит на Мурман. 18 февраля на железную дорогу вышли остатки частей Двинского фронта, где их заставил сдаться бронепоезд «Адмирал Колчак», экипаж которого перешел на сторону большевиков²⁷.

Утром 19 февраля ледокол «Козьма Минин» и яхта «Ярославна» с белогвардейским командованием, правительством и их окружением на борту отошли от архангельского причала и сопровождаемые пулеметным и ружейным огнем взяли курс на Мурманск. Уже в Белом море «Козьма Минин» отбил нападение преследующего его красного ледокола «Канада». Вечером 20 февраля в Архангельск прибыл первый эшелон с красноармейцами. А на следующий день произошло восстание в Мурманске. Белогвардейский ледокол взял курс на Норвегию и 27 февраля прибыл в порт Тромсё.

Падение Мурманска — главной базы войск Мурманского фронта поставило вопрос о ликвидации последнего и отводе войск в Финляндию. 23 февраля туда бежал штаб генерала Скобельцына, не дожидаясь назначенного им срока и подхода войск, отступавших из Онеги. Всего с Мурманска и Архангельского фронтов удалось прорваться в Финляндию лишь 377 офицерам и 493 солдатам. Вместе с гражданскими беженцами это число составило 1001 человек. Миллер в телеграмме Сазонову в Париж 25 февраля указывал, что с ним отбыло из Архангельска примерно 800 пассажиров. А в письме тому же адресату 3 марта он сообщал, что с ним в Норвегии находится около 320 сухопутных и морских офицеров, около 50 солдат, 66 военных и гражданских чиновников, 7 врачей (кроме того, примерно еще 160 женщин и детей)²⁸. Это все, что осталось от 55-тысячной армии. Во второй половине февраля — начале марта были ликвидированы последние очаги сопротивления белых в Мурманском, Пинежско-Мезенском и Печорском районах.

Картина разрушения фронта и тыла в Северной области весьма напоминала то, что ранее уже происходило в других регионах страны. Причем, именно поражения российской контрреволюции на главных фронтах борьбы с большевиками и распад военного союза с державами Антанты предопределили крушение белого Севера.

Ставка на заключительном этапе борьбы в Северной России на укрепление военной диктатуры, призванной усилить боевую мощь армии, навести порядок в тылу, сомкнуть фронт и тыл воедино в борьбе с большевиками, не принесла желаемых результатов. Напротив, проводимая режимом политика «затяги-

вания поясов», попытки заставить все группы населения умножить свой вклад в оборону и поддержание экономики области, расширение принуждения и репрессий вызывали растущее неприятие всех слоев населения и подрывали идею единого антибольшевистского фронта. В этих условиях пропаганда большевиков на фронте и в тылу, направленная на убеждение в бессмысленности и безнадежности продолжения гражданской войны, ведущей лишь к новым жертвам и лишениям, находила все более благоприятный отклик в массовом сознании.

Поэтому заключительная попытка демократического обновления власти посредством создания новой коалиции политических сил на правительственном уровне во имя продолжения борьбы с большевиками уже не получила сколько-нибудь значительной поддержки населения и не могла спасти область. Наступление большевиков на фронте в начале февраля явилось лишь заключительным толчком, который привел к самораспаду фронта и тыла и падению белого Севера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кровавым и опустошительным смерчем прошла гражданская война по северной земле. В ходе упорной, почти двухлетней борьбы северная контрреволюция разделила судьбу общероссийской, органической частью которой она являлась. Размышляя над итогами и уроками антибольшевистской борьбы на Русском Севере, следует признать, что без вооруженного вмешательства извне она вряд ли вылилась бы в форму гражданской войны. Ключевой проблемой для понимания ее истоков, характера и особенностей является интервенция держав Антанты.

Генезис союзной интервенции в Северной России происходил в уникальных международных условиях. Здесь непримиримо столкнулись интересы воюющих коалиций и отдельных стран. Политики и военные стратеги держав Согласия, и прежде всего Великобритании, при подготовке и осуществлении интервенции на Север руководствовались в первую очередь военно-стратегическими соображениями, желанием вернуть Россию в мировую войну, используя северный край и его морские порты как плацдарм для восстановления Восточного фронта. Усиливающийся антибольшевизм союзников весной — в начале лета 1918 г. объяснялся не столько политико-идеологическими причинами (неприятием коммунизма как системы идей и политических действий, боязнью распространения мирового революционного пожара), сколько подозрениями и растущей уверенностью в прогерманской внешнеполитической ориентации Советского правительства.

Оно, в свою очередь, пыталось маневрировать между противоборствующими сторонами. Даже заключив Брестский договор с немцами, большевистское руководство неофициально одобрило участие бывших союзников в обороне Мурман в связи с угрозой германо-финского вторжения, стремясь к взаимонейтрализации борющихся группировок.

Расширение военного присутствия бывших союзников в Мурманском крае делало их поведение все более решительным, что,

в свою очередь, усиливало подозрения большевистского правительства, потребовавшего вывода воинских контингентов и боевых судов Антанты с Севера. Свою лепту внесла также Германия, настаивая на строгом соблюдении Брестского мира и угрожая санкциями. Наконец, крах надежд союзных держав на интервенцию «по приглашению» или «с согласия» правительства Советов окончательно предопределил их ставку на союз с антибольшевистскими силами и привел к началу военного противостояния на Русском Севере.

Парадоксальную роль для судеб союзной интервенции сыграло выступление чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. Став катализатором российской гражданской войны, оно предопределило и расширение военного вмешательства Антанты в Сибирь под предлогом спасения чехословаков от большевиков. В то же время их выступление сделало невозможным переброску части корпуса на Север, что означало провал стратегического замысла союзной интервенции, связанного с использованием чехословаков как ядра их военной экспедиции в этом регионе. Полноценной замены им руководство Антанты так и не сумело найти.

Вооруженное вторжение войск Антанты в Архангельск одновременно с антибольшевистским восстанием в городе знаменовало собой начало качественно нового этапа их войны с Советской Россией и все более глубокое и опасное втягивание в гражданскую войну в стране. С окончанием мировой войны союзная интервенция приобрела однозначно антибольшевистский характер. Военно-стратегические мотивы утратили свое значение и на первый план выступили прежде всего политико-идеологические и экономические факторы.

В складывающемся союзе интервентов Антанты и противников большевиков в Северной России первые играли главную роль. Именно они обеспечили приход антисоветских сил к власти и лишь их всесторонняя помощь обеспечивала существование режима. Но парадокс как раз и заключался в том, что союз с интервентами лишал противников большевиков широкой социальной опоры в массах, а власть Советов сплачивала трудящиеся низы под знаменами защиты отечества, особенно после расторжения Брестского мира. Тем более, что союзники установили в Северной области по существу оккупационный режим.

Ведущую роль в организации и осуществлении интервенции на Русском Севере играла Великобритания, рассматривавшая регион как свою «сферу влияния». Ее руководство держало в поле зрения ключевые вопросы военно-политической ситуации и жизнеобеспечения Северной области и несло львиную долю

союзных финансовых затрат. Командование экспедиционным корпусом и в целом вооруженными силами области осуществляли британские генералы, их военнослужащие составляли большую часть интервенционистского контингента, а их военные суда — основу морского соединения, северо-двинской речной и онежской озерной флотилий. Британское командование, политико-дипломатические представители и глава Эмиссионной Кассы держали в своих руках ключевые нити управления краем.

Масштабы союзной экспедиции были весьма органиченны, и руководство экспедицией после отъезда генерала Ф. Пуля не стремилось к реализации наступательных целей, но готово было предоставить необходимое содействие в формировании белой армии и оказать ей помощь в расширении области и соединении с силами восточной контрреволюции. Вместе с тем слабость, внутренняя противоречивость и отсутствие массовой социальной базы антибольшевистского движения на Севере препятствовали этому. К тому же многонациональный состав экспедиции* весьма затруднял деятельность его британского командования. Это касалось как отношений с руководством отдельных стран, и прежде всего США, придерживавшихся «особой позиции» в вопросе об интервенции, так и взаимоотношений отдельных национальных подразделений, солдат которых объединяло подозрительно-недоверчивое отношение к англичанам. В результате советскому командованию, придерживавшемуся в основном оборонительной стратегии, удалось решить главные задачи — не допустить выхода союзных и белых войск в густонаселенные районы и не дать им соединиться с сибирскими частями и Северо-Западной армией генерала Юденича.

Оценивая итоги интервенции Антанты, можно говорить лишь о частичной реализации военно-стратегических целей, а именно о предотвращении германо-финского вторжения в Северную Россию, хотя это и явилось результатом не столько северной экспедиции, сколько следствием боевых действий на фронтах мировой войны. Но планы использования Северной России как плацдарма для восстановления Восточного фронта не были реализованы.

Союзная интервенция как антибольшевистская акция потерпела неудачу. Впрочем, следует признать, что сама концепция союзников в русском вопросе не носила ясного и законченного характера. Налицо были две главные тенденции — содействие диалогу и примирению враждующих в России группировок и

* В состав войск экспедиции входили подразделения англичан, канадцев, австралийцев, американцев, французов, итальянцев, сербов, поляков, финнов, а также небольшие группы китайцев, корейцев, японцев, чехов.

борьба с коммунизмом до победного конца. Развитие событий на Русском Севере убеждало командование экспедиции и руководство союзных держав в нежизнеспособности антисоветского режима. Вывод войск Антанты был ускорен их деморализацией, ибо солдаты не видели смысла участия в боевых действиях после окончания мировой войны (что умело использовали в своей пропаганде большевики), а также мощным движением под лозунгом «Руки прочь от России», развернувшимся в странах Запада.

Северная область с ее ограниченными возможностями не относилась к числу регионов, где решался исход противоборства с большевиками. Но она стала своего рода экспериментальной базой для апробации особой демократической модели антибольшевистского движения, а символом его — неизменное председательство в правительстве Н. В. Чайковского и присутствие в нем кого-либо из его коллег-социалистов. Однако предлагаемые политические рецепты единого антибольшевистского фронта, спланирующего вокруг политики «среднего» курса различные силы и общественно-политические группировки, и теория «равновесия» военной и гражданской властей оказались несостоятельны. Коалиция была необходима, но элементы, ее составляющие, были органически несовместимы — в этом заключался трагизм ситуации. К тому же руководство области не преуспело в сфере аграрно-крестьянской и рабочей политики и не смогло получить надежной поддержки со стороны торгово-промышленного класса.

Антисоветский лагерь на Русском Севере был средоточием разнообразных противоречий: между союзными державами-участницами интервенции; военным командованием экспедиции и дипломатическим корпусом; между Антантой, властями Северной области и белофиннами; между оккупационной администрацией и местным политическим и военным руководством; наконец, между различными группировками внутри антибольшевистского движения. Способность большевиков выявлять и использовать эти противоречия в своих интересах сыграла немаловажную роль в исходе борьбы.

Установление в конечном счете режима военной диктатуры явилось логичным результатом эволюции антисоветского режима на Русском Севере, как и в других регионах страны. Особенности заключались лишь в том, что он сменил британскую военную диктатуру. Некомпетентность и бюрократизм русского военного командования, слабость и непопулярность существующего при нем правительства, правая ориентация и репрессивная политика диктаторского режима — все это ускорило падение

Северной области, брошенной к тому же на произвол судьбы своими зарубежными союзниками. Наконец, трагический финал был предрешен поражениями белых армий на основных фронтах гражданской войны.

Окончание гражданской войны не привело к установлению гражданского мира в обществе. Волна за волной потрясали его репрессии. Уже в начале 20-х годов произошло создание системы Северных лагерей особого назначения (Соловецкий, Холмогорский, Пертоминский и др.) и Русскому Северу было суждено стать одним из мрачных бастионов российского ГУЛАГа, через который прошли не только многие противники большевиков, но и они сами. Революция вновь «пожирала своих детей».

Огромны оказались политические и нравственные издержки международной интервенции. Это и искалеченные судьбы ее ветеранов, и атмосфера недоверия, которая в течение последующих нескольких десятилетий оказывала сильное негативное воздействие на международные отношения и способствовала новым драмам мировой истории. Опыт истории учит, что не аргументы силы, не методы гражданской войны и иностранного вооруженного вмешательства, а доводы разума, следование гуманным общечеловеческим идеалам, заинтересованный диалог, национальный и международный консенсус необходимы при решении сложных проблем, стоящих перед нашей страной и мировым сообществом в конце XX века. Иной путь грозит катастрофой всей человеческой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Историки спорят. М., 1988. С. 46.
2. Lloid George D. The Truth About the Peace Treaties. Vol. 1. London, 1938; Idem. The War Memoirs of David Lloid George. Vols. V-VI. London, 1936; Churchill W. S. The World Crisis. Vol. V. The Aftermath. New York, 1929; Francis D. R. Russia from the American Embassy. New York, 1921; Noulens J. Mon ambassade en Russie sovietique, 1917-1919. 2 vols. Paris, 1933; Lochart R. B. British Agent. New York and London, 1933; Ironside W. E. The North Russian Campaign // Journal of the Royal Artillery. LIII, 1926; Idem. Archangel, 1918-1919. London, 1953; Maynard C. M. The Murmansk Venture. London, 1928; Richardson W. P. America's War in North Russia // Current History. XIII, February 1921 и др.
3. Moore J. R., Mead H. H., Jahns L. E. The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks. Detroit, 1920; Costello H. J. Why Did We Go to Russia? Detroit, 1920; A Chronicler. (Cudahy John) Archangel: The American War with Russia. Chicago, 1924 и др.
4. Albertson R. Fighting Without a War: An Account of Military Intervention in North Russia. New York, 1920; Hunt F. One American and His Attempt at Education. New York, 1938; Souter A. With Ironside in North Russia. London, 1940.
5. Gordon D. The Quartered in Hell: The Story of American North Russian Expeditionary Force 1918-1919. Missoula, 1982. P. 282.
6. Городецкий С. Н. Образование Северной Области // Белое дело. Берлин, 1927. Т. 3; Миллер Е. К. Борьба за Россию на Севере // Белое дело. Берлин, 1928. Т. 4; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3; Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14; Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9; Зеленов Н. П. Трагедия Северной области. Париж, 1922; Марушевский В. В. Год на Севере (Август 1918 г. - август 1919 г.) // Белое дело. Берлин, 1926 - 27. Т. 1 - 3; Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Берлин, 1928. Т. 4; Сорокин П. А. На лоне природы // Современные записки. Париж, 1923. Т. 15; Idem. Leaves from a Russian Diary. New York, 1924.
7. Милоков П. Н. Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927; Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929; Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1923, 1926. Т. III и V; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч. 3. Интервенция врагов и союзников. Кн. 7. Париж, 1937.
8. Coates W. P. Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918-1922. London, 1933; Stewart G. The White Armies of Russia. New York, 1933 и др.
9. Strakhovsky L. I. The Origins of American Intervention in North Russia, 1918. Princeton, New Jersey, 1937; Idem. Intervention at Archangel. Princeton, New Jersey, 1944.
10. Корнатовский Н. А. Северная контрреволюция. М., 1931; он же. Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане // Красная летопись. 1930. № 3 (36); Свечников М. Союзническая интервенция на Севере Советской России с 2 июля 1918 г. по сентябрь 1919 г. // Кто должник. М., 1926; Кедров М. С. Без большевистского руководства. Из истории интервенции на Мурмане (Очерки). Л., 1930 и др.
11. Левилов М. Ю. К истории союзной интервенции в России. Т. 1. Дипломатическая подготовка. Л., 1925. С. 5.

12. Комплексные программы отделения истории АН СССР. М., 1989. С. 26-28.
13. Северный фронт. М., 1961; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917-1920 гг.). Л., 1982; Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Мурманск, 1960; Карелия в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918-1920. Петрозаводск, 1964; Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960-1961. Т. 1-3; Овсянкин Е. И. Архангельск: годы революции и военной интервенции. Архангельск, 1987; Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977; Самойло А. А.; Сбойчаков М. И. Поучительный урок. М., 1962; Прошев В. И. За власть Советов. Сыктывкар, 1980 и др.
14. Парахонская Г. А. О союзе мелкобуржуазных контрреволюционных партий с иностранной интервенцией в конце 1918-1919 гг. На материалах Севера России // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983; Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Севере России (1918-1920 гг.) М., 1958; Алахвердов Г. В., Рыбаков М. В. Крах иностранной интервенции на Севере // Решающие победы Советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. М., 1969.
15. Сквозь бури гражданской войны. "Круглый стол" историков. Архангельск, 1990.
16. Halliday E. M. *The Ignorant Armies*. New York, 1958.
17. Kennan G. F. *Soviet-American Relations, 1917-1920*. Vol. I: *Russia Leaves the War*; Vol. II: *The Decision to Intervene*. Princeton, New Jersey, 1956, 1958.
18. Ullman R. H. *Anglo-Soviet Relations, 1917-1921*. Vol. I: *Intervention and the War*; Vol. II: *Britain and the Russian Civil War*. Princeton, New Jersey, 1961, 1967.
19. Doolen R. M. *Michigan's Polar Bears: The American Expedition to North Russia 1918-1919*. Ann Arbor: the University of Michigan, 1965.
20. Rothstein A. *When Britain Invaded Soviet Russia. The Consul Who Rebelled*. London, 1979; Gordon D. *Quartered in Hell*. Missoula, 1982; Rhodes B. *The Anglo-American Winter War with Russia, 1918-1919. A Diplomatic and Military Tragicomedy*. New York - London, 1988; Long J. *Civil War and Intervention in North Russia, 1918-1920*. Columbia University, 1972.
21. Jackson R. *At War with Bolsheviks. Allied Intervention into Russian, 1917-1920*. London, 1972; Silverlight J. *The Victor's Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War*. London, 1970; Goldhurst R. *The Midnight War: The American Intervention in Russia, 1918-1920*. New York, 1978; Dobson C., Miller J. *The Day We Almost Bombed Moscow. The Allied War in Russia 1918-1920*. London, 1986; Kettle M. *Russia and the Allies, 1917-1920*. Vol. I: *The Allies and the Russian Collapse*. March 1917 - March 1918; Vol. II: *The Road to Intervention*. March - November 1918. London, New York, 1981, 1988.

Глава 1

1. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 416; Рапопорт Ю. М. Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917-1925 гг. Л., 1964. С. 12.
2. Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 23; Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 130, 133.
3. Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 41.
4. Long J. *Civil War...* P. 148; ГАРФ. Ф. 6764. Оп. 1. Д. 444. Л. 38.

5. Столяренко М. А. Моряки в огне революции. Л., 1960. С. 12-14; Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 622; Jackson R. Op. cit. P. 34.
6. Столяренко М. А. Указ. соч. С. 15.
7. ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; АВПРФ. Ф. 54-М. Оп. 1. Д. 34. Л. 14-15.
8. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 37.
9. Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970. С. 76.
10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. /RUS/. Washington, 1931. Vol. 1. P. 282.
11. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 59.
12. Strakhovsky L. The Franko-British Plot to Dismember Russia // Current History. March 1931. P. 841; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 28-29.
13. Известия Архангельского Совета раб. и солд. деп. 1917. 20; 24, 30 декабря; Беломор. 1917. 29 декабря; Ротштейн Э., Указ. соч. С. 40-41; Ullman R. Intervention and the War. P. 112.
14. Ротштейн Э. Указ. соч. с. 87.
15. Long J. Civil War... P. 4.
16. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 34-35.
17. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990. С. 192-194; Чубарьян А. О. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972, С. 171.
18. FRUS. 1918. Russia. Vol. 1. P. 384.
19. Волков Ф. Д. Указ. соч. С. 34.
20. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 188.
21. Киселев А. А. Родное Заполярье. Мурманск, 1974. С. 59; Ушаков И. Ф. Указ. соч. С. 625.
22. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Мурманск, 1960. С. 76-77.
23. Там же. С. 81.
24. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Указ. соч. С. 81.
25. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 15. Л. 55-62; ГАМО. Ф. 2393. Оп. 2. Д. 107. Л. 20.
26. АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/4. Д. 27. Л. 68.
27. ЦГАВМФ. Ф. р-130. Оп. 1. Д. 50. Л. 22 об-23; Ullman R. Intervention and the War. P. 114-115.
28. ЦГАВМФ. Ф. р-130. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.
29. Ullman R. Intervention and the War. P. 115.
30. Воспоминания Гинденбурга. Петроград, 1922. С. 67.
31. Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 335, 337.
32. Борьба... на Мурмане. С. 145-146.
33. Там же. С. 147.
34. Там же. С. 147.
35. Кедров М. С. Указ. соч. С. 35-37; ЦГАСА. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 11.

36. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 29 об.
37. ЦГАВМФ. Ф. р-129. Оп. 2. Д. 1. Л. 266 об.
38. Новая жизнь. 1918. 29 марта; Ullman R. Intervention and the War. P. 131.
39. FRUS. 1918. Russia. Washington, 1931. Vol. II. P. 469; Ullman R. Intervention and the War. P. 115-116; Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. P. 260, 262, 264-265.
40. Strakhovsky L. Intervention at Archangel. P. 2; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937. Т. VI. С. 83.
41. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 28 об., 39.
42. Волков Ф. Д. Указ. соч. С. 31-32; Kettle M. The Road to Intervention. P. 26-28.
43. Ullman R. Intervention and the War. P. 174-178; Kettle M. The Road to Intervention. P. 42-45, 50-51; Long J. Civil War. P. 54-55, 62-63.
44. Kettle M. The Road to Intervention. P. 66-67.
45. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990. С. 237-238, 250, 259.
46. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 38.
47. Борьба... на Мурмане. С. 153.
48. РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 95. Л. 16.
49. Известия Олонцкого губернского Совета кр., р. и солд. деп. 1918. 13 апреля.
50. Борьба... на Мурмане. С. 168-171.
51. Левидов М. Ю. Указ. соч. С. 107; Садуль Ж. Указ. соч. С. 250.
52. Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 238; Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917-1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 261-262; Wuorinen J. H. A history of Finland. New York - London, 1965. P. 222.
53. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 41 об.
54. Известия Мурманского Краевого Совета раб. и крест. деп. 1918. 21, 25 апреля.
55. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Указ. соч. С. 208.
56. РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 107. Л. 3-4; ЦГАВМФ. Ф. р-129. Оп. 2. Д. 1. Л. 251-252.
57. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 89; Ullman R. Intervention and the War. P. 165; Long J. Civil War. P. 62.
58. FRUS. 1918. Russia. Vol. I. p. 520-521.
59. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 315.
60. Там же. С. 344-345.
61. Новая жизнь. 1918. 16 мая.
62. Ullman R. Intervention and the War. P. 177-178; Long J. Civil War. P. 61; ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 48-49.
63. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 47-47 об.
64. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 90; Kettle M. The Road to Intervention. P. 104-105.
65. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и преданный корпус. М., 1965. С. 196-201; Ротштейн Э. Указ. соч. С. 75-76; Long J. American Intervention in Russia. The North Russian Expedition, 1918-1919 // Diplomatic History. 1982.

- V. 6. No. 1. P. 50; Kettle M. The Road to Intervention. P. 56-65, 76, 88, 88, 92-93.
66. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 574. Л. 21; ЦГАСА. ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 42; ЦГАВМФ. Ф. р-129. Оп. 2. Д. 1. Л. 253 об; Клеванский А. X. Указ. соч. С. 196-201; Kettle M. The Road to Intervention. P. 93.
67. Ullman R. Intervention and the War. P. 172-173, 193-194; Jackson R. Op. cit. P. 38.
68. Ullman R. Op. cit. P. 180; Maynard C. Op. cit. P. 26.
69. ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 107. Л. 24; ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 51 об-52.
70. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 59; Левидов М. Ю. Указ. соч. С. 113-114; 1917-1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Сборник Архангельского истпарта № 4. Архангельск, 1927. С. 265-266; Ullman R. Op. cit. P. 181.
71. FRUS. 1918. Russia. Vol. I. P. 552-553.
72. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 212; Long J. American Intervention in Russia. P. 54; Long J. Civil War. P. 85-87; Kettle M. The Road to Intervention. P. 169-170.
73. Long J. American Intervention. P. 55; Kettle M. The Road to Intervention. P. 188.
74. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 477-484.
75. Freund G. Unholy Alliance: Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. New York, 1957. P. 15.
76. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 37-38.
77. ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 99-100.
78. Goltz R. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920. S. 77-80.
79. The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920. P. 7; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 47; Jackson C. Mission in Murmansk // United States Naval Institute Proceedings. Vol. 95. No. 2. 1969. P. 84; Tokoi O. Sis: The Autobiography of Oskari Tokoi. New York, 1957. P. 174.
80. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 670. Л. 6-7, 8, 11.
81. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 347-348, 366-367; АВПРФ. Ф. 69. Оп. 3. Д. 4. Л. 17; Борьба... на Мурмане. С. 198-201.
82. Военные моряки... С. 162.
83. ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. 363. Л. 2.
84. Kettle M. The Road to Intervention. P. 191, 225.
85. Новая жизнь. 1918. 26 июня; Smith C. J. Finland and the Russian Revolution 1917-1922. Athens, 1958. P. 196; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 41.
86. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 670. Л. 16-17; Военные моряки. С. 135; Борьба... на Мурмане. С. 200-201.
87. Борьба... на Мурмане. С. 201.
88. Ullman R. Intervention and the War. P. 182; Kettle M. The Road to Intervention. P. 231.
89. Кедров М. С. Указ. соч. С. 119.
90. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.
91. Там же. Л. 61-61 об.

92. Там же. Л. 62 об.-63; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 670. Л. 23.

93. Ullman R. Intervention and the War. P. 183.

Глава 2

1. Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 31-32; Long J. American Intervention. P. 55; Kettle M. The Road to Intervention P. 236-244.

2. Советско-германские отношения. М., 1971. Т. 1. С. 566-567, 576.

3. Борьба... на Мурмане. С. 209-210; Maynard C. Op. cit. P. 39-51.

4. Maynard C. Op. cit. P. 57.

5. Ibid. P. 57-69.

6. Ullman R. Intervention and the War. P. 185.

7. Борьба... на Мурмане. С. 217-221.

8. Там же. С. 220.

9. Бжезинский. Налет на крейсер "Аскольд" // Красный флот. 1924. № 5. С. 55-56; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 670. Л. 29; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 57-58.

10. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 77.

11. Кедров М. С. Указ. соч. С. 160-163; Мосорин. Англо-эсеровские тюрьмы Севера // Рабочее звание. 1924. № 3. С. 57-68; Тарасов В. В. Указ. соч. С. 123-125.

12. ЦГАВМФ. Ф. р-133. Оп. 1. Д. 50. Л. 77 об.

13. Борьба... на Мурмане. С. 225-226.

14. Известия Мурманского Краевого Совета. 1918. 28 июля.

15. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3523. Л. 83; Maynard C. Op. cit. P. 39.

16. АВПРФ. Ф. 54-м. Оп. 1. Д. 34. Л. 8-9; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 565. Л. 13; Д. 759. Л. 38.

17. ЦГАСА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

18. Kettle M. The Road to Intervention. P. 261-262.

19. Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917-1921 гг.). Часть 1 (Октябрь 1917 - август 1919). М., 1922. С. 15.

20. Исповедь Савинкова: Судебный процесс Бориса Савинкова. Берлин, 1924. С. 49-51; Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 32-36.

21. Локкарт Р. Б. Буря над Россией. Исповедь английского агента. Рига, 1933. С. 266, 272.

22. Владимиров В. Год службы "социалистов" капиталистам. М. - Л., 1927. С. 215.

23. Локкарт Р. Б. Указ. соч. С. 235.

24. Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 22; Малков В. М. На северном плацдарме. Вологда, 1963. С. 138, 141-145, 150; ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 9. Л. 2-3.

25. Noulens J. Op. cit. Vol. 2. P. 153-155.

26. ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 7. Л. 73-75; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 80. Л. 19; FRUS. 1918. Russia. Vol. 1. P. 625-626; Vol. 2. P. 417; Francis D. Op. cit. P. 250-252.

27. FRUS. 1918. Russia. Vol. I. P. 625-629; Noulens J. Op. cit. P. 161-166; Ротштейн Э. Указ. соч. С. 110; Метелев А. Падение Архангельска 1918-1919 гг. // Пролетарская революция. 1926. № 2 (29) - 3 (50). С. 62-63.
28. Кедров М. С. За Советский Север. Л., 1927. С. 9-10.
29. Северный фронт. С. 91-92.
30. Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 19-20; ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 30. Л. 6, 7, 12.
31. Чаплин Г. Е. Указ. соч. С. 17, 20.
32. Там же. С. 17; Городецкий С. Н. Указ. соч. С. 7; ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 499. Л. 2.
33. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
34. Боговой И. В. Шенкурское восстание (записки). Б. м., 1924; Кедров М. С. За Советский Север. С. 74-75; УМБ РФАО. Дело по обвинению М. Н. Ракитина; Дело о контрреволюционном восстании в Шенкурском уезде в 1918 году; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 9. Л. 14; Возрождение Севера. 1918. 11, 25 августа.
35. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 639. Л. 7-8; ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 55. Л. 99.
36. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 110-111.
37. АВПРФ. ф. 54-м. Оп. 1. Д. 68. Л. 11-13; FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 287-290.
38. Rhodes B. Op. cit. P. 20; Long J. American Intervention. P. 56.
39. Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 61.
40. Strakhovsky L. I. Intervention at Archangel. P. 14, 261; Rhodes B. Op. cit. P. 21, 26.
41. Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 62-63; Волгин А. П. Онега в огне. Архангельск, 1963. С. 17.
42. Чаплин Г. Е. Указ. соч. С. 20.

Глава 3

1. Вестник Верховного управления Северной области (ВУСО). 1918. 10 августа; Северное утро. 1918. 8 августа; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1.
2. Вестник ВУСО. 1918. 10 августа.
3. Чаплин Г. Е. Указ. соч. С. 25.
4. Вестник ВУСО. 1918. 10 августа.
5. ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 132. Л.
6. Известия ВЦИК. 1922. 5 июля.
7. АВПРФ. Ф. 54-м. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
8. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 16. Л. 2-3; Ф. 18. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
9. Свечников М. Указ. соч. С. 461.
10. ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72. Л. 24.
11. Свечников М. Указ. соч. С. 463.
12. ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 9, 11, 16, 21-22; Rhodes B. Op. cit. P. 31; Halliday E. M. Op. cit. P. 28.

13. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 506; Rhodes B. Op. cit. P. 26.
14. Rhodes B. Op. cit. P. 42; Ullman R. Intervention and the War. P. 241-242; Kennan G. Op. cit. P. 418.
15. Малков В. М. Указ. соч. С. 138, 141-143, 150; Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 22-23.
16. Strakhovsky L. I. Intervention at Archangel. P. 266; Rhodes B. Op. cit. P. 27-28; Северный фронт. С. 104-108, 114-116; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 37-43.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 134; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 78-79; Freund G. Op. cit. P. 23.
18. Freund G. Op. cit. P. 24-26.
19. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. 1918. Wien and München, 1966. S. 108-111; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 43-47.
20. ДВП. Т. 1. С. 439; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 44, 53-54; Мельгунов С. П. Приоткрывающаяся завеса // Наш современник. 1990. № 11. С. 133-134.
21. Baumgart W. Op. cit. S. 114-115; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 55.
22. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 13.
23. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 15. Л. 14; Северное утро. 1918. 10 августа; Возрождение Севера. 1918. 21 августа.
24. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3523. Л. 7-7 об.
25. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 61. Л. 6-8.
26. Возрождение Севера. 1918. 27 августа, 4 сентября.
27. Возрождение Севера. 1918. 14 августа.
28. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 20; Северный луч. 1918. 21 августа, 1 сентября; Минц. И. И. Указ. соч. С. 72.
29. Северный луч. 1918. 1 сентября.
30. ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 42. Л. 6 об-7.
31. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера /ИАОИРС/. 1919. № 1-2. С. 27; Возрождение Севера. 1918. 4 сентября.
32. Rhodes B. Op. cit. P. 29.
33. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 54.
34. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 57, 68.
35. ГАРФ. Ф. 3694. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8.
36. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 516, 518.
37. ЦГАСА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 35; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 76; Вестник ВУСО. 1918. 4 сентября.
38. Чаплин Г. Е. Указ. соч. С. 28.
39. ГАРФ. Ф. 3694. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
40. Вестник ВУСО. 1918. 1 октября.
41. Вестник ВУСО. 1918. 11, 25 октября.
42. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 515-516; Rhodes B. Op. cit. P. 42-43.
43. Long J. American Intervention. P. 56; Rhodes B. Op. cit. P. 33.

44. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 543.
45. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 524, 538; Rhodes B. Op. cit. P. 43-44; Long J. American Intervention. P. 58.
46. Rhodes B. Op. cit. P. 39-41; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 139; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 57-58.
47. Maynard C. Op. cit. P. 88-131; Ullman R. Op. cit. P. 252; Swettenham J. Allied Intervention and the Part Played by Canada. London, 1966. P. 67-68.
48. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 546; АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/4. Д. 41. Л. 57-58.
49. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 544, 548.
50. Ibid. P. 550-551.
51. Rhodes B. Op. cit. P. 44-45.
52. Ironside W. E. Op. cit. P. 26; Richardson W. P. Op. cit. P. 290.

Глава 4

1. Возрождение Севера. 1918. 10 октября.
2. Возрождение Севера. 1918. 10 октября.
3. Вестник ВУСО. 1918. 9 октября.
4. Вестник ВПСО. 1918. 31 октября, 3, 7 декабря; Возрождение Севера. 1918. 1 ноября; Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 30-31.
5. Возрождение Севера. 1918. 22 декабря; ИАОИРС. 1919. № 1-2. С. 31; Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 33.
6. Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 33.
7. Отечество. 1918. 16 октября; Возрождение Севера. 1918. 18 октября.
8. Возрождение Севера. 1918. 25 декабря.
9. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 98; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 271.
10. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 111.
11. Северное утро. 1918. 27 ноября.
12. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 25-26.
13. Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 90.
14. Вестник ВПСО. 1919. 27 февраля, 16 марта.
15. Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 34.
16. Возрождение Севера. 1919. 12 января; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.
17. Вестник ВПСО. 1919. 17 января.
18. Возрождение Севера. 1919. 19 января; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 53-54; Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 37; Добровольский С. Указ. соч. С. 86.
19. Марушевский В. В. Белые в Архангельске. Л., 1930. С. 137.
20. Вестник ВПСО. 1919. 2, 5 февраля.
21. Отечество. 1919. 4 марта.
22. Возрождение Севера. 1918. 1 ноября.
23. Там же. 1918. 1 ноября; Вестник ВПСО. 1919. 22, 30 января, 5 апреля; ИАОИРС. 1918. № 10-12. С. 17.

24. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 395; Д. 9. Л. 101, 108; Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 46; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 94.
25. ГААО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 21. Л. 88 об., 126, 164; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 221; Ф. 3811. Оп. 1. Д. 598. Л. 53, 81, 85.
26. Игнатьев В. И. Указ. соч. С. 42.
27. Вестник ВПСО. 1918. 21 октября; Возрождение Севера. 1920. 22 января; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 174; Ф. 5867. Оп. 1. Д. 15. Л. 29.
28. Вестник ВПСО. 1919. 15 января; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 61. Л. 20, 21, 28, 45-46, 77-79, 96; FRUS. 1918. Russia. Vol. III. P. 66-100; Strakhovsky L. I. Intervention at Archangel. P. 127-130; Noulens J. Op. cit. Vol. 2. P. 203-208.
29. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.
30. Strakhovsky L. I. Op. cit. P. 300.
31. Северное утро. 1919. 31 января.
32. Вестник ВПСО. 1918. 15 декабря; Strakhovsky L. I. Op. cit. P. 301.
33. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 14. Л. 58.
34. ГАРФ. Ф. 3694. Оп. 1. Д. 13. Л. 17 об., 19 об., 20.
35. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 94-96; Вестник ВПСО. 1918. 1 ноября.
36. Возрождение Севера. 1918. 23 октября; Северное утро. 1918. 17 декабря.
37. Возрождение Севера. 1918. 5 ноября.
38. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 89.
39. Возрождение Севера. 1918. 26 сентября; ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 219. Л. 92.
40. Вестник ВПСО. 1919. 17 января; ЦГАОР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 36, 38.
41. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 224.
42. FRUS. 1919. Russia. Washington, 1937. P. 604; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 92-93, 164.
43. Возрождение Севера. 1919. 28 февраля.
44. FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 552, 555.
45. Rhodes B. Op. cit. P. 45; Kettle M. The Road to Intervention. P. 339.
46. Strakhovsky L. I. Intervention at Archangel. P. 274-279; Ironside W. E. Op. cit. P. 26-54; FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 559-560.
47. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 12; Ротштейн Э. Указ. соч. С. 147; Ironside W. E. Op. cit. P. 38-41, 46; FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 547.
48. Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 56-69; Северный фронт. С. 142-150; Айронсайд. Кампания на Русском Севере // Военный вестник. 1927. № 5. С. 10; Halliday E. M. Op. cit. P. 1-12; Rhodes B. Op. cit. P. 58-60, 71-72; A Chronicle. Op. cit. P. 141-145; Swettenham J. Op. cit. P. 77-82.
49. Черчилль В. Мировой кризис. М.-Л., 1932. С. 104.
50. Вестник ВПСО. 1918. 13 ноября.
51. Halliday E. M. Op. cit. P. 92; Gordon D. Op. cit. P. IV; FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 567-568.
52. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.
53. Ironside W. E. Op. cit. P. 56; Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. London, 1975. P. 227.
54. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

55. FRUS, 1918, Russia, Vol. II, P. 567-568.
56. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 213, 265-266.
57. Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 22, 27.
58. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 107-115; Вестник ВПСО. 1918. 14 декабря; Ironside W. E. Op. cit. P. 68-70.
59. Army. The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920. P. 19-20.
60. Кузьмин Н. Н. Борьба за Север // Гражданская война 1918-1921. М., 1928. Т. 1. С. 209; Директивы командования фронтов Красной Армии. М. 1978. Т. 4. С. 55.
61. A Chronicle. Op. cit. P. 95; 106-107; Halliday E. M. Op. cit. P. 98-108; Swettenham J. Op. cit. P. 193-194.
62. Кузьмин Н. Н. Указ. соч. С. 312; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 101-104; Прошев В. И. За власть Советов. Сыктывкар, 1980. С. 32-39; Северный фронт. С. 158-160.
63. Северный фронт. С. 173-174; Maynard C. Op. cit. P. 143-190; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 124-125; Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 101-103.
64. Кузьмин Н. Н. Указ. соч. С. 222-226; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. 84-93; Ironside W. E. Op. cit. P. 102-105; Rhodes B. Op. cit. P. 183-190.
65. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 143-154; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 93-96, 103-106; Никулин А. Это было на Пинеге. Архангельск, 1968. С. 23-26.
66. Gilbert M. Op. cit. P. 234; Silverlight J. Op. cit. P. 187.
67. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 102; Times. 1919. 3 February; Гражданская война в Сибири и Северной области. М., 1927. С. 409-418; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 99-115; ДВП. Т. 2. 45-46.
68. Гражданская война в Сибири и Северной области. С. 412.
69. Army. The Evacuation. P. 21-25; Maynard C. Op. cit. P. 168.
70. Gilbert M. Op. cit. P. 238.
71. ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 484. Л. 14-15.
72. United States. Congressional Record, 65th Congress. 3rd Session, Senate. February 14, 1919. P. 3334-3342; The Papers of Woodrow Wilson /PWW/. Princeton, 1986. Vol. 55. 28-29, 150, 189-192; FRUS. 1919. Russia. P. 617-618.
73. Gilbert M. Op. cit. P. 239-240; Silverlight J. Op. cit. P. 149-150. Long J. American Intervention. P. 63.
74. Волков Ф. Д. Указ. соч. С. 87, 90-91; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 134-135.
75. Ironside W. E. Op. cit. P. 112-113.
76. Ibid. P. 113-114; Maynard C. Op. cit. P. 190; Rhodes B. Op. cit. P. 91-92.
77. Army. The Evacuation. P. 9.

Глава 5

1. ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 626. Л. 3.
2. УМБ РФЛО. Следственное дело Т. П. Синицына. С. 28; РЦХИДНИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 42.

3. ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 626. Л. 1-5; Вестник ВПСО. 1919. 14 марта; Добровольский С. Указ. соч. С. 33-37.
4. Army. The Evacuation. P. 26; Maynard C. Op. cit. P. 198-213, 251-252, 312-321; Борьба... на Мурмане. С. 324-336; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 62; Д. 5. Л. 180; ГАМО. Ф. 2393. Оп. 2. Д. 377. Л. 129-130; Мурманский вестник. 1919. 22 марта, 1 апреля, 6 мая; Paasivirta J. The Victors in World War I and Finland. Helsinki, 1965. P. 117-118.
5. Chicago Tribune. 1919. 11, 12 April, 25 June; ЦГАОР. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 484. Л. 38-39; FRUS. 1919. Russia. P. 623; Gordon D. Op. cit. P. 177-178, 216, 233-234; Rhodes B. Op. cit. P. 95-96.
6. Северный фронт. С. 176-177; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 97-101; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 180-186; Кузьмин Н. Указ. соч. С. 227-228; Rhodes B. Op. cit. P. 97-98.
7. ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 218. Л. 11-11 об.
8. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 64; Ф. 5805. Оп. 1. Д. 218. Л. 11-11 об.
9. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 97-98.
10. ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-3; Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С. 49.
11. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 7-9; Вестник ВПСО. 1919. 4 мая, 19 июня; Минц, И. И. Указ. соч. С. 218.
12. Gilbert M. Op. cit. P. 273-274; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 178, 180.
13. Times. 1919. 4, 9 April; Silverlight J. Op. cit. P. 191.
14. Army. The Evacuation. P. 27-33; Ironside W. E. Op. cit. P. 129.
15. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 169-172; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 106; Никулин А. П. Это было на Пинеге. Архангельск, 1968. С. 30-31.
16. ЦГАСА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 241. Л. 144, 231-232; Вестник ВПСО. 1919. 6 февраля, 5, 29 апреля; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 162-163, 187.
17. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 10. 86; Вестник ВПСО. 1919. 1 мая; Отечество. 1919. 4 июня; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 191.
18. ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 10. Л. 177; FRUS. 1919. Russia. P. 622-623, 625, 627-628; Richardson W. P. Op. cit. P. 291-293; Maynard C. Op. cit. P. 234; Gilbert M. Op. cit. P. 272-273.
19. Army. The Evacuation. P. 35; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 183.
20. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 45-46; PWW. Vol. 58. P. 577-578.
21. Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 117-120; Army. The Evacuation. P. 11; Rhodes B. Op. cit. P. 103-104.
22. Army. The Evacuation. P. 35.
23. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 65-67.
24. ГАМО. Ф. 2393. Оп. 2. Д. 370. Л. 6-8; ЦГАРК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7; Мурманский вестник. 1919. 6 мая; Русский Север. 1919. 24 апреля.
25. ЦГАРК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7; ЦГАСА. Ф. 39451. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-9; Maynard C. Op. cit. P. 212.

26. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 77; Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918-1920 гг. Петрозаводск, 1948. С. 94; АВГР. Ф. 187. Оп. 5246. Д. 3543. Л. 34 об. - 35 об., 39 об. - 40 об., 70 об.; ЦГАОР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 283-284.
27. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 712; Сюкияйнен И. И. Указ. соч. С. 94; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 201-204; Maynard C. Op. cit. P. 255.
28. АВГРФ. Ф. 54-М. Оп. 1. Д. 71. Л. 21-27; DBFP. Vol. III. P. 331-332.
29. Возрождение Севера. 1919. 1 июля; ЦГАСА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 202. Л. 156.
30. Army. The Evacuation. P. 36.
31. Ibid. P. 37-39, 42; Gilbert M. Op. cit. P. 298-299; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 185-188.
32. Ullman R. Op. cit. P. 188-190; PWW. Vol. 61. P. 99.
33. Северный фронт. С. 190; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 137-140; Никулин А. П. Указ. соч. С. 39-45.
34. Army. The Evacuation. P. 14, 36-37; Maynard C. Op. cit. P. 271-280, 283-284; Swettenham J. Op. cit. P. 212-215.
35. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 74. Л. 13-15; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 81-83; Maynard C. Op. cit. P. 258-259.
36. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 221-228.
37. ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 3; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 122-124; Army. The Evacuation. P. 13; Ironside W. Op. cit. P. 151.
38. Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 191.
39. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 26-27; Добровольский С. Указ. соч. С. 27-28; Ironside W. Op. cit. P. 158-159; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 210-211.
40. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 60-61; Ротштейн Э. Указ. соч. С. 148-149; Марушевский В. В. Указ. соч. С. 248-253; Ironside W. Op. cit. P. 161-163; Rhodes B. Op. cit. P. 114.
41. ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
42. Минц И. И. Указ. соч. С. 246-250.
43. УМБ РФАО. Следственное дело на Мартынова Я. А. и др. С. 36 об. (дело О. Н. Антушевича).
44. Вестник ВПСО. 1919. 6 апреля.
45. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 221. Л. 107-108; Д. 219. Л. 315-315 об.; Д. 722. Л. 19-20 об.; Русский Север. 1919. 11 апреля.
46. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 221. Л. 102; Д. 722. Л. 18.; Д. 219. Л. 216 об.; Вестник ВПСО. 1919. 18 июля; Возрождение Севера. 1919. 8 октября.
47. Добровольский С. Указ. соч. С. 93.
48. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 331; Айронсайд. Кампания на Русском Севере // Военный вестник. 1927. № 5. С. 9.
49. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 61. Л. 150-153.
50. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 57-58; FRUS. 1919. Russia. P. 626; Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919-1939. First Series. Vol. III. London, 1949. P. 420, 445, 531, 586-587.
51. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 124-125; Минц И. И. Указ. соч. С. 203-204.
52. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-3; Ф. 176. Оп. 3. Д. 17. Л. 21, 25.

53. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 219. Л. 3-4; Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 22.
54. Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 194-196; Gilbert M. Op. cit. P. 311-313; Rhodes B. Op. cit. P. 115; DBFP. Vol. III. P. 414.
55. Army. The Evacuation. P. 43; Maurice F. The Life of General Lord Rawlinson of Trent from His Journals and Letters. London, 1928. P. 262-263.
56. Северный фронт. С. 66; Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 726; Борьба... на Мурмане. С. 256; DBFP. Vol. III. P. 459-460, 466-467.
57. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 21; Вестник ВПСО. 1919. 13 августа.
58. Возрождение Севера. 1919. 15-27 августа; Добровольский С. Указ. соч. С. 56-63; УМБ РФАО. Следственное дело на Мартынова Я. А. и др. (дело Антушевича О. И.). С. 25-127.
59. FRUS. 1919. Russia. P. 659.
60. Вестник ВПСО. 1919. 3 сентября; Северный фронт. С. 71-72, Марушевский В. В. Указ. соч. С. 259-262; Добровольский С. Указ. соч. С. 47-53; Миллер Е. К. Указ. соч. С. 8-9.
61. Марушевский В. В. Указ. соч. С. 252, 254, 256-257; Maurice F. Op. cit. P. 264.
62. Возрождение Севера. 1919. 3 октября; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 124-125, 131-134, 144-148; Army. The Evacuation. P. 17-18; Ironside W. Op. cit. P. 167-168, 182; Rhodes B. Op. cit. P. 116-117; Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 204, 216-217.
63. ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 539. Л. 1-7; Добровольский С. Указ. соч. С. 65-66; Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 116.
64. ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 53. Л. 58-59 об.; Вестник ВПСО. 1919. 3 сентября, 16 октября.
65. ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 16-16 об.; Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 32-33.
66. Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 150-152; Rhodes B. Op. cit. P. 118-120.
67. Вестник ВПСО. 1919. 10 октября.
68. Army. The Evacuation. P. 18; Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 366; March P. The Nation at War. New York. 1932. P. 150; Корнатовский Н. А. Северная контрреволюция. С. 120.

Глава 6

1. ЦГАСА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 205. Л. 156; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
2. Возрождение Севера. 1919. 23 октября.
3. АВПРИ. Ф. Военный агент в Англии. Д. 61. Л. 115-116; Прошев В. И. Указ. соч. С. 57-60; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Указ. соч. С. 154-155.
4. Кузьмин Н. Указ. соч. С. 230; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 3.
5. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 23-24.
6. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 18-20.
7. Там же. Д. 33. Л. 8 об.
8. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 64. Л. 77, 79, 101.
9. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 17-17 об.
10. Там же. Л. 20 об.

11. ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 77. Л. 129-130 об.
12. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 37; Д. 12. Л. 54; Ф. 176. Оп. 3. Д. 17. Л. 27-28; Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 7; Ф. 5867. Оп. 1. Д. 21. Л. 37; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 5246. Д. 3546. Л. 87 об.; УМБ РФАО. Следственное дело на Мартынова Я. А. и др. Л. 180.
13. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 21.
14. Соколов Б. Ф. Указ. соч. С. 42.
15. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 44; Вестник ВПСО. 1920. 3 февраля.
16. ГАРФ. Там же. Л. 44.
17. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 127-141; Добровольский С. Указ. соч. С. 97-99.
18. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 92. Л. 428; Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 85; Соколов Б. Ф. Указ. соч. С. 55-56.
19. УМБ РФАО. Следственное дело на Я. А. Мартынова и др. Л. 207-209 об.
20. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 11, 20-23; Возрождение Севера. 1920. 11 февраля.
21. За Россию. 1920. 15 февраля; Данилов И. Указ. соч. С. 63.
22. Возрождение Севера. 1920. 12 февраля.
23. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 52-55 об.; Соколов Б. Ф. Указ. соч. С. 58; Русский Север. 1920. 18 февраля.
24. Возрождение Севера. 1920. 17 февраля.
25. УМБ РФАО. Следственное дело на Я. А. Мартынова и др. Л. 204-206 об.
26. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 147, 149-149 об.
27. Миллер Е. К. Указ. соч. С. 9-11; Данилов И. Указ. соч. С. 66-68.
28. ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 11-15; Д. 63. Л. 28; Ф. 5805. Оп. 1. Д. 419. Л. 1.

Список сокращений

- ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции)
- АВПрФ - Архив внешней политики Российской Федерации МИД России
- АБПРИ - Архив внешней политики Российской Империи МИД России
- ЦГАСА - Центральный государственный архив Советской Армии
- ЦГАВМФ - Центральный государственный архив Военно-Морского Флота
- РЦХИДНИ - Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив)
- ЦГАРК - Центральный государственный архив Республики Карелии
- ВОАНПИ - Вологодский областной архив новейшей политической истории
- ГАВО - Государственный архив Вологодской области
- ГАО - Государственный архив Архангельской области
- ГАМО - Государственный архив Мурманской области
- УМБ РФАО - Управление Министерства безопасности Российской Федерации по Архангельской области
- АОИРС - Архангельское общество изучения Русского Севера
- ДВП - Документы внешней политики СССР
- СВР - Союз возрождения России
- DBFP - Documents on British Foreign Policy
- FRUS - Papers Relating to the Foreign Relations of the United States
- PWW - The Papers of Woodrow Wilson

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Мурманский узел: тайны, в которых война рождалась	11
Северная прелюдия	11
«Словесное соглашение» — путь к войне или дорога к миру?	22
Разрыв	37
Глава 2. На тропе войны	47
Глава 3. «Во имя спасения Родины и завоеваний Революции»: Верховное управление Северной области у власти	70
Глава 4. Белый Север под протекторатом Антанты	92
В поисках «среднего» курса	92
Интервенты на Севере: бремя трудных решений.....	112
Глава 5. Время несбывшихся надежд	129
Трудная весна девятнадцатого	129
Конец союзной интервенции	144
Глава 6. Падение Северного фронта	162
Заключение	177
Примечания	182
Список сокращений	197

Научное издание

Голдин Владислав Иванович

**ИНТЕРВЕНЦИЯ
И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ. 1918—1920.**

Зав. редакцией Г. М. Степаненко
Редактор В. В. Михеева
Художественный редактор Св. В. Мухина
Обложка художника В. В. Гарбузова
Технический редактор Н. И. Смирнова

Н/К

Сдано в набор 15.04.93. Подписано в печать 11.06.93.
Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 1393. Заказное изд. № 2625.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

ТОО «Солти»
163012 г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1